

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ ВОЗВРАЩЕНИЕ

«Миссия славянских народов состоит в том, чтобы изменить сущность человеческих взаимоотношений, освободить их от эгоизма и грубых материальных страстей, восстановить на новой основе — на любви, доверии и мудрости. Из России в мир придет надежда — не от коммунистов, не от большевиков, а из свободной России! Пройдут годы, прежде чем это случится, но именно религиозное развитие России и даст миру надежду».

Эдгар Кейси

Духовно-просветительский альманах ВОЗВРАЩЕНИЕ

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Выпуск 4
2019

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ Возвращение

Издается по благословению
Преосвященнейшего Софрония,
епископа Губкинского и Грайворонского

2019

Каждый человек, получивший право на то чтобы прийти в этот мир, настолько любим своим Творцом, что нам трудно представить глубину этой любви. А причина проста: мы так удалились от нее, что перестали понимать и ощущать ее подлинную суть. Житейские заботы почти полностью забрали все наше время и все наши силы. И как показывает очевидная действительность, мы потеряли умение радоваться по-настоящему. Страхи за свою собственную жизнь, за жизнь и благополучие близких, за бизнес, да за все что угодно, сковывают нас и лишают возможности дышать полной грудью. Не хватает духовного воздуха, и душа задыхается. Да что там духовного, уже и земной воздух становится все тяжелее и тяжелее.

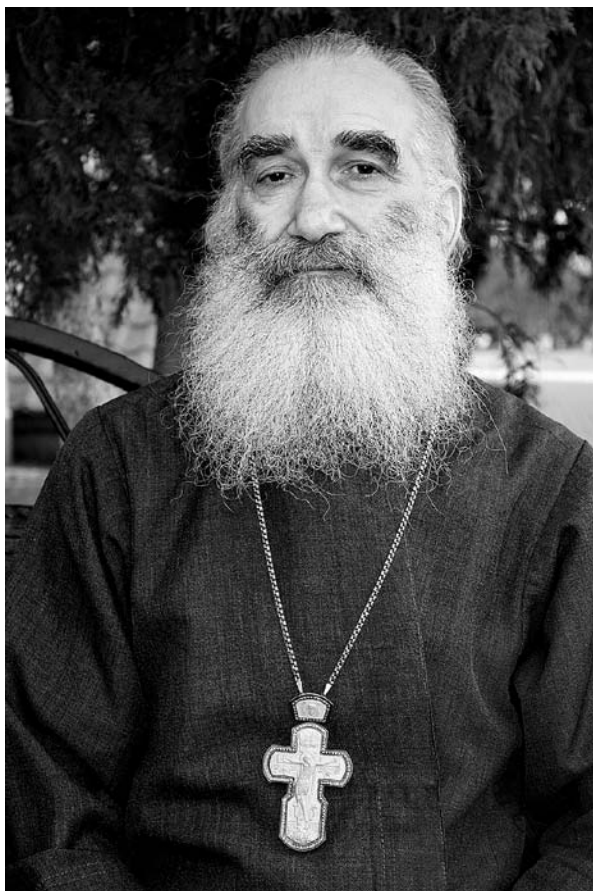
Взирая на столь грустную картину, Господь все равно не отворачивается от нас, а наоборот, вновь и вновь призывает к Себе Своих «заблудших овец»: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11:28). Но нам все некогда, и мы всегда находим причину для оправдания. Но вот налетела, к примеру, страшная буря или посетила человека тяжелая болезнь. И не рад он ни вкусной еде, ни красивой одежде, ни каким-либо успехам, как в личной, так и в общественной жизни. И начинает он либо роптать и искать виноватых, либо обливаться горячими слезами, не понимая, почему именно ему так нынче невыносимо тяжело.

А Господь стоит в это время у дверей его сердца и терпеливо ждет, когда она отворится. И если по милости Божией это чудесное событие вдруг происходит, сердце человеческое, пропустив через себя скорби и испытания, отворяется, и блуждающая доселе овца находится и возвращается к своему доброму Пастырю, Он радуется радостью неизреченной, а вместе с Ним радуется и все Небо.

В другом месте Христос говорит: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец. А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит проходящего волка, и оставляет овец, и бежит; и волк расхищает овец, и разгоняет их». (Ин. 10:11-12).

Во все времена многие пытались привлечь к себе народ. Одни были просто талантливыми шарлатанами, другие действительно искренне предлагали свои в меру полезные рецепты, дабы изменить жизнь к лучшему. Но чтобы Сам Творец в образе человека пришел в этот мир, Им же сотворенный, и принес Себя в жертву ради каждого из нас – такое случилось лишь однажды. И, являясь Добрым Пастырем, Он продолжает искать нас, затерявшихся в этом житейском море непослушных овец, и будет делать это, пока мир существует.

А наша задача – сделать все, чтобы из непослушных овец стать послушными, услышать родной голос нашего Пастыря и откликнуться, и вернуться, как некогда это сделал блудный сын, который, уйдя от Отца, потерял все и, вернувшись, получил гораздо больше. Таково удивительное и непостижимое свойство Божественной любви.

СЛОВО РЕДАКТОРА

Совсем недавно на улице одного из наших российских поселений замерзла больная престарелая женщина. Кто-то не захотел открыть ей дверь, а кто-то не успел... Вспомнилась вдруг давняя грустная история, произошедшая 2000 лет назад, когда Деву Марию, Которая вот-вот должна была разрешиться маленьким Спасителем, никто не впустил к себе в дом. Не впустили Христа, не помогли, не отогрели...

Может быть, и в этот раз мы не пустили Христа? И, может быть, в этом и заключается вся причина происходящего вокруг? Оттого, что мы не пускаем к себе Христа?

Мудрые люди, познавшие что-то очень важное в своей жизни, советуют проживать каждый день как последний. По их мнению, такой подход должен побуждать человека к высочайшей ответственности за каждый шаг, за каждую мысль или намерение. Однако эту мысль о последнем дне люди понимают по-разному.

Одних она побуждает максимально наполнять свою жизнь земными радостями, чтобы успеть ими насладиться сполна и потом как бы ни о чем не жалеть.

Однако есть и другие, которые пытаются наполнять свою жизнь высоким смыслом, веруя, что со смертью она не заканчивается, а, быть может, только по-настоящему и начинается.

Невероятное обилие резко меняющихся в современном мире событий, их многоликая пестрота и пустота, доходящая до абсурда, бесконечное количество диаметрально противоположных мнений, доводящих нередко доверчивых людей до физического насилия даже, казалось бы, в цивилизованных кругах, – все это похоже на какую-то «тарабарщину», захватившую в свои цепкие руки почти весь мир, который временами начинает напоминать преддверие ада. Как в такой обстановке не лишиться рассудка? Наблюдая происходящее, невольно приходишь к убеждению, что одна из главных задач неких сил (назовем их для удобства темными) заключается именно в том, чтобы всяческими «приманками» затянуть человека в болото, выдавая его за чудесную лесную поляну с прекрасными цветами, зеленой травкой и сладкими ягодами. И все это для того, чтобы отвлечь его от главной работы, работы над собой, над повышением своего интеллектуального, культурного и, наконец, духовного уровня. А поскольку эта работа не так уж и проста, а человек, как мы знаем, достаточно ленив, то ему легче соскользнуть в область почти искусственных проблем, ввязываясь в решение которых, громко выражая свое недовольство и критикуя всех и вся, он начинает думать, что на самом деле лично участвует в глобальных процессах по переустройству своего бытия.

Собственно, ослабление вышеобозначенных уровней (интеллектуального, культурного и духовного) приводит любой народ к ослаблению или полной потере верного взгляда на вещи или, как иногда говорят, к помутнению разума, и тогда с таким народом может произойти беда, как это, к примеру, произошло с нами сто лет назад и происходит сейчас прямо на наших глазах на Украине, где народ «медленно, но верно» становится населением.

Кажется, нормальному человеку должно быть очевидно, в чем причина происходящего. Евангельские истины становятся все менее и менее понятными и привлекательными для людей. Отсутствие живой веры в великие смыслы (добро,

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ ВОЗВРАЩЕНИЕ

справедливость, братство, бессмертие, любовь) делает большинство людей все более и более ограниченными в восприятии жизни. Однако, вооруженные последними супердостижениями собственного разума, они наивно полагают, что эти достижения могут сделать их свободными и счастливыми.

Таким образом, в том, что происходит вокруг, виноваты мы сами, потому как не желаем раскрывать в себе потрясающие, поистине феноменальные возможности, заложенные в нас Творцом, а потому и остаемся рабами цифры, но не становимся носителями духа. Но, увы, силы, о которых мы говорили выше, делают все для того, чтобы мы остались рабами и не стали свободными. И эти силы, и теперь это ещё очевидней, ведут откровенную войну с христианским миром, а значит, и с Самим Христом. Тем более когда эти силы в лице Константинопольской, казалось бы, православной иерархии, поощряя и поддерживая откровенных раскольников, наносят болезненный удар по Вселенскому Православию. А это чревато тем, что конец человеческой истории может случиться гораздо раньше, чем мы это можем себе предположить. И очень важно, с каким духовным багажом мы придем к этому Великому событию, к Великой Тайне человеческого бытия, когда «мертвые воскреснут, а живые изменятся» (1 Кор. 15:52). Вселенская любовь в мгновение ока откроет нам духовные очи, и мы узнаем, наконец, что такое настоящая правда и настоящая справедливость. И, наверное, немало удивимся, когда увидим счастливых мучеников, простивших своих мучителей, радостную армию хромых и убогих, пребывающих в полном здравии и, наконец, старую замерзшую женщину, которая теперь, будучи молодой и красивой, с открытой душой встретит тех, кто не захотел или не успел открыть ей двери и обогреть...

Белгород – Губкин – Ракитное

Духовно-просветительский центр имени архимандрита Серафима (Тяпочкина)

РЕДАКТОР:

Протоиерей Николай Германский

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

В.В. Аксютин – философ, общественный деятель

В.И. Аннушкин – доктор филологических наук, профессор Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина

В.В. Блохин – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и социально-экономических дисциплин РУДН

А.В. Богатырев – режиссер-документалист, писатель

В.Д. Ирзабеков – писатель, публицист, гл. редактор портала Благотворительного фонда свт. Луки (Войно-Ясенецкого)

М.Г. Калинин – ответственный секретарь и член Союза кинематографистов России, первый вице-президент Международной Академии творчества

А.Ю. Минаков – доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, руководитель Центра по изучению консерватизма

С.А. Минаков – член Союза писателей России

Т.В. Москвина-Яценко – киновед, преподаватель ВГИКа, член жюри кинофестиваля «Радонеж»

В.В. Овчинников – чл.-корр. Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения, заслуженный работник культуры РФ

Н.М. Ракитянский – доктор психологических наук, профессор кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

В.Н. Расторгуев – доктор философских наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

В.И. Теличкина – народная артистка Российской Федерации

В.И. Тонких – заместитель председателя Союза кинематографистов России, политолог

И.А. Чарота – доктор филологических наук, профессор, академик Сербской Академии наук и искусств, зав. кафедрой славянских литератур Белорусского госуниверситета

ВЁРСТКА И ДИЗАЙН:

Лариса Плужникова

КОРРЕКТОР:

Надежда Васильева

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

309310, Белгородская область, п.Ракитное, ул.Коммунаров, 7

Тел. +7(47245)5-64-36, e-mail: snhram@yandex.ru

сайт: www.hram-rakitnoe.ru

Подписано в печать __. __. 2019. Тираж 999 экз.

Отпечатано в типографии «Принт Мастер»,

г. Белгород, ул. Костюкова, 16а. Тел. +7(47222)555-929.

Содержание

Русская мысль

Кудрявцев Владимир Александрович Грудина Татьяна Николаевна Вакулинская Александра Ивановна	Актуальность наследия Н. А. Бердяева и И. А. Ильина в условиях кризиса институтов семьи и государства в современной России	5
Михаил Демурин	Идеи Данилевского: шанс на прочные союзы и национальная самобытность	18
Александр Щипков	Патриарх Варфоломей запомнится как учинитель раскола	24

Цивилизация

Николай Ракитянский	Долг свидетельства	42
Иван Чарота	Беседа с Сергеем Капнистом Славянство в глобализационно изменившемся мире	48
Валентин Катасонов	Глобальный геноцид в «научной» упаковке. К юбилею Римского клуба	57

Духовное наследие

Паисий Святогорец	Неисчерпаемая любовь Божия и наша любовь к Богу	66
Преподобный Силуан Афонский	О любви	72

Церковь и время

Иустин Попович	Единственное утешение человечества	80
Татьяна Радынова	Сила – в любви. К 85-летию со дня рождения Юрия Алексеевича Гагарина	84

Наука и религия

Евгения Погодина	Потерянный гений России	96
Юлия Линде	Борис Раушенбах: От ракеты к иконе	108

Родные имена

Великие соотечественники об А.С. Пушкине:		
Федор Достоевский	Речь о Пушкине	116
Иван Ильин	Пророческое призвание Пушкина	125
Даниил Ильченко	«Муж Победы» Воспоминания об А.В. Суворове	134
Сергей Алексеев	Из «Рассказов о Суворове и русских солдатах»	138
Елена Пономарева	Без уважения к прошлому нет будущего О Николае Михайловиче Соковнине	144

Книжная полка

Монах Лазарь (Афанасьев)	Мирской старец	149
--------------------------	----------------	-----

Чистое слово

Николай Лесков	Жемчужное ожерелье	161
Василий Никифоров-Волгин	Светлая заутреня	170

Светлые образы

Станислав Минаков	Ангельский реализм Александра Простева	174
-------------------	--	-----

Кудрявцев Владимир Александрович,

кандидат философских наук, доцент кафедры истории теории социологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Грудина Татьяна Николаевна,

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории социологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Вакулинская Александра Ивановна,

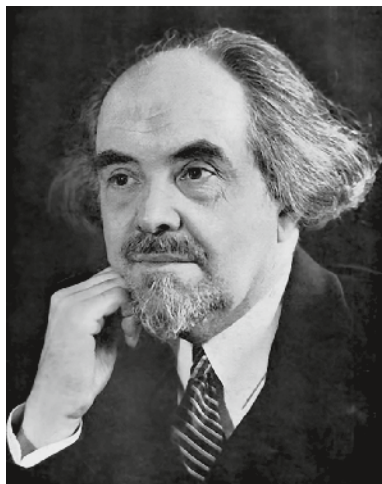
аспирантка кафедры истории русской философии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Актуальность наследия Н. А. Бердяева и И. А. Ильина в условиях кризиса институтов семьи и государства в современной России

*«Укрепляй семью, потому
что она основа всякого
государства».*

*(Из духовного завещания
Императора Александра III
своему сыну, будущему
Императору Николаю II)*

Нынешний мир с его либеральными ценностями семимильными шагами отходит от прописной христианской истины о семье, приведенной в эпиграфе. «Современный мир переживает глубокий кризис – религиозный, духовный, национальный» – так в своей книге «Путь духовного обновления», написанной в 1935 году, характеризует очевидную уже тогда ситуацию философ И. А. Ильин [12, с. 6]. В настоящее время эта констатация весьма актуальна: отголоски ее все больше слышны, поскольку кризис трех главных составляющих бытия человека набирает обороты. Другой представитель русской философии, Н. А. Бер-

Бердяев
Николай Александрович,
русский философ

Ильин
Иван Александрович,
русский философ

дяев, современник Ильина, в своей работе «Новое средневековье» (1924), обличая духовный упадок уходящей эпохи, констатировал: «Мы живем в эпоху, аналогичную эпохе гибели античного мира. Тогда был закат культуры несоизмеримо более высокой, чем культура нового времени, чем цивилизация XIX века» [5, с. 411]. Является ли наше время новым витком в истории или продолжением культурного кризиса XIX века, мы постараемся раскрыть в рамках данной статьи на примерах таких основных институтов жизни общества, как семья и государство.

Будучи одним из системообразующих институтов общества, семья претерпела множественные изменения сообразно самым разным общественным тенденциям и государственным преобразованиям. Кризис института семьи в настоящее время носит глобальный характер, и в этом мнении сходятся многие ученые [1, 4, 15]. Он проявляется в таких негативных тенденциях, как увеличение количества разводов, распространение в цивилизованном мире норм малодетности и бездетности, невыполнение семьями своих прямых функций, ослабление родственных связей, различные девиантные формы семейного поведения, и как демографическое следствие – депопуляция, оголение и опустошение огромных российских пространств.

Если посмотреть на ситуацию с точки зрения качественных, социоморальных показателей, то в нашей стране из «40 млн российских семей лишь 17 млн настоящих (полных) – с родителями и детьми. Остальные (12 млн бездетных пар и 11 млн «ячеек» с одним родителем) » [3]. Такое положение дел вполне соответствует общей цивилизационной тенденции: в развитых европейских странах тоже наблюдается период «семейного увядания». По мнению экспертов, для того чтобы население Европы хотя бы не уменьшалось, пусть при этом и не увеличиваясь, необходимо, чтобы женщины рожали в среднем 2-3 ребенка за свою жизнь. Сегодня данный показатель составляет 1,4-1,5 ребенка. «Полуторадетная» Европа ныне напоминает коллективный дом престарелых, и в перспективе сокращение населения там за 50 лет увеличится ровно в два раза [3]. Вместе с Европой и Россией в зоне малодетности на сегодня находится около 80 стран мира (более 40% населения планеты) [2].

И это общемировая ситуация – еще пока не реальность, но уж точно тенденция. Если обратиться к другим, традиционно многодетным странам и государствам, картина семьи вырисовывается тоже не слишком радужная: «В странах Азии, Африки и Латин-

ской Америки суммарный коэффициент рождаемости равен где-то 2,7. А ведь совсем недавно было 4-6 детей на одну женщину» [3]. Глобальные изменения в жизнедеятельности населения и непосредственно той ее приватной сферы, которая связана с созданием семейного очага и его поддержанием, повергли институт семьи в глубокий кризис: снижение показателей рождаемости происходит повсеместно. «50 лет назад население стран развитого мира [Европа, Северная Америка, Россия. – Авт.] было 1,5 млрд человек, сейчас – 1,15 млрд. И сокращение продолжается» [3].

Наблюдаемое ослабление роли семьи как прямого посредника при взаимодействии личности и общества приводит к усилению внесемейных ценностных ориентаций среди семейного микрокруга: каждый настроен на реализацию своих личных интересов, достижение индивидуального благополучия. Ценности семейного образа жизни и детей вытесняются на второй план. Такой распад семейного единства, некоего семейного «Мы» (общего «Семь Я») на отдельные изолированные «Я» перестает нивелировать внутренние различия по возрасту, полу, статусу, внутрисемейным ролям, все более увеличивая существующее неравенство. Тогда как, по мнению Ильина, именно «семья есть для ребенка первое «мы», возникшее из любви, добровольного служения, где один стоит за всех и все за одного» [12, с. 222], поскольку по самому своему онтологическому статусу «семья есть данное от природы общественное единство» [12, с. 223]. По причине эгоизации сознания и атомизации общества именно в разрушении этого уникального единства между супругами, родителями и детьми, родственниками и свойственниками проявляется вся глубина кризисного состояния семейного образа жизни. Происходит переоценка ценностей, где дух индивидуализма стремительно укрепляется во всех сферах жизнедеятельности. А как отмечал Н.А. Бердяев, «индивидуализм менее всего укрепляет личность, образ человека» [5, с. 417]. «Таким образом, ценностно-инсти-

туциональный кризис семьи обнаруживает существующие внутри семьи личностные различия, приводя к разводам, а на институциональном уровне проявляет зависимость положение института семьи, в частности от института государства» [2].

Заметим, что Россия является лидером в мировом рейтинге стран по уровню разводов [18]. Так, на май 2017 года в современной России, согласно данным Росстата [19], на 1000 браков приходилось 829 разводов (примерно 83%), а в 2016 году данная цифра была еще выше: 895 разводов на 1000 браков (около 90%). В некоторых субъектах РФ количество разводов превышало количество заключенных браков: Ленинградская (112%), Алтайская (106%), Республика Коми (103%). Наименьший уровень разводов демонстрировали Республика Чечня (16%), Ингушетия (18%), Тува (28%). Стоит отметить, что в субъектах РФ с наименьшим уровнем разводимости сохраняются и уважаются традиционные ценности, связанные с институтами брака и семьи, чего не скажешь о более «инновационных», «либеральных» регионах с высоким уровнем разводов. Самой популярной причиной, лежащей в основании принятия решения о разводе, на сегодня является «несовместимость характеров», проще говоря, наличие различных ценностных ориентиров у супругов. Под давлением либеральных ценностей, возносящих свободу и равенство обоих полов, происходит трансформация внутрисемейных ролей. Если ранее, как отмечал Ильин в письме к своему другу, в России была распространена та установка, что в семье «ответственность всегда лежит на мужчине... Он есть глава дома, домовладыка» [11, с. 348], то сегодня при инфантилизации мужского сознания и вкрапления элементов феминизма в сознание женское все чаще функцию «домовладыки» начинает выполнять женщина, в случае развода совмещающая обе родительские роли. В свое время другой русский философ, Н.А. Бердяев, предвидев кризис родовой семьи, указывал, что «не эмансипированная и уподобленная мужчи-

не женщина, а вечная женственность должна играть большую роль в грядущий период истории» [5, с. 437]. То есть для нормального развития общества необходим возврат к традиционным семейным ролям. А сегодня, как мы видим, происходит маскулинизация женщин, совмещение женщиной двух родительских ролей. То, что раньше с явно ущербным, отрицательным смыслом констатировалось в обществе как «безотцовщина», сегодня становится не просто социальной нормой, но и прямым следствием бесполезности отца в семье, его ненужности.

Поэтому сегодня зачастую именно женщины становятся инициатором развода. Кризисный возраст семьи, согласно статистике [20], это 5-9 лет – период, за который супруги уже могли обзавестись детьми, охладеть друг к другу и разойтись в ценностных ориентациях. Известен факт, что развод родителей, безусловно, отражается на душевном состоянии детей и формировании их характеров. И. А. Ильин интерпретировал данный факт следующим образом: «...разводы мужа и жены, отца и матери – разрушают душу детей. Дети все видят и замечают. Для того, чтобы из них вышли люди, а не калеки – им необходимо сохранить в душе два священных первообраза: чистой матери и благого отца. Развод лишает их этого» [11, с. 348]. В каком-то смысле ныне внутри огромного числа семей налицо тот же, что и на других уровнях секуляризации сознания, принцип десакрализации образов обоих родителей и семьи как ячейки общества.

В жизненных планах и стратегиях населения ценность семьи внутри общества потребления и стремления к удовольствиям часто не выдерживает конкуренции в погоне за различными благами и достижениями: карьера, путешествия, комфортная жизнь, развлечения и прочее – все это куда ближе современным людям. Особенно это проявляется в массовом вовлечении женщин в систему трудовой занятости. В нашей стране практически все женщины вовлечены в сферу профессионального развития. При этом в либеральной Европе прослойка домо-

хозяек достаточно велика. Европейский средний класс держится на «однодоходных» семьях, то есть семьях, где муж обеспечивает жену и детей [3]. Доля женщин, вовлеченных в производство, стремительно возрастает [21]. По мнению российского демографа А. И. Антонова, «огосударствление (деприватизация) семьи – детей, взрослых через стандартность социально-конвенциональных ролей раскрывает социальную сторону деградации семейности, семьецентризма» [2]. Современное государство, принимающее на себя заботу о семье, фактически уничтожает прослойку женщин-домохозяек, способствуя возрастанию числа женщин, занятых в сфере наемного труда. В этой связи происходит отчуждение родителей (особенно женщин-матерей) от детей, нарушается функция внутрисемейного воспитания, которую перехватывают различные государственные и общественные учреждения: детские сады, пансионаты и пр. Родители вынуждены, с одной стороны, хорошо зарабатывать, чтобы достойно содержать семью. Но, с другой стороны, желание и потребность во всестороннем развитии и самореализации (карьерный рост, заграничные командировки и стажировки, обучение) имеют для них куда большую ценность, чем воспитание детей, забота о них и уход. Получается, что многие матери стоят перед выбором: воспитывать детей самостоятельно или зарабатывать и оплачивать их воспитание в различных учреждениях, прибегать к услугам «няни» на дому. В начале XX столетия Бердяев писал: «Вся капиталистическая система хозяйства есть детище пожирающей и истребляющей похоти. Она могла возникнуть лишь в обществе, которое окончательно, удаляясь от всякого христианского аскетизма, отвернулось от неба и исключительно отдалось земным удовлетворениям» [5, с. 421]. Действительно, бешеный ритм жизни современного человека, который все дальше и дальше отводит его от вечных истин, становится причиной пренебрежения той духовной связью, которая соединяет людей в семью.

Проблема эта имеет и другой угол зрения.

Поскольку в нашем обществе очень высокий процент разводов, одному родителю крайне сложно совмещать достойное воспитание и содержание детей. В таких случаях вынужденная занятость приводит к негативным последствиям, которые часто носят девиантный характер. Существует устойчивая зависимость между снижением качества «семейности» и семейного образа жизни и повышением уровня девиантного поведения среди подростков. Институт семьи перестает эффективно выполнять роль агента первичной социализации, так как возрастает зона «внесемейного воспитания» и содержания детей. А. И. Антонов отмечал достаточно интересную взаимосвязь между кризисом института семьи и процессом возникновения социального государства: «...негативные факты нахождения детей в кризисной семье служат расширению практики вмешательства государства в приватную жизнь семьи, снижающего, в конечном счете, автономию семьи как социального института. Социальное государство, выражая, прежде всего, экономические интересы внесемейного сегмента рыночного капитализма, не способствует, увы, укреплению семьи, и, предпринимая меры по охране внесемейного труда женщин-работниц, косвенным образом содействует снижению ценности материнства и семейного образа жизни в целом» [2].

Как справедливо отмечал Ильин в пику теории коммунистического воспитания, «никакие детские сады, детские дома, приюты и тому подобные фальшивые замены семьи никогда не дадут ребенку необходимого» [12, с. 248-249]. Именно семья, по мнению философа, выступает в качестве «лаборатории» человеческих судеб, в ней работает уникальный социокультурный механизм, который обеспечивает нестандартное воспитание человека. Ильин пишет о том, что бывают эпохи, в которые небрежность, безответственность родителей начинают возрастать с каждым новым поколением: «Это как раз в те эпохи, когда духовное начало начинает колебаться в душах, слабость и как бы исчезать; это эпохи распространя-

ющегося и крепнущего безбожия и приверженности к материальному, эпохи бессовестности, бесчестия, карьеризма и цинизма» [12, с. 207]. В такие эпохи ценность семьи теряет свое первостепенное значение, в связи с чем последующий ее уход с исторической сцены – это, по мнению русского философа, «весьма печальное будущее человечества». Эти слова оказались пророческими.

Проблема института семьи, по мнению И. А. Ильина, кроется в том, что «семья распадается совсем не от ускорения исторического темпа, но вследствие переживаемого человеком духовного кризиса» [12, с. 248]. Кризис этот подрывает духовное единение семьи, лишая ее «чувства взаимной духовной собственности». Между тем «семья начинается с брака и в нем завязывается» [12, с. 202]. Однако в современном обществе мужчины и женщины, дабы юридически не сковывать свою свободу, во многом предпочитают оставаться партнерами, все чаще сторонятся официально регистрировать свои отношения, все чаще практикуются совместные формы проживания, так называемые «гражданские браки», то есть сожительства. Здесь и обязательств, и ответственности меньше, и свободы больше, всегда есть возможность прервать отношения с минимальными материальными потерями для обеих сторон, не ограничивать себя в потребностях и желаниях разного рода. «Половая потребность, инстинктивные влечения создают не брак, а всего только биологическое сочетание (спаривание); из такого сочетания возникает не семья, а элементарное рядом-жительство рождающих и рожденных (родителей и детей) » [12, с. 208]. Получается, что инстинкт, сексуальное влечение, евангельская «похоть плоти», о которой писал и Ильин, не является устойчивым фундаментом для создания человеческого союза, потому что «у нее, так сказать, короткое дыхание, едва достаточное для простого деторождения и совершенно не соответствующего задаче воспитания» [12, с. 209].

Вполне предсказуемыми последствиями нарушения семейных взаимоотношений

стали сегодня такие тренды, как рост числа сожительства и разводов, увеличение среднего возраста вступления в брак, а также возраста матери при рождении первого ребенка и т. д. Другой немаловажной и злободневной проблемой как для института семьи, так и для государства, является в нашей стране возросшее количество аборт, совершаемых женщинами различных возрастов. Это явление за последний век уже стало причиной нашей демографической ямы и теперь становится национальным бедствием. «Возросшее количество аборт означает отход общества от преданности жизни и преданности будущему» [22]. В этой связи еще в начале прошлого столетия Питирим Сорокин писал: «Семья как бы тает и рассасывается, распадаясь на части, теряя одну за другой связи и функции...» [17, с. 27].

Ильин придавал огромное значение семье как первичному институту социализации, указывал на важную роль тех знаний и чувств, которые были получены и восприняты человеком с детства. Понимая важность формирования сознания с малых лет, он подчеркивал, что именно семья является первой школой обретения чувства внутренней свободы. В рамках данной школы ребенок научается принимать родительские приказы и запреты, исходя из чувства любви и уважения к ним. Также ребенок учится вменять себе в обязанность соблюдение и добровольное подчинение требованиям, идущим от родителей, а позже и от внешнего авторитета, сохраняя при этом внутренние душевные воззрения и убеждения. Благодаря всему вышеперечисленному «семья становится как бы начальной школой для воспитания свободного и здорового правосознания» [13, с. 140]. Понятно, что в либеральной системе ценностей под свободой понимается нечто совсем иное. Заметим, что даже такой яркий защитник свободы личности, как Н. А. Бердяев, никогда не соглашался с трактовкой свободы в либеральном ключе. Николай Александрович отмечал, что формальная свобода нового времени, остановившаяся на признании формального права

«избирать какую угодно истину или ложь», породила лишь беспредметное общество, лишенное телеологической направленности [5, с. 419].

В социальной концепции И.А.Ильина государство, право, философия, религия – все это в первую очередь сферы получения духовного опыта. А основная задача воспитания человека в семье состоит в том, чтобы предоставить ребенку доступ ко всем сферам духовного опыта, открыть духовное око на важные и священные вещи. В конце концов, цель воспитания – показать тот путь, следуя которому сердце ребенка будет способно «отзываться на всякое явление Божественного в мире и в людях» [13, с. 142]. Именно в семье человек научается любить свой народ, родную культуру, уважать право и государство. В концепции Ильина семья выступает в качестве первоосновы Родины: «...семья есть первичное лоно человеческой духовности, а потому и всей духовной культуры, и прежде всего – родины» [13, с. 156].

Духовная культура у каждого народа уникальна и непосредственно связана с историей, территорией, климатом, верой, языком конкретного народа. В своих ранних статьях Бердяев подчеркивал, что русский народ имеет женское, «бабье» лицо и натуру [5, 6]. Если обратиться к истории России, то можно отметить тот факт, что процесс формирования русского народа как такового был непосредственно связан с возникновением единого государства. Государством же Древняя Русь стала называться с момента объединения земель и возникновения общей единой веры, то есть с момента Крещения. Принятие христианства, присоединение Руси к христианскому универсуму во главе с Византией повлекло за собой учреждение письменности, распространение грамотности, развитие искусств, начало становления института образования, а с ним и роста культуры. Впоследствии именно религиозный аспект на протяжении веков играл роль важного связующего звена, объединявшего правителя и его народ. Заметим, что в рамках философии Бердяева, именно христианство

способно дополнить женскую стихию России оформляющим мужественным «началом Логоса», то есть смыслом [7].

Как бы это ни противоречило современному релятивистскому воззрению на религию, представители которого усматривают в существовании разных верований причину конфликтов между людьми, в связи с чем и звучат призывы к отмене всех религий и построению общемирового государства под лозунгами гуманизма, Ильин отмечал следующую особенность христианства: «...христианин рожден быть гражданином вселенной; и высшее призвание его состоит в том, чтобы отвергнуть всякие условные деления людей» [13, с. 157]. Об уникальном свойстве православия менее всех других ветвей христианства ограничивать свободу личности писал в своей книге «Самопознание» Н.А.Бердяев [8, с. 163]. Религиозный фактор, безусловно, оказывал основное влияние на взаимоотношения народов, проживающих на территории Руси. Православие в силу своего универсализма способствовало построению братских отношений с представителями иных религий и конфессий. Сравнивая существующие в России и Европе отношения между народами, которые исторически связаны с определенными способами миссионерской деятельности Восточной и Западной Церквей, Ильин писал: «Европеец, воспитанный Римом, презирует про себя другие народы (и европейские тоже) и желает властвовать над ними; за то требует внутри государства формальной «свободы» и формальной «демократии». Русский человек всегда наслаждался естественной свободой своего пространства, вольностью безгосударственного быта и расселения и нестесненностью своей внутренней индивидуализации; он всегда «удивлялся» другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся поработителей» [9, с. 154].

Данные исторические особенности формирования и развития русского государства могут выступать в качестве одного из ключевых факторов в процессе переосмысления

существующей действительности, поиска выхода из сложившихся кризисных ситуаций. Отсутствие прочных знаний по истории среди граждан страны зачастую может привести к распространению различного рода предрассудков, созданию искаженного образа мировых государств. Известен афоризм, приписываемый М.В. Ломоносову, что «народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего». Лучший способ познакомиться с культурой той или иной страны – это изучить ее историю. Заметим, что именно уровень знания истории в современной России оставляет желать лучшего. Во многом это также связано с кризисом института семьи как первоячейки образования детей и подростков.

Итак, душевный строй ребенка формируется в основе своей еще в семье. Именно в семье закладывается будущая гражданская позиция нового члена общества, происходит воспитание воли и чувств. Именно в семье прививается любовь к родине, а следовательно, к ее культуре. Во многом свое влияние на данные процессы оказывает институт образования. Однако на сегодняшний день родители излишне надеются на других, уповают на труд педагогов, возлагают на них колоссальную ответственность за воспитание своих детей, в свою очередь практически полностью снимая ее с себя. А нынешний школьник, уже с начальных классов обладающий средством выхода в Интернет-пространство, охотнее прочтает (а еще вернее, послушает и посмотрит) статью на соответствующем информационном ресурсе, чем откроет учебник по истории или литературе. Присутствие на уроке еще не гарантирует того, что материал, полученный в стенах школы, будет воспринят, и вся практика работы со студентами уже в вузе говорит об этом. Скорее всего, конкуренцию этому «скучному» материалу составят красочные интернет-сайты, где буквально в двух словах и в любую минуту можно получить ответ на возникающие в голове вопросы.

Плодами данного «педагогического» процесса является то, что, к сожалению, в нашем

государстве уровень знания отечественной истории достаточно низкий. Например, с 2015 года по инициативе Молодежного парламента при Государственной Думе в России, в рамках проекта «Каждый день горжусь Россией!» [23] проводится Всероссийский исторический диктант, участие в котором могут принять все желающие. Однако результаты диктанта не дают повода для оптимизма. В 2015 году, например, в диктанте приняли участие некоторые высшие учебные заведения, при этом средний балл по стране составил 23 из 40 [24]. Но только достижение результата 30 баллов свидетельствует о более или менее хорошем знании предмета. Средний балл по России за 2017 год пока почему-то не представлен, однако известно, что максимальный средний балл по регионам-лидерам не превышал и 20 баллов [25]. В 2017 году к написанию диктанта присоединились уже и среднеобразовательные школы различных регионов страны, с чем, конечно, может быть связано снижение общего показателя. История – достаточно сложная дисциплина, однако необходимая в рамках культурного воспитания человека. Незнание истории страны зачастую способствует искажению образа родины и всего окружающего нас мира в душе человека. Кроме того, постоянные реформы и связанное с ними отсутствие качественных и систематических знаний в области истории ведут к снижению ориентации в обширном материале и уровня критического мышления личности. Недаром русские философы, в частности Бердяев и Ильин, не одну работу посвятили рассмотрению процесса исторического развития и становления Российского государства.

Постиндустриальная, постмодернистская эпоха через глобализацию, безусловно, накладывает свой отпечаток на мировоззрение граждан всех стран мира. Благодаря информационным технологиям ускоряется процесс унификации, трафаретности, символизации актов мышления, обезличивания национальных культур. Процесс глобализации, протекающий в России на фоне стан-

дартизации и формирования упрощенного образа мировых государств, безусловно, ведет ко все большему отрыву сознания русского человека от его исконной национальной культуры. Однако, теряя связь с традициями, культурой, этикой и даже языком своего народа, человек утрачивает связь и со своей духовной родиной, образ которой через внедряемое историческое беспамятство и секуляризацию мышления может так и не раскрыться в душе молодого человека. В главе «О патриотизме» Ильин, критикуя безродный интернационализм и космополитизм, приходит к важному выводу: «...только тот может нелицемерно говорить о «братстве народов», кто сумел найти свою родину, усвоить ее дух и слить с нею свою судьбу» [10, с. 255-256]. Человек, не раскрывший для себя образ своего отечества, будет обречен на «духовное сиротство», на «безродность», и никакие материальные блага не в состоянии компенсировать тут дефицит и удовлетворить его духовный голод.

Если вернуться к вопросу формирования государственной общности как таковой, то тут, по Ильину, важен такой принцип: «Культурный человек должен жить и трудиться оседло; и эта оседлость... заставляет его войти в организованные волевые союзы местного характера. В результате этого мир распадается на пространственно раздельные государства...» [13, с. 159]. С момента объединения людей в союз происходит становление неких правил поведения в данном объединении, так или иначе ограничивающих свободу действий его членов, и тут постепенно возникает институт власти, права, формируется государство.

Основная задача государства, по мнению Ильина, идеальна по своей сути и заключается в «ограждении и организации духовной жизни людей, принадлежащих к данному политическому союзу» [10, с. 267]. Если представить государственный институт как расширенную разновидность организованного сожительства, то в основе этого сожительства должны лежать, по Ильину, «духовная однородность и общность духов-

ной культуры». Культура в самом широком смысле этого слова, которая возникла и развивается в данном союзе, будет влиять и на форму государства, и на принятие тех или иных законов, на установление тех или иных прав и свобод. Для Ильина государство в его духовной сущности «есть не что иное, как родина, оформленная и объединенная публичным правом, или иначе: множество людей, связанных общностью духовной судьбы и сжившихся в единство на почве духовной культуры и правосознания» [13, с. 228]. При этом под родиной философ разумеет не только территорию или историческое объединение людей, а «духовную жизнь своего народа... совокупность творческих созданий этой жизни... все необходимые условия этой жизни – и культурные, и политические, и материальные (и хозяйство, и территорию, и природу) » [13, с. 175]. Только народ, ведущий духовную жизнь, способен представлять собой родину. Морально разложившийся, павший народ является лишь «потенцией», возможностью ее становления. В связи с этим государство в первую очередь «творится внутренне, душевно и духовно; и государственная жизнь только отражается во внешних поступках людей, а совершается и протекает в их душе; ее орудием или органом является человеческое правосознание» [13, с. 229]. И такая духовно-метафизическая установка – принцип первичности идеального плана бытия над материальным – характерная черта фактически всех представителей русской философии Серебряного века. Однако между пониманиями роли государства в жизни общества Ильина и Бердяева имелись существенные расхождения, которые впоследствии вылились в публицистическую полемику.

Так, в вышедшей в 1924 году книге Бердяев писал, что основным институтом, способным преобразить жизнь общества в эпоху «нового средневековья», является Церковь, которую в соответствующей работе он называл «духовным центром грядущей эпохи» [5, с. 430]. В 1925 году была опубликована работа И.А. Ильина «О сопротивлении злу

силой», которая вызвала самую бурную реакцию у современников. В частности, Бердяев критиковал попытку Ильина провозгласить духовным центром не Церковь, а государство. В своей рецензии Николай Александрович упрекал философа права в том, что последний абсолютизировал институт государства, приписывая ему функции Церкви, указывал на смешение Царства Божьего и Царства Кесаря. Также Бердяев отстаивал необходимость признания свободного выбора зла, которая не принималась в расчет Ильиным. Стоит заметить, что Ильин не стремился привести вышеупомянутые институты к знаку тождества, а хотел лишь подчеркнуть, что государство с его правовыми нормами (также как и у позднего Соловьева) призвано к обеспечению минимального уровня нравственности (добра).

Однако, на наш взгляд, спустя десятилетия, когда, увы, не оправдались упования Н.А. Бердяева о возврате к христианским ценностям, путь духовного обновления И.А. Ильина может оказаться более пригодным для воплощения в жизнь.

Ильин, как и многие его современники, считал, что духовная культура как отражение специфики жизни того или иного народа затрагивает все сферы общества. Необходимо отметить, что усвоение культуры происходит в процессе социализации. Поэтому именно люди, объединенные общей культурой, образуют государство. Правовая система и институт власти, по его мнению, должны оформляться поэтапно, уже после образования некоего изначального народного единства. Формирование образа родины во многом зависит от степени усвоения духовной культуры своего народа. Воспитание любви к отечеству изначально и прежде всего происходит в семье. Однако в современной России на фоне процесса разрушения традиционной формы семьи происходит искажение этого образа родины, так как именно семья выступает в качестве «первичного ее (родины) лока».

В условиях кризиса института семьи в нынешней постсоветской России немину-

ем кризис правосознания граждан, влекущий за собой кризис государственности. Это заключение Ильина подтверждают и соответствующие современные статистические показатели. Как показывают данные исследования правовой грамотности [26], 74% россиян не склонны защищать свои бытовые права, а только 3,6% смогли оценить свои правовые знания на «отлично». Так что кризис семьи неизбежно влечет за собой кризис правосознания, права, государства, власти. И наоборот.

Отказ от попыток отстаивания своих прав может быть вызван двумя причинами: проверенной на жизненном опыте уверенностью россиян в том, что апеллировать к закону в нашей стране бесполезно (утрата чувства государства, родины); нежеланием тратить свои душевные силы на разбирательства (предоставление все «высшему суду»). Недоверие к законам своей страны, вызванное недоверием к власти, по мнению Ильина, может быть связано с тем опытом, который человек вынес из семьи: «И если в современном мире все кишит открытой ложью, обманом, неверностью, интригой, предательством и изменой своей родине, то это несчастье имеет свои корни в двух явлениях: во всеобщем религиозном кризисе и в атмосфере семейной лживости» [13, с. 151]. Также трудно уповать на силу закона людям, прожившим свою жизнь в условиях тоталитарного государства – государства, которое лишало население правовой инициативы, подавляло их политическую активность и самостоятельность.

Правовой и политический кризисы после распада Советского Союза не уменьшились, а даже усилились. Крах советского государства обнаружил истинный уровень правовой культуры большинства «законопослушных» граждан. Уважение к закону в тоталитарном режиме обычно насаждается насильно, а подчинение власти происходит через террор, в силу страха наказания. Если прибегать к терминологии Ильина, возникшей в эпицентре насилия и правового беспредела в России, то уровень правосознания, кото-

рым в своем большинстве обладали граждане СССР, можно назвать «рабствующим». В книге «О сущности правосознания» философ писал о последствиях такого восприятия закона и власти: «Если же он (гражданин, не уважающий источник своего права) перестает повиноваться неуважаемой им власти, то он превращается или в разбойника, явно подрывающего правопорядок, или в революционера, тайной агитацией подтачивающего основы государства» [10, с. 380-381].

Рассматривая вторую причину отказа от правовых разбирательств, заметим, что современная правовая система России базируется на западном, то есть сильно модернизированном римском праве, а это противоречит истории нашего национального бытия и всему существу русского человека, искони выступавшего «за Правду», против формализма, то есть признававшего источником права христианскую мораль. Читая в 1928 году цикл лекций «Сущность и своеобразие русской культуры», И. А. Ильин отмечал следующую особенность, характерную для души русского человека: «Чтобы выносить что-то и создать, русский должен чувствовать, любить и созерцать, иметь перед собой живой (одновременно чувственный и сверхчувственный) образ. Таков русский человек во всем. В правосознании и политике – тот же. Его правосознание никогда не станет довольствоваться абстрактным субъектом права: сегодняшнее римское право и западноевропейская всеобщая теория права еще 500 лет могли бы ему твердить, что субъект права – это понятие и фикция, категория и релятивистская предпосылка: для него это все мертво и ложно» [14, с. 578-579]. Далее он заключает: «Субъект права есть для него носитель живого правосознания, творческая человеческая душа, бессмертный дух, страдающий ближний, брат во Христе, автономный, свободный, признанный владеть и управлять собой, нравственно ответственный жизненный центр» [14, с. 579].

В связи с вышеуказанным можно заключить, что форма и вид, в которых изложены все современные законы РФ, изначально

малодоступны для понимания большинства граждан и в основе своей не несут той правды, за которую боролась вся русская социальная философия и социология. Выходом из сложившегося положения может служить только перелицовка всей системы права в нашей стране и создание на ее основе обязательных курсов правового воспитания граждан. О необходимости этого шага свидетельствуют результаты правового диктанта [27], прошедшего в декабре 2017 года. Выяснилось, что наибольшую осведомленность о своих правах имеют люди старше 59 лет, что не удивительно, так как данная возрастная группа уже опытным путем могла ознакомиться со многими правами. Высокая степень осведомленности всех категорий граждан была продемонстрирована на вопросах, посвященных семейной отрасли права, что также не удивительно в условиях кризиса института семьи. Наименьшее число правильных ответов было дано на вопросы, посвященные гражданской и финансовой отраслям права. В качестве комментария можно привести вроде бы и давние слова Ильина, касающиеся знания личных прав гражданина: «Люди, не ведающие своих обязанностей, не в состоянии и блюсти их, не знают их пределов и бессильны против вымогательства «воеводы», ростовщика и грабителя; люди, не знающие своих полномочий, произвольно превышают их или же трусливо уступают силе; люди, не знающие своих запретностей, легко забывают всякий удерж и дисциплину или оказываются обреченными на правовую невменяемость» [10, с. 160-161]. И эти слова ныне крайне актуальны.

Низкий уровень правосознания свидетельствует и о кризисе семьи, и о кризисе политической системы в целом. Ильин отмечал следующую особенность, сопряженную с отношением к политической власти: «Презрение к государственной власти есть начало всеобщего духовного развенчания и совлечения; за отрицанием публичных обязанностей идет отрицание всяких связей: презрение к государственному авторитету разлагает

правосознание, разложение правосознания неминуемо захватывает честь и совесть, убивает чувство меры и справедливости, угашает веру и религию» [10, с. 381]. Уважение к власти является одним из общих принципов христианства, изложенного в посланиях римского гражданина, апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1) [16]. Поэтому, по мнению философа, неуважение к власти ведет к угашению веры и религии. Что же касается связи между разложением правосознания и неуважением к власти, то стоит отметить, что образ правителя для русского человека искони служил образцом для подражания. В лекции «История становления государства» Ильин отмечал следующую особенность отношения русского человека к соответствующему институту власти: «Государство есть для него живое нравственное сообщество, организм солидарности, совместной жизни людей, вольной и справедливой: нравственно безликое государство может только возмутить его; он пытается привнести любовь в государство и в политику, он спрашивает о религиозном полномочии государства и, если такового не находит, готов отречься от него» [10, с. 381]. Если русский человек не видит в государстве опору, некий образец поведения, то неминуем разрыв властной верхушки и народа, что с необходимостью ведет к разделению страны, к дроблению ее на многочисленные, часто враждующие группы и страты.

Заметим, что в современной России явка на выборы институтов власти неумолимо падает с каждым годом. Так, осенью 2016 года на выборах в парламент страны зафиксирован самый низкий процент избирателей – 47,81%. Такой низкий уровень политической активности можно связать с двумя причинами: непонимание гражданами значимости своего выбора; неверие и апатичность, вызванные осознанием того, «что все и так предрешено, и ничего изменить нельзя». Такая пессимистическая

позиция массы российских избирателей подтверждает кризис правосознания, а апатия только усугубляет этот кризис.

И.А. Ильин на страницах своих трудов предупреждал об опасности предоставления политических прав лицам, не имеющим развитого правосознания (что, собственно, произошло в 1993 году). Также философ указывал на следующую закономерность: «Чем больше людей, лишенных политического правосознания, активно участвует в государственной деятельности (хотя бы в форме простого голосования), тем большая опасность возникает для государства» [10, с. 235]. Отсутствие развитого правосознания у населения зачастую является причиной многих бедствий государства, и примером из истории современной России могут служить выборы 1991 года, когда политический выбор населения превращается вместо осознанного в нечто интуитивное. Низкий уровень правосознания населения, по мнению мыслителя, пагубен и для самих правителей: «Создавая свою власть, такой народ не умеет передать ей ни чувства собственного достоинства, ни уважения к себе. Он учреждает власть, которая не верит в духовное назначение государства, не видит своих духовных заданий и не соблюдает жизненных форм, необходимых для духовной культуры» [10, с. 330]. Естественно, что апеллировать к таким массам, призывать и мобилизовывать их к чему-то важному – все это становится для власти невыполнимой задачей.

Люди, принимающие политические решения на уровне интуиции, превращают институты выборов в простую формальность. Ильин указывал на опасность формального отношения к гражданским обязанностям: «Политический формализм насаждает в душах и в действиях людей самый беспринципный политический релятивизм, и в результате этого целые поколения людей вырастают в уверенности, что «в политике все дозволено» и что авторитетом государственной власти может быть «все прикрыто»» [10, с. 266]. Наибольшая опасность такого результата заключается в том,

что будущие правители страны, которые под неодолимыми условиями исторических обстоятельств вынуждены будут изменить режим правления и, соответственно, сменить большинство нынешних политических элит, не смогут уже ничего изменить в принципе и вынужденно впишутся в давно сформированную и существующую систему и просто поплывут дальше по истории.

***

В заключение стоит отметить, что на сегодняшний день многие мысли И. А. Ильина и Н. А. Бердяева не потеряли своей актуальности. Духовный кризис, о котором они достаточно много писали, относя момент его становления к началу-середине XX века, в XXI веке только усилился. Сегодня Россия выступает, может быть, последним среди развитых стран Запада оплотом традиционных ценностей и христианской культуры, однако это вовсе не значит, что наша страна не подвержена влиянию мировых постмодернистских трендов, приведших к нынешнему кризису. Давно идущий процесс десакрализации духовных ценностей, в том числе власти, государства, закона, правосознания, семьи, воспитания детей и прочего, накладывает свой отпечаток на облик современного человека и общества и ведет к неясным последствиям в современной истории. Об этом кризисе духа свидетельствуют и трансформация и деградация института семьи, и падение общего культурного уровня населения, и подмена ценностей с моральным нечувствием и часто деградацией, и процесс эгоизации и индивидуализации сознания и поведения россиян. Искажение процессов социализации и интериоризации, наступившие в результате нарушения процессов семейного воспитания и слишком ненадежной трансформации школьного образования, привели к дальнейшей потере самоидентификации множества граждан нашего общества. Такие явления, как массовая беспризорщина и естественная безотцовщина, возникшие в результате гражданской и Великой Отечественной

войн, сильно исказили сознание подрастающего поколения. Долгое существование тоталитарного режима с насильственным насаждением принципов атеизма на территории страны способствовало развитию «раболепствующего», по Ильину, правосознания среди населения, что привело к последующему усилению кризиса всего политического института в целом, и института семьи в частности. Чисто механическая и демографическая связь россиян, отсутствие целей и перспектив, духовного и культурного единства среди населения страны, десакрализация некогда священного, порождающая недоверие и неуважение к власти, – все это, по мнению Ильина, рано или поздно приведет к распаду государства. Никакими внешними угрозами и усиливающимся давлением Запада на Россию страну сохранить не удастся: только внутренняя трансформация духа нации и выработка национального проекта может спасти нынешнюю Россию от распада. Бердяев в начале XX века констатировал: «Мы живем в эпоху упадка. Мы, скорее, приближаемся к началам средневековья, когда отрицательные процессы распада преобладали над положительными процессами сложения и творчества» [5, с. 427-428]. Однако и в настоящее время мы вынуждены признать, что спустя почти сто лет изменилось лишь немного.

Дабы избежать столь плачевного результата и иметь возможность выхода из череды сложившихся кризисов, необходимо обращение к отечественной философской и социологической классике с творческим пересмотром и применением содержания трудов русских мыслителей. Они должны рассматриваться не просто как литературное наследие, а как выработанный отечественной мыслью в тяжелейших условиях путь выхода из сложившейся ситуации. И политика, идеология и методология спасения института семьи здесь должны занимать достойное место. Тут важно сочетание социальных и персоналистических подходов, делание акцента на личный опыт и пример. «Этот выход надо каждому из нас

найти, прежде всего, в самом себе, творчески создать его, убедиться и удостоверить в его верности. И только потом можно будет указать его другим. Надо самому начать быть по-новому. Обновленные люди,

одолевающие соблазн, найдут друг друга. Это единственный путь. Иного нет» [12, с. 6]. Этот персоналистический, личностный принцип переделки себя сегодня как никогда актуален.

Литература

1. Архангельский В. Н. Факторы рождаемости. М.: Теис, 2006. 399 с.
2. Антонов А. И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5273/>
3. Антонов А. И. Семья в эпоху толерантности [Электронный ресурс] // Литературная газета. 2015. № 49 / Режим доступа: <http://lgz.ru/article/-49-6535-10-12-2015/semya-v-epokhu-tolerantnosti/>
4. Борисов В. А. Демографическая дезорганизация России: 1897-2007. М., 2007. 752 с.
5. Бердяев Н. А. Новое средневековье: Размышления о судьбе России и Европы [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/novoe_srednevekovye_1
6. Бердяев Н. А. О вечном «бабьем» в русской душе / Н. А. Бердяев // Собр. соч. Т. 3: Типы религиозной мысли в России. Париж: YMCA-Press, 1989. 714 с.
7. Бердяев Н. Русский соблазн. По поводу «Серебряного голубя» А. Белого // Русская мысль. М., 1910. Кн. XI. С. 104-115.
8. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990. 336 с.
9. Ильин И. А. Наши задачи. Париж: Изд-во Русского общевоинского союза, 1956. Т. 1. 515 с.
10. Ильин И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 149-415.
11. Ильин И. А. Письмо к К. Е. Климову / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. Доп. т. 2: Письма, мемуары (1939-1954). М.: Русская книга, 1999. С. 347-349.
12. Ильин И. А. Путь духовного обновления. М.: Дар, 2017. 477 с.
13. Ильин И. А. Путь духовного обновления / сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 1216 с.
14. Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. Кн. 2. М.: Русская книга, 1996. С. 530-600.
15. Карлсон А. Общество – семья – личность: социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход / Пер. с англ. под ред. проф. А. И. Антонова. М., 2003. 288 с.
16. Послание апостола Павла Римлянам. Гл. 13:1 // Новый Завет. Апостол.
17. Сорокин П. А. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1916. № 2. С. 20-36.
18. Smith, Oliver. The haven for honeymooners where everyone gets divorced [Электронный ресурс] // Telegraph / Режим доступа: www.telegraph.co.uk/travel/maps-and-graphics/mapped-countries-with-highest-divorce-rate/ (дата обращения 15.03.2018).
19. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь – май 2017 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.gks.ru/free_doc/2017/demo/edn05-17.htm (дата обращения 15.03.2018)
20. Браки и разводы в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики / Режим доступа: www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prez_love0707.pdf (дата обращения 10.02.2018).

*Михаил Демурин,
политический аналитик,
публицист, общественный деятель.*

Идеи Данилевского: шанс на прочные союзы и национальная самобытность

Услышав словосочетание «конфликт цивилизаций», большинство из нас сегодня вспоминают имена немца Шпенглера, англичанина Тойнби или американца Хантингтона и уже потом — имя нашего соотечественника Николая Яковлевича Данилевского. А между тем именно Данилевский впервые дал систематическое изложение теории цивилизаций, или, как он чаще говорил, культурно-исторических типов. Он же впервые подверг систематической критике понятие «общечеловеческое».

Понятие это вместе с моделью однополярного мира во главе с англосаксами, попытавшимися, как и предсказывал Данилевский, подмять «общечеловеческое» под себя, рушится у нас на глазах. Это хорошо.

Казалось бы, автор выдающегося труда, в котором Федор Михайлович Достоевский видел «будущую настольную книгу всех русских», должен быть востребованным сегодня как никогда. Но это, увы, не так.

Данилевский и его время

Прозападная часть российского общества сразу почувствовала угрозу, исходившую от появившегося в 1869 году исследования «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому», и принялась жёстко критиковать его. Защитников у Данилевского было немного, но зато какие! Один Николай Николаевич Страхов чего стоит.

После смерти Данилевского Страхов последовательно оборонял теорию культурно-исторических типов от нападок. Особенно

резкой была его полемика по этому вопросу с Владимиром Соловьёвым. Одержать верх Страхову было непросто, но и здесь последнее слово осталось за ним.

Проблема была, однако, не в Соловьёве и явных российских западниках того времени. Она заключалась в том, что и власть в Российской империи не была готова мыслить в категориях, предложенных Данилевским.

Иногда можно услышать критические утверждения в адрес мыслителя в том смысле, что, мол, его «предсказания», особенно

касающиеся объединения всех славянских народов, не осуществились. Но у Данилевского и не было никаких абсолютных «предсказаний». Если Россия не стала лидером славянского мира, если не произошло многое из того, что представлялось ему желательным, то не потому, что Данилевский был неправ, а потому, что политика руководителей нашей страны была далёкой от того, что он предлагал и на чем настаивал.

Если же говорить о «братьях-славянах», то среди них уже тогда появились ростки того, что сегодня «цветёт» буйным цветом.

Данилевский об этом сказал так: «Если они по внешним или внутренним причинам не в состоянии выработать самобытной цивилизации,.. то им ничего другого не остаётся, как распуститься, раствориться и обратиться в этнографический материал, в средство для достижения посторонних целей, потерять свой формационный или образовательный принцип и питать своими трудами и потом, своей плотью и кровью чужой, более благородный прививок...».

Данилевский и XX век

*Западничество между тем
всё шире растекалось по России,
последовали три русские революции, гражданская война...*

Большевиками-интернационалистами Данилевский востребован, естественно, не был, но и коммунисты-почвенники держали его под замком. Тем не менее сама по себе идея построения социализма в одной отдельно взятой стране, восстановление уважения к отечественной культуре и истории, к русскому народу как главному носителю нашего культурно-исторического типа, воплотившегося в XX веке в советской цивилизации, говорят о многом.

Именно по инициативе СССР в Устав ООН было включено положение о суверенном равенстве государств — то самое, которое вот уже четверть века пытаются взломать США. Что это было, как не воплощение идеи Данилевского о равном достоинстве представителей различных культурно-исторических типов и невозможности оценки других типов по критериям одного из них?

Сталин, осознававший цивилизационный характер холодной войны Запада против СССР, опирался на силу русского самосознания и одновременно пресекал малейшие его попытки выйти за установленные им рамки.

Хрущев, будучи человеком и руководителем другого уровня, эту культурно-историческую составляющую в мировом противосто-

янии и решении внутренних задач не понимал и, соответственно, не принимал, делая максимум для выхолащивания национальной самобытности.

Сложнее обстоит дело с «брежневским» и более поздним советскими периодами. С одной стороны, была прекращена антирелигиозная кампания, в литературе, кинематографе, живописи вновь заговорили о том, что русский народ всё-таки существует, что его тяга к корням — это не просто «отсталость». С другой, прозападно-космополитический сегмент общества тоже набирал вес.

Я в те годы был студентом одного из так называемых идеологических вузов. Мы изучали по несколько предметов, связанных с историей и культурой стран изучаемых языков, но нас никак не укореняли в своём: своей истории, культуре, своей политической и философской мысли.

Дух Данилевского тогда если и присутствовал в наших аудиториях, то лишь в ясном понимании враждебности Запада к нашей стране в принципе, вне зависимости от её внутреннего устройства. Такое ущербное самоопределение без ясного осознания традиционных составляющих национальной самобытности, однако, недолговечно. Для многих оно приобрело конъюнктурный

характер. В том, что мы оказались не готовы к правильному культурно-историческому

выбору в 1990-е, есть «вклад» и этого факта.

Данилевский и современность

В последние годы наследие Николая Яковлевича Данилевского к нам возвращается. Пока, правда, более в ракурсе истории политической философии, нежели как нечто имеющее практическое значение.

Кто-то улыбнётся: где мы и где Данилевский, столько воды утекло... Но вчитайтесь в его труды: сколько там практической политической мудрости!

Возьмём хотя бы идею об исконной враждебности романо-германской цивилизации к другим, её нацеленности на уничтожение славянских народов. Или мысль о том, что в силу насильственности этнокультурного начала западного мира дух христианства неизбежно в нём вырождается. Или предостережение о невозможности прочных союзов со странами, принадлежащими к другому культурно-историческому типу...

Нам же до самого последнего времени было свойственно ставить на первое место заботу о создании «общих пространств» с европейцами в ущерб внутреннему развитию, рассчитывать противостоять внешнему давлению не за счёт своей силы духа и традиции, а с помощью «диалога» и «партнёрства».

Да и сегодня в российской элите велико число тех, в чьей голове поверхностные рассуждения о «цивилизационном многообразии современного мира» легко совмещаются с тезисом об «универсальности» западной модели мироустройства, кто заявляет, что Россия должна идти «своим особым путём», но хочет, чтобы у нас всё было «как на Западе».

Об актуальности идей Николая Данилевского для сегодняшней России можно было бы говорить и говорить, тем более что для этого есть и импульс символического свойства: могила Николая Яковлевича, восстановленная в 1997 году стараниями русских доброхотов, сегодня вместе с Крымом вновь на родине. Моя задача, однако, не в этом. Хочется побудить большее число соотечественников обратиться к его книгам. Причём не только к «России и Европе», но и к «Дарвинизму», в которой он уже на естественнонаучной основе тоже уверенно опроверг эволюционную теорию.

В прочном мировоззренческом обосновании, надо сказать, и лежит сила идей Данилевского.

Источник: ria.ru

Теория Данилевского о цивилизациях или культурно-исторических типах (краткое изложение)

Каждая цивилизация имеет самобытный характер и развивается по собственным законам.

В целом выводы Данилевского о природе цивилизации сводятся к следующему:

– всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, близких между собой, составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно по своим духовным

задаткам способно к историческому развитию;

– чтобы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходима политическая независимость ее народов;

– начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем вли-

янии чуждых ему предшествовавших или современных цивилизаций;

– цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, только тогда достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государства.

В современной истории Данилевский более всего уделяет внимание германороманским и славянским типам, последний из которых только начинает оформляться. Основы цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются цивилизации другого типа. Период роста культурно-исторического типа неопределен. Период же его цветения и плодоношения краток. Последний период исчерпывает раз и навсегда жизненные силы культурно-исторического типа. «Человечество», по мнению Данилевского, это абстракция, пустое понятие, а народ — конкретная и существенная действительность. Значение культурно-исторических типов состоит в том, что каждый из них выражает идею человека по-своему, а эти идеи, взятые как целое, составляют нечто всечеловеческое. Господство одного культурно-исторического типа, распространенное на весь мир, означало бы постепенную деградацию. Данилевский подчеркивал враждебный и агрессивный характер западной цивилизации по отношению к формирующемуся самобытному славянскому типу и настаивал на необходимости утверждения на Востоке Всеславянского союза, призванного служить гарантом всемирного равновесия. Этот союз, с точки зрения Данилевского, должен стать «мерой чисто оборонительной», ибо «всемирная ли монархия, всемирная ли республика, всемирное ли господство одной системы государств, одного культурно-исторического типа — одинаково вредны и опасны для прогрессивного хода истории».

Данилевский полагал, что ни один из культурно-исторических типов не может

претендовать на то, что он представляет высшую точку мирового развития человечества. Вместе с тем он подразделяет культурно-исторические типы на уединенные, которые не передают плоды своей деятельности, и преемственные, способные подготавливать почву для развития последующих культурно-исторических типов. Воздействие преемственных культурно-исторических типов определяется им как пересадка, прививка и удобрение. Пересадка обычно осуществляется посредством колонизации. Народ, подвергнувшийся прививке, превращается в средство для чужеродного культурно-исторического типа. Удобрение же, напротив, способствует развитию и того народа, который удобряет, и того, который удобряется. Но, знакомясь с ценностями другого культурно-исторического типа, новый тип может заимствовать только то, что «стоит вне сферы народности». Каждый культурно-исторический тип должен создавать свои собственные основы самостоятельно. «Дух», «природа» народов не заимствуется, ибо в противном случае они усваивают чужую культуру, утрачивая собственную. А это означает обречь себя на подражательность, признать бессмысленным свое историческое прошлое и будущее.

Хотя сам Данилевский может быть причислен к славянофилам, путь, который он прошел, чтобы получить те же самые славянофильские выводы, был совершенно самостоятельный, совсем иной, чем у его предшественников Хомякова и Киреевского. Сам Данилевский оценивал славянофилов так: «Учение славянофилов было не чуждо оттенка гуманности, что, впрочем, иначе и не могло быть, потому что оно имело двоякий источник: германскую философию, к которой оно относилось только с большим пониманием и большею свободой, чем его противники, и изучение начал русской и вообще славянской жизни — в религиозном, историческом, поэтическом и бытовом отношениях. Если оно напирало на необходимость самобытного национального развития, то отчасти потому, что, сознавая высокое достоинство

славянских начал, а также видя успешную уже высказаться в течение длительного развития односторонность и непримиримое противоречие начал европейских, считало, будто бы славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу, чего не могли сделать их предшественники».

В отличие от большинства славянофилов, веривших в мессианские задачи русского народа, Данилевский, исходя из своей теории культурно-исторических типов, отрицал возможность существенного влияния славяно-русской цивилизации на западную и другие цивилизации. Вместе с тем он считал, что славянской (русской) цивилизации принадлежит будущее. Именно славянская цивилизация должна прийти на смену угасающей западной. Славянская цивилизация в отличие от западной неагрессивна. В ней общественный элемент преобладает над личным, индивидуальным, ибо психология славян сложилась преимущественно под влиянием Православия. России предстоит сделать выбор: либо вместе с другими славянскими народами создать всеславянскую цивилизацию, либо полностью утратить свое культурно-историческое значение и стать этнографическим материалом для других цивилизаций. Данилевский считал необходимым создание Всеславянского союза или федерации — добровольного объединения славянских народов вокруг России. Столица этого равноправного союза славянских народов должна быть установлена в бывшем Константинополе, «пророчески именуемом славянами Царьградом».

Связывая главные понятия бытия — Бога и материи, Данилевский осознавал их через понятия красоты. «Бог пожелал создать красоту, — писал он, — и для этого создал материю». «Красота есть единственная духовная сторона материи — следовательно, красота есть единственная связь этих двух основных начал мира. То есть красота есть единственная сторона, по которой она (материя) имеет цену и значение для духа, — единственное свойство, которому она отвечает, соответствует потребностям духа и которое в то же время совершенно без-

различно для материи как материи. И наоборот, требование красоты есть единственная потребность духа, которую может удовлетворить только материя».

Данилевский считал, что гармонию Вселенной, которая явлена человеку в красоте окружающего мира, невозможно объяснить без допущения идеи целеустремленности всего сущего к взаимной согласованности. В основе ее лежит недоступное человеческому разумению божественное целеполагание, проявляющееся также в функционировании каждого организма, в приспособленности растений и животных к окружающей среде, в общей направленности жизненных процессов на Земле. Все сущее, считал Данилевский, развивается по единому закону — закону зарождения, расцвета и увядания. Каждая более или менее целостная система любого уровня сложности есть замкнутый мир, живущий и умирающий в меру отпущенных ему внутренних сил и возможностей. В результате истощения внутренних потенций восходящее развитие формы сменяется нисходящим, и она деградирует. Подобный процесс и приводит, по Данилевскому, к вымиранию определенных видов растений и животных. По аналогии с природой, с многообразием видов, которым отведено свое место во времени и пространстве, историю можно считать чередованием (или сосуществованием) самобытных, эквивалентных по своей ценности больших и малых культур. Одни из них преимущественно религиозны (Древний Восток), другие ориентированы на создание художественных ценностей (Греция), третьи основаны на стремлении сформулировать юридические установления и следовать им (Рим) и т. п. В основе каждой из культур в качестве ее энергетического центра лежит национальное начало, способное к развитию благодаря сообщенной ему божественной энергии. С совокупность племен, ощущающих внутреннее единство и говорящих на родственных языках, может развиваться в культурно-исторический тип.

В 1864 году Данилевский покупает имение на южном берегу Крыма. Здесь в гостях у

Данилевского бывали славянофилы Н. Н. Страхов, И. С. Аксаков, здесь же в 1885 году побывал Л. Н. Толстой, который с глубокой симпатией отнесся к Данилевскому. В Крыму Данилевский ведет научно-исследовательскую работу, является директором Никитского ботанического сада. В последние годы жизни работал над трудом, в котором опровергал Дарвинизм. Критикуя дарвиновскую теорию естественного отбора, Данилевский объясняет происхождение организмов деятельностью высшего разума. Сам Данилевский определял свой

труд как «естественное богословие». Он стремился рассмотреть природную эволюцию, исходя из единства материи и духа. Данилевский не успел закончить свой труд — он скоропостижно скончался в г. Тифлисе во время очередной научной поездки. Похоронен в своем крымском имении.

Труды Данилевского оказали большое влияние на развитие русской и мировой философской мысли, и в частности на формирование взглядов О. Шпенглера и А. Тойнби.

*Использованы материалы сайта
Большая энциклопедия русского народа - <http://www.rusinst.ru>*

25 мая 2018 года по приглашению регионального Центра собирания русского опыта Белгородскую область посетил политический философ, советник Председателя Государственной Думы РФ, доктор политических наук, профессор философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Александр Владимирович Щипков, который выступил с докладом перед участниками VI Международного молодёжного форума «Нравственные императивы в праве, науке, образовании и культуре», проходившего в БГТУ им. В.Г. Шухова, а также перед преподавателями и студентами социально-теологического факультета БелГУ.

В этот же день он побывал в Свято-Никольском храме п. Ракитное и посетил могилку и келью архимандрита Серафима (Тяпочкина).

Первый заместитель председателя Синодального отдела Московского патриархата по взаимоотношениям церкви с обществом и СМИ, член Общественной палаты России, профессор философского факультета МГУ Александр Щипков в эксклюзивном интервью РИА Новости прокомментировал последние действия Константинопольского патриархата и в свете них – тему украинской автокефалии. Беседовал Сергей Стефанов.

Патриарх Варфоломей запомнится как учинитель раскола

– Александр Владимирович, буквально совсем недавно все мы были свидетелями встречи Патриархов Кирилла и Варфоломея в Стамбуле, и по итогам этой встречи говорилось, что она носила братский характер, прошла в духе взаимопонимания. Однако буквально на следующий день на Фанаре начал работу собор епископов Константинополя – синаксис, и на нем Патриарх Варфоломей позволил себе довольно резкие высказывания в отношении Московского патриархата. Как это все можно совместить и понять?

– Со стороны Патриарха Кирилла отношение к Вселенскому Патриарху Варфоломею было и остается братским. Спокойное,

терпеливое поведение Патриарха Кирилла свидетельствует об этом братском отношении. И до самого последнего момента Патриарх Кирилл старался решить существующие проблемы в братском диалоге, который, по его словам, «происходит внутри единого Тела – Тела Единой Святой Апостольской Церкви <...> и накладывает на нас определенную ответственность и обязательства, но одновременно дает силы и вдохновение».

– После вчерашнего назначения экзархов Константинополем можно ли говорить о предоставлении автокефалии Украинской церкви как уже об окончательно принятом решении?

– Безусловно, это первый шаг на этом пути.

– Вчера, комментируя это решение, в Московском патриархате отметили, что этот шаг не останется без ответа со стороны Русской Православной Церкви. Каким может быть этот ответ?

– Для того чтобы понять, каким может быть ответ, наш читатель должен понимать общую ситуацию. Украина – это каноническая территория Московского патриархата. Согласно правилам Второго Вселенского собора, епископы не имеют права ступать на чужую каноническую территорию без приглашения. В данном случае два экзарха, Даниил и Иларион, направлены в Киев без согласования с Патриархом Кириллом и без согласования с митрополитом Онуфрием. Это прямое нарушение древних правил.

Поэтому я это расцениваю как прямое объявление войны. Помните: «Киев бомбили, нам объявили, что началась война»? То же самое, только война религиозная.

– Что кроется за этим поступком Патриарха Варфоломея?

– Патриарх Варфоломей одержим идеей восточного папизма. Он мечтает стать единоличным главой всего Вселенского православия, по аналогии с Римско-католической церковью. Варфоломей сформулировал следующую идею. Он сказал, что Константинополь обладает некой мистической исключительностью по сравнению с другими Православными Церквями, что Константинополь представляет собой «этос православия». Ключевое слово – «этос». Что это такое? Этос – это совокупность неких устойчивых, универсальных и неизменяемых черт характера человека, народа, какой-то социальной группы. Варфоломей говорит, что он – держатель эталонного «этоса православия». Это сразу подразумевает, что все другие Церкви несовершенны и должны подчиняться Фанару. Этот любопытный пример религиозного

расизма, безусловно, войдет в будущие учебники политологии.

Как другие Церкви будут на это реагировать? Естественно, отрицательно. Патриарх Варфоломей 7 сентября вошел в историю Православной Церкви как учинитель раскола. Я говорю в первую очередь о смысловых вещах, теоретических. Но и канонические территориальные вопросы чрезвычайно важны, поскольку речь идет не о животных, а о людях – христианах, проживающих на этой территории.

Константинополь не первый раз движется в сторону раскола. Если мы обратимся к истории, то вспомним, что именно Константинополь инициировал переход православия на новый стиль. Этот календарный раскол не уврачеван до сих пор. Часть Поместных Церквей под влиянием Константинополя перешла на новый стиль, часть, как Русская Православная Церковь, не перешла. Внутри Элладской Церкви, в Греции, миллионы верующих не признали эту реформу.

Что касается взаимоотношений Константинополя и Москвы. Не знаю, в курсе ли наши читатели, но в 1920-х годах Константинополь поддержал обновленческий раскол в СССР. Этот раскол был искусственно создан и поддержан Троцким и другими большевиками. Константинополь требовал тогда, чтобы святой Патриарх Тихон сложил свои полномочия, ушел на покой. В то время наша Церковь в тяжелейших условиях сохранила чистоту православия.

Что в итоге мы имеем на сегодняшний день? Известно, что Константинополь проведет либеральный тренд в православии. Речь идет о совместных молитвах с протестантами и католиками, что, мягко скажем, не приветствуется в православии. Только что Варфоломей узаконил второбрачие для духовенства – вещь, тоже запрещенная канонами святых отцов Церкви. От них постоянно исходят полупрозрачные намеки на допустимость нетрадиционной сексуальной ориентации и так далее.

Москва, напротив, олицетворяет консервативный, традиционалистский путь раз-

вития в православии, отстаивает чистоту вероучения. Но одно дело научные богословские дискуссии, а другое – прямое вторжение в чужой дом.

Седьмого сентября 2018 года войдет в историю печальной датой. В этот день Вселенский Патриарх Варфоломей провозгласил и обозначил раскол во вселенском православии на либеральное и консервативное направления. И он по факту официально возглавил это либеральное направление.

– Какую реакцию это может вызвать в православном мире? Как могут развиваться события дальше?

– Несомненно, это вызовет очень жесткую ответную реакцию в разных Церквях. Патриарх Варфоломей будет развивать свой «восточный папизм». Русская Церковь не сможет согласиться на либерализацию вероучения и разложение церковного строя жизни.

Первое, на мой личный взгляд, – необходимо собирать межправославный церковный суд и выносить суждение по поводу антиканонических поступков и еретических идей Патриарха Варфоломея.

Второе, неизбежно, по моему мнению, встанет вопрос о церковном евхаристическом общении. Высока вероятность, что это случится. Из этого вытекают определенные практические действия. Огромное количество нашей паствы находится за пределами Отечества, в частности в Турции. Сегодня они ходят в храмы Константинопольского патриархата, имеют возможность там исповедоваться, причащаться. В случае прерывания этого общения такой возможности у них больше не будет. Следовательно, нашей Церкви придется предпринимать какие-то

шаги по окормлению русских за рубежом. Придется открывать приходы, строить храмы, направлять туда духовенство. Мы же не можем бросить своих чад.

Поступки патриарха Варфоломея влекут за собой очень долгие последствия, уврачевывать которые придется десятилетиями.

– Ранее митрополит Украинской Православной Церкви – и в Московском патриархате высказывались подобные мнения – заявил о том, что Патриарх Варфоломей оказался втянут в политические игры. По вашему мнению, насколько сильно влияние посторонних политических сил на предстоятеля, имея в виду некоторые зарубежные государства, и было ли оно решающим в случае с украинской автокефалией?

– Обратите внимание на то, откуда родом присланные в Киев экзархи. Епископ Памфилийский Даниил прибыл в Киев из США. Епископ Эдмонтонский Иларион прислан из Канады. Уже одно это обстоятельство наталкивает на размышления о том, кто стоит за Варфоломеем. У многих большое подозрение, что не Варфоломей рулит Даниилом и Иларионом, а Даниил и Иларион управляют Варфоломеем. А уж кто управляет ими, мы можем только догадываться.

США, как мы видим, сейчас раскачивают военно-политическую ситуацию в Сирии и на Украине, используя всевозможные способы – от имитации химатак до разжигания религиозных войн. Я полагаю, что в этой игре много участников, и среди них – Патриарх Варфоломей, Папа римский и американское «глубинное государство». Думаю, что в ближайшее время мы об этом тоже поговорим.

НОВЫЙ РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ

Доклад на XXII Всемирном русском народном соборе

Первый заместитель председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ А. В. Щипков выступил на пленарном заседании XXII Всемирного русского народного собора.

Ваше Святейшество! Уважаемые коллеги! Государство может достичь подлинного суверенитета и мирового лидерства только в том случае, если его внутренняя и внешняя политическая повестка совпадает с национальными традиционными ценностями.

Это – главный тезис моего доклада, который я назвал «Новый русский консерватизм».

Мы живем в эпоху больших перемен: экономических, социальных, религиозных, культурных, идеологических. Живем в предчувствии мировой перестройки.

В каком состоянии находится современное общество? Обещанный американскими политологами «конец истории» не состоялся. Они ошиблись.

Неолиберальная система явно не справляется с ситуацией в современном мире. Пределы глобализации достигнуты. Международные институты и глобальная финансовая система уже не могут обеспечивать стабильное поступательное развитие. Глобализация в нынешнем виде может развиваться и дальше, но только через военные средства.

Если раньше для обеспечения баланса сил и интересов было достаточно экономических и социальных рычагов, то сегодня множатся искусственно созданные линии напряжения. Возникают цветные революции, межнациональные и религиозные конфликты, гражданские войны.

От «мягкой силы» защитники старой системы переходят к силовым методам управления. К стратегии управляемого хаоса.

Но сегодня эта модель приготовила для ее носителей своеобразный «капкан». Она уже не способна предложить миру новые смыслы. Отказавшись от своего христианско-

го фундамента, глобальный Север, в конечном счете, утратил важную ценностную базу, а с ней и свою подлинную идентичность. Об этом очень убедительно говорил Святейший Патриарх Кирилл в своем докладе, открывая XXII Всемирный русский народный собор.

Давайте посмотрим, как все это отражается в идейно-политическом спектре.

Либерализм доминирует. Он поглотил все другие идеологии. Но выясняется, что он не в состоянии сохранить верность собственным основам.

Мы видим, что международное право превратилось в условность. Защита прав одних осуществляется ради попрания прав других. Демократия разрушена властью финансовых элит. Тотальная конкуренция разрушает нравственность. Идея всемирного просвещения уступила место войне цивилизаций.

Иными словами, претензии либерализма на универсальность общественной модели оказались ложными, обернулись утопией.

Система не справляется. Все происходящее говорит об износе не только привычных политических механизмов, но и идеологии. Это значит, что в мировом масштабе нас ждет трансформация политических институтов и смена той идеологии, которая сегодня их обслуживает.

Все это заставляет всерьез задуматься о реальном положении России в современном, быстро меняющемся мире.

Мы помним, как в конце XX века спорили о соотношении западного и восточного в российском векторе развития. Но на смену проблеме «Запад-Восток» пришла проблема глобального Севера и глобального Юга. Север все

еще навязывает Югу идею «универсального модерна», от имени которого сам и выступает, настаивая на существовании «правильной и неправильной стороны истории».

Юг не верит Северу, идеология Севера буксует, в ней все больше противоречий.

Россия занимает особое положение. В области культурного и научного потенциала, военных технологий мы – Север, а по экономическому положению и культурному влиянию в мире – Юг. И западная, и евразийская идеи учитывают лишь одну из сторон нашего самопозиционирования. Но на самом деле Россия не Север и не Юг, а Центр. И вот почему. Север реализует идею господства, Юг исторически находится в вассальном положении. Но для России не характерно ни господство, ни подчинение. Мы унаследовали византийский принцип культурной мозаики и равноправия культур. В своих истоках – это христианский принцип.

Парадигма «Север-Юг» на наших глазах уходит в прошлое вместе с однополярным миром. На ее месте возникнет триада: Север-Юг-Центр, где Центр – это смысловое ядро христианской цивилизации. В первую очередь мы имеем в виду не экономический центр, а ценностный, который может завоевать мировой авторитет.

Если Россия займет таковое место в мире и продолжит укрепление суверенитета, то она окажется главной частью Центра. Это означает, что именно ей предстоит взять на себя историческую роль – преодоление внутреннего исторического разрыва Запада, который произошел в XVIII веке. Речь идет о преодолении вековой травмы европейского сознания, преодолении раскола между «традицией» и «современностью». России предстоит на собственном примере воссоздать эту целостность, уйти от ложного противопоставления современности и традиции. У нас есть для этого огромный духовный, или как сейчас принято говорить – «символический», ресурс, накопленный в ходе национальной истории.

Если Россия не справится с этой задачей – роль цивилизационного Центра возьмет на себя кто-то другой.

Когда-то Русь выбирала веру. Сегодня мы размышляем о выборе идеологии. Некоторые ученые считают, что идеологическое пространство претерпит ощутимый сдвиг. При этом в центре нового идеологического поля НЕ будут находиться технологии – не важно, цифровые технологии или технологии управления и социального конструирования. Популярная и востребованная идея цифрового социума – только инструментарий. Она полезна для решения технических задач. Но цифра, взятая в качестве идеологии, лишь откладывает принятие решений. Потому что решение всегда лежит в сфере смыслов, в сфере качества, а не количества.

Европейские и американские философы последнее время все чаще говорят о так называемом «консервативном повороте». Но само понятие «консерватизм» требует объяснения.

Если либерализм предполагает приоритет такой ценности как свобода, а социализм – социальной справедливости, то консерватизм, в отличие от либерализма и социализма, не содержит готовую абсолютную ценность. Он призывает нечто сохранять и консервировать, но четко не проговаривает, что именно.

Размытость самоопределения делает консерватизм предметом спекуляций. Его нередко воспринимают просто как некую респектабельность – и только. На практике этим понятием прикрывают то лоялизм, то конформизм, то национализм. Есть даже понятие «ситуативный консерватизм», то есть консерватизм, который кардинально меняет свою риторику в зависимости от конъюнктуры.

Консерватизм на сегодняшний день не монолитен, не един, не имеет базы, на которой можно было бы объединить всех консервативно мыслящих людей. Почему? Потому что сегодня консерватизм – это не идеология. Идеологией он станет тогда, когда сформулирует свою собственную ценностную базу.

Главная проблема консерватизма – самоопределение.

В то время как либерализм утрачивает свою ценностную базу, консерватизм ее фор-

мирует, отделяя от себя все виды радикализма. При внимательном рассмотрении уже сегодня можно заметить два вектора его развития: либеральный и социальный.

В первом случае мы имеем дело с либеральным консерватизмом (либерализм с консервативной стилистикой), во втором – с левым или социальным консерватизмом, пытающимся соединить идеи традиционных ценностей и социальной справедливости. Как сказал Владимир Путин на открытии XXII Всемирного русского народного собора: «Нельзя идти против своей традиции».

Традиционные ценности в рамках консерватизма имеют расширительную трактовку. Речь идет не о конкретной традиции, привязанной к некоей эпохе, стилю, форме, а о связи разных эпох и непрерывности исторического, социального и религиозного опыта русского народа. Речь идет об опыте, который противостоит идее модернистских революционных «разрывов» и «сломов».

И здесь неизбежно встает вопрос о ценностях. Любое поведение человека – это приоритеты, это выбор. Выбор всегда связан

со шкалой ценностей. А где ценности, там и сакральность. Потому что только сакральность делает ценности абсолютными и неоспоримыми. Наши ценности сформулированы в Десяти заповедях и Заповедях блаженства.

Завершая выступление – вернемся к теме российского суверенитета. Повторю: «Государственный суверенитет – это способность поддерживать такое состояние страны, при котором политическая повестка совпадает с ценностями народа, а не противоречит им».

На международном уровне государство может занять лидирующее положение, если сможет предложить свою повестку, а с ней и свои ценности – окружающим его субъектам. То есть предложить миру повестку, основанную на собственных, а не заимствованных ценностях.

Именно это в ближайшее время предстоит России – приведение политической повестки и стратегии в соответствие с национальными историческими ценностями. Именно эту задачу и этот тезис мы можем назвать определяющим критерием нового русского консерватизма.

Ложь «догоняющего развития»

Кто виноват в вековом «отставании» от Запада? Во всём ли мы отстаём, и только ли Россия отстаёт? Можно ли догнать мировые центры капитала, оставаясь на «периферии» экономико-политического пространства? Почему в либеральной публицистике тема отставания перевернута с ног на голову? Об этом «Парламентской газете» рассказал советник председателя Государственной Думы, доктор политических наук Александр Щипков.

– Александр Владимирович, проблема отставания России от Запада всё время вызывает пристальный, а то и нездоровый интерес. Он оправдан? Ведь нельзя отрицать, что до начала XVIII века наука и искусство в России отставали от западноевропейских.

– Промышленный переворот XVIII-XIX веков вообще вначале утвердил британское лидерство над всеми. Но смотрим дальше. С одной стороны – Лавуазье, Уатт,

Эдисон, Парсонс, Сименс, Маркони, Даймлер, Бенц, Дизель. С другой – Ломоносов, Циолковский, Менделеев, Лодыгин, Яблочков, Попов. Так ли у нас всё было плохо с наукой? Другое дело – реализация изобретений, но это уже вопрос социально-политический, а значит, связанный с геоэкономикой. И вот геоэкономика сталкивала Россию на аграрный путь. Здесь отставание действительно было. Но зададимся вопросом: а что такое Прогресс, стоит ли говорить о нём обобщенно?

– В каком смысле?

– Можно ли говорить о Прогрессе, имея в виду не технические открытия, а именно «Прогресс вообще», «Прогресс человечества», Прогресс с большой буквы. Когда пели гимны веку Прогресса, обычно не уточняли, что именно и куда развивается. По аналогии с техникой мыслили развитие культуры и общества – так возник миф прогрессорства. К чему это привело? XX век – это самая бесчеловечная война в истории, самая бесчеловечная идеология (нацизм), больше всего заключённых в концлагерях всего мира, самое страшное оружие, мировой терроризм, разрушение семьи, гимн греху и потреблению, виртуальная экономика, жизнь в информационных «пузырях». А где же «Прогресс всего»?

Модель монетаристского общества терпит фиаско. Некритичное отношение к идее прогресса привело к её мифологизации. Антураж научности и прогрессивности заслонил собственно прогресс. Много инноваций, но прорывные открытия в области фундаментальной науки давно не происходят. Мы до сих пор живём за счёт открытий 1970-х годов. Научно-критическое сознание утрачивается вслед за религиозным. «Цифровая экономика» имеет мало общего с наукой и классической рациональностью. «Нажми на кнопку – получишь результат» – это и обезьяна может, если дать ей вместо палки кнопку.

– В чём причина?

– Причина – это разрыв. Расщепление культурного универсума на рациональное, символическое и сакральное. Рационализм, в свою очередь, стал расслаиваться внутри себя, порождая собственную онтологию, мифологию, квазирелигию. Я думаю, научно-критическое мышление будет возрождаться в союзе с традиционными ценностями, а не в «пику» им, как в XVIII веке. Нас ждёт возрождение христианского универсализма и классической рациональности. Я называю это аксиомодерном (сочетание понятий «ценность» и «современный»).

– Какова была ситуация с русским искусством? Оно отставало от западного?

– Некорректно говорить, что русское искусство отставало от западного. А древнерусская литература, а русское барокко? Русское барокко более радостное, светлое, оптимистичное, более декоративное, чем западное, и менее многозначное. О взлёте и расцвете, который начался с Пушкина, я даже не говорю, это очевидно. В России не было Ренессанса, и за Средневековьем сразу шли классицизм и Просвещение, что и сформировало особую эстетику.

Русская и западноевропейская эстетические системы не сопоставимы друг с другом. Здесь нет и не может быть отставания. Говорят, что в России «не было литературы». Это старая тема, обсуждаемая, кажется, со времён Карамзина, но это не так. Конечно, в нём была сильна назидательность – это влияние духовной словесности. Литература русского барокко часто была посвящена государственным темам и воспитательным задачам – вспомним хотя бы Симеона Полоцкого с его «Ветроградом многоцветным», с загадками и «максимами».

Например: «Человек некий винопийца
бьяше / Меры в питии хранить не знаше /
Тем же многажды повнегда упийся / В очию
его всяка вещь двоися / Во едино время
прииде до дому, / И вся сугуба зрешася оно-
му». Сильвестр Медведев, Карион Истомина,
Феофан Прокопович, Кантемир, Сумароков,
Карамзин, Ломоносов – разве не писатели?
И как бы в условиях отставания мог возникнуть фундамент «золотого века», как могли в конечном счёте появиться Пушкин, Гоголь, Достоевский, Лесков, Бунин? В искусстве всё уникально и всё – развитие. Искусство не бывает отсталым, хотя упадок в нём возможен – мы это наблюдаем сегодня.

– Правомерно ли оценивать развитие искусства так же, как развитие гражданских и политических институтов?

– Нет, конечно. Это именно то, чем страдали теоретики соцреализма. У искус-

ства внутренние источники развития, хотя и социальные факторы играют роль.

– Но общественная система в России ведь явно отставала от западной?

– Снова не соглашусь. Наряду с монархией были Земские соборы, общины, были Уложения – чего именно не хватает? Давайте вспомним, как выбирали Михаила Романова после Смуты. Его выкликали всенародно. По сути, это была форма плебесцита своего времени.

Существует устойчивый миф о новгородской «демократии» как якобы более западной и более прогрессивной политической модели, чем «московская деспотия». На самом деле это просто модель компрадорского меньшинства, которое насильно тасило горожан от Москвы в сторону Литвы, ориентируясь на князя Казимира IV. Но «литовская партия» состояла всего из трёх-четырёх сотен самых богатых людей. Их потом историки называли «партией белого хлеба», это, говоря по-нынешнему – поклонники пармезана. А большая часть новгородцев ела дешёвый чёрный хлеб. И у них было отнято право голоса. Чтобы достичь нужного решения, партия белого хлеба скупала голоса, запугивала несогласных, творила погромы, топила неугодных в реке. В общем, устраивала майдан. И вела подробную переписку с князем Казимиром, консультировалась с ним. Это демократия? Нет, это олигархия.

Иван III пришёл затем, чтобы защитить народ и православную веру от этой шайки. Он установил подлинную демократию, то есть приоритет интересов большинства. И это было куда прогрессивнее, чем диктатура олигархов-компрадоров. По-моему, вся эта новгородская история очень напоминает ситуацию в Крыму накануне его освобождения.

– От чего зависит развитие тех или иных социальных и политических моделей?

– Это развитие следует либо за традицией, либо за экономикой и соответствуют месту страны в мировом разделении труда, степени её суверенитета. Например, крепостное право в России поддерживалось ролью страны как поставщика зерна на мировой рынок. И вот здесь, в сфере организации экономики, действительно имело место серьёзное отставание.

– Но что было причиной отставания?

– Избыток влияния западных институтов. Не недостаток, а именно избыток. Излишняя кооперация с Западом как раз тормозила развитие, в том числе и отмену крепостного права.

– Именно поэтому политически и экономически Россия всегда отставала в развитии от стран Запада?

– Зависимость всегда ведёт к отставанию, а не наоборот. Это аксиома. Но отставала не только Россия. Отставали все периферийные и полупериферийные страны. Это результат диктата транснационального капитала в глобальной экономике, который существовал уже тогда, в XVII-XVIII-XIX веках. И чем выше вовлечённость страны в сферу глобального рынка, тем больше отставание. Контроль за направлением финансовых потоков со стороны стран «центра» позволяет им развиваться, а страны периферии вынуждены их спонсировать. По этой причине «вторичная модернизация», то есть попытка догнать основных экономических игроков, обречена на провал независимо от предпринимаемых усилий.

Выход – в создании собственной, альтернативной экономической зоны. Китаю это сегодня удаётся.

– Значит, даже переняв западную систему общества и государства, Россия не сможет это отставание ликвидировать?

– Конечно, не сможет. Так она его только ещё больше увеличит. Наглядный пример – современная Украина. Страна должна

заимствовать и переосмысливать технологии, но не социальные институты и не культурные особенности. Только приспособив технологии к своим традиционным институтам, она и становится конкурентоспособной, поскольку создаёт «оригиналы», а не плохие «копии». По нашей оборонке это хорошо видно. А когда-то это происходило и в науке.

– По-вашему выходит, что в либеральной публицистике тема отставания перевернута с ног на голову?

– Именно так. Тема «отставания» – одна из самых мифологизированных. В радикальном варианте она включает в себя дилемму «западничества и славянофильства», а в ультрарадикальном превращается в идеологию Смердякова из романа Достоевского. Смердяков, как мы помним, говорил: «Умная нация должна завоевать глупую». То есть дать добровольное согласие на колонизацию. При этом свои достоинства – то, что нельзя перенять, а можно только создать самим – отбрасываются. Например, православие начинает «мешать» историческому развитию, как полагает Владимир Познер.

– Нет ли в понимании отставания западниками некоего религиозного оттенка?

– Есть, и очень осязаемый. Ведь для них западные институты – предмет культа, как для туземцев поделки из Европы. Идея «догоняющего развития» построена на культе этих институтов – чудесных атрибутов земного рая. При этом упускается из виду, что институты – если только они не фиктивны – вырастают из традиции, а традиция – то национальна.

– Где начинается зона сакрального в восприятии этой проблемы?

– Начинается она с отсутствия рациональных объяснений. Вместо них господствует абсолютно магическое отношение к этим самым институтам. Западники счи-

тают, что эти институты упали на Европу как манна небесная и могут быть воспроизведены где угодно по неким лекалам. Хотя это то же самое, что за сутки родить ребёнка, вырастить дерево или изменить черты лица. Не находя желаемого, эта публика злится и заводит песню о нашей якобы неполноценности цивилизационной, а то и биологической.

– При этом традиционную религию они недолюбливают.

– Это и понятно, ведь традиционный культ мешает культу новому, модернистскому. Точно так же как он мешал большевистскому культу коммунизма.

Отсюда наряду с русофобией возникает ортофобия, антиправославность западников. В общем-то эта модель у нас воспроизводится со времён Петра Чаадаева, который считал, что все беды России от неправильного выбора религии. Вот склонили бы мы колена перед Святым Престолом – глядишь, и с культурой, и с экономикой было бы лучше. Правда, век католичества в его классическом виде оказался недолог – и вот сейчас приходится привлекать для идеи «догоняющего развития» куда более экзотические культы. Скажем, неогностицизм и техноязычество. А поскольку естественным образом этот тип религиозности в России не приживается, его адепты грезят о майдане и оккупации нашей страны натовскими армиями.

– Как разрушить мифорелигиозный ореол этой темы?

– Долгими усилиями историков, экономистов, социологов, публицистов. А пока я могу предложить вам пять демифологизирующих тезисов на тему «Отставание России».

1. Отставание – особенность не России, а всех периферийных стран.

2. Отставание предопределено не позицией периферийных стран, а позицией Запада.

3. В случае некритичного заимствования

социально-экономических моделей (сценарий «догоняющего развития») отставание не уменьшается, а увеличивается.

4. Техническое отставание вовсе не означает отставания в социальной и культурной сферах.

5. «Догоняющее развитие» ведёт к деградации социальных, политических и культурных институтов.

– Существует легенда о Петре Первом как о мудром преобразователе, прорубившем окно в Европу. Это тоже миф?

– Прежде всего этот путь означал смену государственного культа – от идеи «Москва – Третий Рим» к идее «Запад – страна святых чудес» (ироническое определение Аксакова). То есть смену византийской преемственности на западническое подражательство. И в этом смысле он, конечно, был ошибочным, поскольку вёл к разрыву традиции, потому что византийская и вообще христианская традиция аккумулирует и собирает, а западная модернистская означает экспансию, подчинение, колонизацию. Запад разрушил и свою традицию, и чужие. Исторический разрыв вёл к гражданскому расколу между правящим слоем и народом, а в итоге к революции. Стратегически это было ошибкой, что не отменяет ряда отдельных достижений петровского времени – например, преобразование армии и флота.

Основанная на крепостном труде петровская промышленность обусловила отставание России в XVIII-XIX веках. Кстати, до знаменитой поездки в Европу со своим «Великим Посольством» Пётр предполагал расширение России в сторону Чёрного и Средиземного морей, контроль над проливами и Константинополем. А по возвращении его стало интересовать в первую очередь Балтийское направление. Это был геополитический просчёт. Россия – наследница Византии – должна была быть черноморской державой.

– Каковы же основные причины отставания?

– Причины отставания в разные эпохи разные: хлебная зависимость в XIX веке, сырьевая зависимость в XX веке, идеологическая, культурная и институциональная вторичность, отказ от собственной национальной научной школы (Болонская система), от национальных принципов образования (ЕГЭ), от нормальной связи между поколениями (ювенальная юстиция).

– Как связаны проблема отставания и внешняя политика?

– Гонка преследования – это процесс, исход которого зависит от обеих сторон. И поскольку конкуренцию в мире никто не отменял, наше желание догнать отнюдь не совпадает с желанием наших партнёров. Зачем им новые конкуренты? Поэтому они отнюдь не против того, чтобы мы шли путём слепого, буквалистского подражания – но, наверное, этот не тот путь, который позволит нам кого-то догнать. Потому что при разных исходных условиях нужны и разные принципы движения, чтобы оказаться примерно в той же точке. Автомобиль не догонит катер, если поедет по воде, но легко обойдёт его по суше. Это так называемые ножницы развития. Принцип «ножниц» важен и в технологической, и в идеологической сферах.

– А как это связано с идеологией?

– Конкурентам есть смысл пустить нас по ложному пути. То есть идеологически вменить нам неэффективный сценарий. Например, строго подражательный: сделайте в точности как у нас, один в один. Или наоборот: убедить нас в том, что чего-то ни в коем случае делать нельзя. Например, свободную эмиссию национальной валюты, вложений в науку и образование. Так, британцы в XIX веке убеждали наших дипломатов в том, что России непременно надо оставаться аграрной страной – мол, так вам Богом предначертано, таково ваше призвание. Мотивация была проста. С одной стороны, устранить возмож-

ного конкурента в промышленно-технической сфере. С другой – обеспечить продолжение бесперебойной продажи зерна в Европу, освобождая европейцев от этой головной боли и закрепляя за Россией роль хлебного поставщика. Точно так же и сегодня за нами пытаются закрепить роль мировой бензоколонки, идеологически запрещая поддержку внутреннего рынка и реального сектора экономики. В итоге продолжается вывоз капитала из страны, а экономика всё время недофинансирована. В научной литературе это называется «мировым разделением труда». Невыгодная роль в ходе этого разделения отбрасывает Россию назад, тормозит развитие, закрепляет её периферийный статус.

– И отсюда идея «догонять через подражание»?

– Да. Компрадорский класс России всегда помогал Западу под предлогом европеизации тормозить наше развитие. В частности, этому способствовал культ Запада. Причём из этого абстрактного культа делались прямые социально-политические выводы. Например, в Восточной Европе после распада советской системы не было ваучерной приватизации, вместо этого проводилась реституция. Таких примеров много. Многие реформы по западному образцу были абсолютно антиинституциональны для России. И потому деструктивны. Все эти нестыковки оставили печать на сознании российского правящего класса.

– Как именно?

– Русские пытались с Западной Европой договориться «по-хорошему», каким-то образом в неё «вступить», словно мы сами по себе не европейцы и не имеем за спиной христианской традиции. Нужна была ещё какая-то сакральная санкция. В итоге глубинные культурно-исторические основания нашей общественной жизни подменялась попытками соответствовать сиюминутным политическим проектам и идеологиям. В том числе европейскому христианоборчеству, позити-

визму, социал-дарвинизму, трансгуманизму. Это дезориентировало общество, лишало его собственного незаменимого опыта, выстраданного столетиями, обнуляло этот опыт.

– А что же сами европейцы?

– А из Европы к нам приходили только с войной. И не один раз. И хотя только по вине гитлеровской коалиции (а это, напомним, несколько европейских стран) мы потеряли несколько десятков миллионов человек, мы всё никак не можем избавиться от иллюзий. В результате возникают такие уродливые явления, как «плач» по солдатам вермахта, которые якобы «не хотели воевать», как утверждал один уренгойский школьник в бундестаге. Или попытка повесить в Санкт-Петербурге мемориальную доску Маннергейму, бомбившему Ленинград и учреждавшему в Карелии концлагеря для советских граждан. У нас всё ещё очень короткая историческая память. Но, думаю, это поправимо.

– Как оценить советский период в контексте темы отставания?

– В этом смысле 1917 год парадоксален. Он означал декларацию отказа от периферийной модели развития, противопоставление себя Западу как нового глобального и идеологического центра. Но вместе с тем эта цель достигалась ценой утраты своих культурных, исторических, символических и иных ресурсов. Это была системная ошибка. Весь советский период ушёл на её преодоление.

– Как выглядит спор западников и славянофилов сегодня?

– Это всегда был надуманный спор, а сегодня особенно. Обратите внимание – на самом деле ни в Европе, ни в Америке никогда не было «западников». Но если их не было у них, то зачем, спрашивается, они нам? Если их нигде не было, значит, это лишнее колесо в телеге.

«Интеллекту всегда стыдно, но не за себя, а за других»

Какова роль интеллигенции в советской и постсоветской России? Почему она создала свою субкультуру с собственной религией, философией и литературой? Почему интеллигенция всегда говорила о свободе и демократии, но призывала власть к насилию и игнорировала собственный народ? Что случилось с интеллигенцией сегодня, можем ли с полной уверенностью констатировать смерть интеллигентского сословия? На эти темы журналист Елена Жосул беседует с советником председателя Государственной Думы, доктором политических наук Александром Щипковым.

– Александр Владимирович, мы слышим много разговоров о роли интеллигенции в XX веке. Что, на Ваш взгляд, происходило с интеллигенцией и как она влияла на развитие общества в советское время?

– Тема сложная и болезненная. Можно много рассказать о состоянии интеллигенции до 1917-го и после 1991-го, но советский период действительно особенный. Роль у интеллигенции в это время была двусмысленная.

– Что именно Вы под этим подразумеваете?

– Советская власть, как известно, была очень идеологична и интеллигенцию, так сказать, «подавляла». Интеллигенция находилась в некоторой фронде. Но вместе с тем государство очень нуждалось в ней, она была ему нужна именно такая – фрондирующая. Интеллигенция – это некий декор, химера на идеологическом здании. Без этих химер оно выглядело бы не таким красивым и завершённым. Роман интеллигенции с советской властью был долгим и страстным. Это тема будущих литературных произведений и научных диссертаций.

– Что представляла собой советская интеллигенция?

– Самая важная её черта – мессианизм. Ощущение себя посредником между властью и народом.

– То есть она отделяла себя от народа?

– Разумеется. Она могла ходить в народ, поучать народ, но никогда не чувствовала себя его частью. Интеллигенция всегда мечтала командовать, всегда просила партию дать ей «поручить». Но в этом был определённый блеф. Рулить предполагалось так, чтобы не брать на себя ответственность. Пусть кто-то рулит – какая-то власть, а мы этим рулевым будем управлять как бы со стороны. Это ещё одна черта интеллигенции – работать суфлёром власти. Править, но не царствовать.

– А что произошло с интеллигенцией в 1917 году?

– В 1917 году интеллигенция дорвалась до власти. Рулила коротко, очень неэффективно и очень кроваво. После чего пришли люди с рабфаков, крестьянско-пролетарский призыв...

Но «интеллигенция и революция» – это тема отдельного разговора, если сейчас углубимся, то увязнем.

– Итак, это прослойка, которая пытается учить сразу и народ, и власть?

– Причём прослойка довольно замкнутая – сообщество «рукопожатных». Интеллигенцию можно назвать особой субкультурой, потому что у неё были собственные ценности, не как у власти и не как у народа. У советской интеллигенции была своя идеология, её выразителем

был Андрей Дмитриевич Сахаров. Были свои «евангелисты», их было двое и назывались они братья Стругацкие. Это религия советской интеллигенции – то, что они могли усвоить и что грело их душу. У интеллигенции был свой культовый театр – «Таганка», особо чтимые писатели: Ильф и Петров, Бабель, Рыбаков, Трифонов, Окуджава... Субкультура интеллигентов базировалась на мифологии, которую они сами же создавали. Это неисчерпаемый материал для анализа. Остаётся лишь сожалеть, что об этом почти ничего не написано в строго научном жанре. Написано нечто иное.

– **Что же?**

– Воспоминания и рассуждения интеллигенции о самой себе. Это очень интересно, но это тоже материал для анализа, а не сам анализ. Мифологию нельзя описать изнутри, это не могут сделать сами её носители. Нужен внешний, сторонний взгляд.

– **А сколько существует интеллигентских мифов?**

– Много. Но каталогизация – это дело учёных. Я назову основные. Миф первый – об оппозиционности. Это то, о чём мы уже начинали говорить.

– **Оппозиция Его Величества?**

– Вот именно. Его Величества, а не его Величеству.

– **Но при этом часто говорят, что в идейном отношении интеллигенция ставила себя выше власти. Дескать, мы знаем, как правильно, а вы не знаете.**

– Интеллигенция, объявляя себя оппозиционной, в то же время охотно шла на контакт с властью и стремилась заручиться её поддержкой, если не сказать любовью. Дежурила под окнами, чтобы напомнить о своём безразличии, – это был такой французский роман. И власть, которой фрондирующая интеллигенция была нужна, периодически

ски шла ей навстречу – брала в содержанки. Интеллигенция приходила в неописуемый восторг и называла этот период оттепелью.

– **Оттепель сменялась временными заморозками...**

– Как только внутри властных структур возникало какое-то другое движение, другой вектор – власть отдаляла от себя интеллигенцию. Потом, преследуя новые политические цели, опять немного открывала клапан, добрела. Как правило, это выражалось в раздаче денег. Так и шла эта игра в «оттепель» и «заморозки», с подарками и всем остальным, что следует по жанру...

– **Но ведь, говоря об оттепели, всегда напоминают прежде всего о свободах.**

– Свобода – одно из сакральных понятий либерализма. Но философами свободы часто как бы «упускается» тот факт, что всякая свобода – это возможности, а любые возможности приобретаются за счёт возможностей кого-то другого. Пирог свободы не бесконечен, это не евангельские семь хлебов, которыми можно накормить всех. Равенство в свободе само по себе не возникнет.

– **Все свободны, но некоторые свободнее?**

– Именно. Причём намного свободнее. Так возникают привилегии. И хотя понятие «свобода» для интеллигенции священо, на самом деле это эвфемизм.

– **Что он означает?**

– Помните три священных слова французской революции – «свобода, равенство и братство»? Так вот «равенство и братство» нашей либеральной интеллигенцией забыты намертво. Но «свобода» – это священо. Свобода для себя, а не для остальных, разумеется. В российских условиях «свобода» интеллигенции – это право единолично вли-

ять на власть. Отсюда возникло выражение «активная часть общества». То есть такая часть, которая сама себя наделяет правом делать выбор за других. Это уже не просто привилегия. Это нечто крайне далёкое от демократии.

– Как можно назвать это качество?

– Очень просто: это авторитаризм. Один из любимых интеллигенцией бардов Александр Галич писал: «Не бойся суммы, не бойся тюрьмы, не бойся ни хлада, ни жара – а бойся единственно только того, кто скажет: «Я знаю, как надо». Интеллигенция знала эти строчки наизусть, но только тем и занималась, что говорила: «Я знаю, как надо». И народу, и власти. Это очень узнаваемая её черта: быть выше собственной проповеди, выше любых принципов. Отсюда и своеобразная интеллигентская культура ритуального стыда, когда стыдно бывает за кого-то, но только не за себя. Достоевский называл это «воплощённой укоризною».

– Что же стало с интеллигенцией после перестройки?

– В то время некоторая часть интеллигенции получила доступ к медиасредствам, в официальное публичное пространство. Но именно часть – небольшая и статусная. А подавляющее большинство советских интеллигентов было просто выброшено за борт: их стали называть «бюджетниками». Так интеллигенция предала идею сословной солидарности. Любимая их песня «Возьмёмся за руки, друзья!» лилась отовсюду, но когда дошло до дела, эти руки были очень быстро убраны. Меньшая часть сословия получила свой кусок от пирога приватизации вместе с бывшей партноменклатурой.

Получила «свободу», а собратьев по субкультуре оставила в беде, вытерла о них ноги. Я уже не говорю о ситуации начала 1990-х годов...

– Что Вы имеете в виду?

– Знаменитое позорное «Письмо 42-х». Сегодня об этом не любят вспоминать. Это коллективное письмо было написано в 1993-м и адресовано власти. В нём «сливки» русской интеллигенции призывали уничтожить людей, которые исповедуют чуждую им идеологию. Они призвали пролить кровь. Письмо было подписано очень известными людьми: Ахмадулиной, Лихачёвым, Рождественским, Окуджавой, Астафьевым и многими другими – всего 42 человека. Половина из них графоманы, а половина действительно чрезвычайно талантливые люди. И вот эти графоманы и талантливые люди собрались вместе призвать: убейте их! Чем это мировоззрение лучше мировоззрения запрещённого в России ИГИЛ? Принцип тот же.

– Как они реагируют сейчас на Ваши выводы?

– Кто-то «прозрел», но большинство нет. «Ужас, что говорит Щипков!» – повторяют они сейчас. Но факты вещь упрямая. Власть их тогда услышала. Они в очередной раз порулили – «показали, как надо». И кровь пролилась. Для меня в 1993 году интеллигенция умерла.

– Сословие умерло, можно ставить памятник?

– Вы опоздали... Он уже существует. В нулевых они умудрились сами себе поставить в Москве памятник возле центра А. Д. Сахарова – Пегаса, парящего над какими-то шипами. Памятник интеллигенции.

– Какие ещё мифы, помимо оппозиционности, Вы имели в виду?

– Ещё один миф – о просветительстве. Интеллигенция ощущала себя просветителями в отсталой азиатской стране, наместниками цивилизации. Как англичане в Индии. И естественно, народу это не нравилось. Люди нуждаются в просвещении с любовью,

а не с презрением и похлопыванием по щёчкам. Эта фальшь чувствуется, обмануть невозможно. Поэтому их субкультура ещё больше «закуклилась» в себе, ошетилилась, но продолжала выполнять некие «посреднические функции» между властью и народом, Западом и Россией. Хотя никто, повторю, не поручал им этим заниматься.

– То есть просвещение проводилось ошибочными методами?

– Дело не только в методах. Чтобы просвещать, нужно какое-то основание. А чем занимались наши русские интеллигенты ещё со времён П.Я. Чаадаева? Они брали идеи западных интеллектуалов, переводили их, перерисовывали, перетолковывали и пересказывали. Это был интеллектуальный секонд-хенд, вторичность. Там брали и тут перепродавали. Если интеллигенты претендуют на статус интеллектуалов, они должны выдавать оригинальную продукцию, должны творить, создавать своё. Но этого не происходило.

Отсюда и известное понятие «образованщина», которым их наградили Солженицын.

– Разве не было людей, которые всё же выдавали оригинальную интеллектуальную продукцию?

– Конечно, были. Иначе Россия в XX веке просто бы не выстояла. Но эти люди, с моей точки зрения, не были никакими интеллигентами. Они просто были русскими интеллектуалами, которые делали работу, а не занимались бесконечной фарцовкой, перепродажей идей. Коммунистическая идея – это перепродажа западной мысли, либеральная идея в 1990-е годы – перепродажа, сейчас идея модернизации и «догоняющего развития» – перепродажа, идея инноваций вместо научного прогресса – снова перепродажа. Весь дискурс вторичен.

– Препарируя феномен интеллигенции, что Вы скажете о взаимоотношениях между ней и Церковью?

– Советская власть не позволяла людям с высшим образованием становиться священниками. Ректор Ленинградских духовных школ епископ Выборгский Кирилл, нынешний Святейший Патриарх, с невероятным трудом принимал в семинарию моих друзей с высшим гуманитарным образованием. Он продавливал их зачисление в семинарию сквозь запреты уполномоченного по делам религий, который был сотрудником Обкома коммунистической партии. Это было чрезвычайно сложно и рискованно. Но он понимал, что Церкви нужны интеллектуалы.

Однако тема «Церковь и интеллигенция» это совсем о другом – о столкновении интеллигенции и Церкви. О менторском отношении интеллигентского сословия к православию, византийскому наследию, соборности. О соотношении религиозности и идеологии. Сегодня происходит борьба между секуляристским сознанием интеллигента и его тягой к воцерковлению. Когда побеждает первое – появляется «богословие майдана», еретическое учение о том, что политическая деятельность одухотворяет веру. Когда побеждает второе – человек воцерковляется и из интеллигента превращается в христианина.

– В этом довольно непросто разобратся, слишком много парадоксального в Ваших словах.

– Разберёмся с Божьей помощью. Уже выросло молодое поколение русских интеллектуалов, имена которых зазвучат через пять-десять лет. Им пока что перекрыты пути в «ваковские» журналы, в академическую среду. Но они создадут свои журналы и напишут свои монографии. Их мысль свободна как от либеральных, так и от коммунистических шаблонов. Они никуда не уехали и, судя по всему, всерьёз собираются укреплять Россию.

Источник:
«Парламентская газета»

Диктатура богемы

Совместимы ли театр и церковь, лицедейство и священство? Возможна ли проповедь с подмостков и с экрана? Способен ли обратившийся ко Христу человек превратить свое обращение в ток-шоу на продажу? Какое место занимает православный гламур в диктаторских практиках части современной богемы? Обо всем этом рассказывает политический философ, советник Председателя Государственной Думы РФ, член Общественной палаты РФ Александр Щипков.

– Александр Владимирович, актёры любят повторять фразу о том, что только в церкви и в театре «служат», а в остальных местах – «работают». Не означает ли это, что на актере, как и на священнике, лежит особая миссия и ответственность за воспитание и духовное развитие народа?

– Это очень милое архаичное словопотребление, сохранившееся до наших дней в отдельных областях деятельности. Не более того. Служат еще в силовых структурах, в госорганах. Но служба и служение – разные понятия, не стоит их путать.

– Сегодня постоянно приглашают актеров и режиссеров в телешоу делиться своим религиозным опытом. Где кончается актерство и начинается жизнь и вера?

– Впервые я столкнулся с этой проблемой, когда был ведущим радиопрограммы «Во что верит Россия» на ВГТРК. Мне довелось беседовать с Евгением Алексеевичем Лебедевым, выдающимся русским актёром, мастером перевоплощения. Это случилось незадолго до его кончины в 1997 году. Мы говорили о театре, о его ролях. У него была особенная манера речи – быстрая, дробная, скороговоркой. Он сыпал именами, датами, цитатами из ролей, жестикулировал. Одним словом – актёрствовал передо мной. И вдруг неожиданно начал полуразборчиво, с пропусками слов, произносить тексты из Литургии, перемешивая «Херувимскую», «Милость мира», обрывки ектений... Искженные тексты высыпались из каких-то глубин его

памяти. Он был очень взволнован. Актёрство внезапно исчезло. Начал рассказывать о том, что его отец был то ли дьяконом, то ли священником. В силу жизненных обстоятельств Евгений Алексеевич ушел от него, вырос неверующим. Стал актёром. Играл на сцене Сталина. Выжил. Отца расстреляли. А спустя полвека старый актёр бормотал литургические тексты как абракадабру и признавался мне, что совершенно не понимает их смысла. Но эти тексты были связаны с памятью об отце, перед которым он явно чувствовал вину. Огромный актер, состоявшийся в профессии, и одновременно глубоко опустошённый человек.

– Но всё же это была другая эпоха. Сегодня нет ни запретов, ни гонений. Совмещение религии и актерской профессии приветствуется. Валерия Гай Германика это великолепно демонстрирует. Вы видели её новый миссионерский интернет-проект «Вера в большом городе»?

– Этот проект построен авторами на контрадикции. В качестве ведущей приглашена кинорежиссёр со сложившейся профессиональной репутацией и образом жизни, который не совпадает с обыденным представлением о том, каким должен быть православный стиль поведения. Это подтверждает название проекта – прямая перекличка с американским проектом «Секс в большом городе». Задача – привлечь внимание публики сочетанием несочетаемого. Православие, мол, так же притягательно, как секс. Занимайтесь православием. Смотрите, кликайте,

ставьте лайки, воцерковляйтесь. Вас ждёт успех в жизни. Мы видим очередной образец «православного» гламура – эстетического направления в православии, которое зародилось в конце 90-х в среде миддл-класса.

– Разве возможно искусственно менять религиозную эстетику?

– В 1930-е годы XX века в Германии активно меняли эстетику и стилистику христианской жизни. Посмотрите на их церковное искусство того времени – Христос изображается как атлет. Мощный, красивый, мускулистый, непобедимый, как сама Германия. Православный гламур, одним из винтиков которого является названная вами программа, создаёт собственный специфический образ церкви. Это церковь для успешных людей, церковь для миддл-класса. Соответственно церковность, с их точки зрения, должна быть выдержана в той стилистике, которая принята в этой среде: в ней должно быть место для иронии, раскрепощенности (отсюда аллюзии с сексом), карнавальности и главное – для постоянного сомнения. Участник этой игры «в православие» должен находиться в постоянном сомнении. Быть сомневающимся – это стильно и одновременно освобождает от ответственности. Как раз то, что нужно современному состоятельному человеку. Слоган Станиславского «Не верю!» стал их девизом.

– Говоря о профессиональной репутации Валерии Германики, вы имеете в виду её скандальный сериал «Школа»?

– Сериал «Школа» – это смакование детского греха. Более того, автор зарабатывал деньги на этом смаковании. В экзистенциальном смысле это ничем не отличается от детской порнографии. Этот фильм развращает зрителя – и подростка и взрослого.

– То есть Вы не верите в религиозную искренность Германики, в возможность её духовного изменения, раскаяния?

– Христос, разумеется, открыт каждому. Но из покаяния не делают ток-шоу на продажу.

– Однако Германика с помощью своего ток-шоу говорит о том, что вера поможет человеку заполнить пустоту внутри себя.

– В культуре постмодерна христианству отведена заместительная функция. Не спасительная, а заместительная. Это так называемая «викарная религиозность». Именно это и демонстрируют ведущая в роли духовника и её гости в роли духовных чад.

– Пародия на исповедь?

– В общем, да. К православию это не имеет никакого отношения. Это обычный третьесортный кухонный психоанализ. Кто такой духовник? Это тот человек, который имеет религиозный опыт и с твоего добровольного согласия помогает тебе укрепляться в вере и поступках, определяемых твоей верой. Вера передается от более опытного к менее опытному. Иначе не бывает. Когда актеры, у которых нет религиозного опыта, начинают вещать с экранов, – они не помогают, а разрушают. Религиозный опыт – вещь таинственная, не надо его вытаскивать на люди ради забавы или тем более заработка, его надо беречь.

– Вы хотите сказать, что веру можно эксплуатировать в корыстных интересах?

– Это не в прямом смысле зарабатывание денег на эксплуатации религии. Просто используют ресурс церкви, ресурс православия для создания своих образов, реализации медийных и творческих проектов. Самый трагический пример – Иван Охлобыстин. Он в своём духовном «артпроекте» добрёл до логического конца – взял в руки реальный, а не бутафорский антиминс, а потом бросил его. Охлобыстин – это человек-проект. Как и Германика.

– И как можно назвать их метод?

– Православный гламур. Это один из способов утвердить диктатуру богемы над обществом. Для каждой части общества – свой подход. Говоря коротко: православный гламур – это попытка монетизировать православие. Точно так же сегодня разные художественные союзы пытаются монетизировать русский консерватизм. Православие и консерватизм в тренде – значит, есть покупатель. А если есть покупатель, то почему не заняться бизнесом? И порой уже трудно понять: где же грань, где переходная линия? Где подлинный консерватизм русского народа, а где подделка, монетизированная оборотистыми шоуменами? Где подлинное православие, а где только его форма, оболочка. Но ведь мы это явление видим и понимаем что происходит.

– Вы говорите, что православный гламур создаёт церковь для богатых. Но ведь церковь действительно для всех – и бедных и богатых.

– Православный гламур искажает православие. Говорят об Иисусе Христе как волонтере, который ходил и бесплатно всем помогал. При этом совершенно не говорят об основной составляющей – самопожертвовании Христа. Богатым людям предлагается оставить за скобками ту часть Евангелия, которая говорит о страшных физических страданиях Христа. О крови, поте, растер-

занном теле. Ведь это как-то негламурненько выглядит.

Православный гламур обещает научить тому, как, оставаясь богатым, умудриться пролезть сквозь игольное ушко в царство небесное, причем со всеми своими вилами, яхтами, деривативами и офшорами. Потребитель такой «православной услуги» существует – вот рынок и включается. Только всё это к христианству не имеет никакого отношения.

– Но ведь актер может создать положительный образ священника, старца...

– Кто такой актер? Это копиист, человек, который копирует других. Но он только копирует, он ничего не может произвести. И сегодня эти копиисты пытаются учить нас политике, религии, семейной жизни. Навязывать свои стандарты мысли. Их духовный и интеллектуальный багаж состоит из их ролей. Уровень порой невысок. И этими говорящими оракулами заполнен сегодня эфир всех каналов. Так выглядит диктатура богемы.

– Вы вообще против театра?

– Я против подделки, против гламура. Русский театр сегодня в удручающем состоянии, но есть и светлые примеры. Тот же Александр Коршунов с театром «Сфера». Всё зависит от нравственной цели, которую ставит перед собой театр в целом или актёр в частности.

Долг свидетельствования

Род Капнистов в российской истории весьма интересен и примечателен. Этот дворянский и графский род происходил с острова Занте, что в Ионическом море. Родоначальником Капнистов был Пётр, грек на национальности, который в Венеции носил фамилию Капнисси. Сын его, Стомателло, кавалер Св. Марка, был на службе Венецианской республики во время войны с турками. В 1681 году Стомателло с тремя оснащёнными им фрегатами служил в эскадре венецианского адмирала Морозини. В сражении при о. Левкаде (Санта Мавра) венецианские корабли оказались окружёнными сильнейшим турецким флотом. Капнисси оказался вне окружения. Он приказал своим фрегатам: каждому подойти к одному из турецких кораблей, взять его на бордаж и подорваться. Так и было сделано. Пожар и последующая гибель трёх турецких кораблей внесли смятение в ряды противника. Морозини успешно вышел из окружения и нанёс туркам тяжёлые потери. Таким образом, грозившее поражение обернулось победой. За этот и другие подвиги Стомателло Капнисси Венецианским дожем Алозием Мочениго и сенатом в 1702 году был возведён в графское достоинство. Именно от Стомателло происходят все русские Капнисты.

Внук Стомателло, Петр Христофорович, был во главе сопротивления туркам, когда они начали покорение Ионического архипелага. Стремясь нанести максимум ущерба турецким захватчикам, он создал отряд добровольцев для помощи Петру Великому в его борьбе с турками. Венецианское правительство было недовольно этой инициативой. Опасаясь преследования, Пётр в сопровождении сына Василия, с семьей, бежал в Россию. Во время пути он заболел и умер.

Василий Петрович Капнисси вступил в русскую службу под именем Капниста.

Граф Сергей Алексеевич Капнист

Был бригадиром; в настоящее время это воинское звание бригадного генерала. Василий Петрович был успешен в военной деятельности. В 1734 году калмыки, татары и нагайцы разоряли земли Малороссии. Капнист быстро, на свой страх собрал отряд и нанёс грабителям поражение. За это его произвели в казачьи сотники. Затем он отличился во время походов генерал-фельдмаршала Б.Х. Миниха, особенно под Очаковым в 1737 году, и был произведён в миргородские полковники. В 1743 году он руководил устройством укреплений против татарских набегов. В начале Семилетней войны начальствовал над пятью слободскими полками и в 1757 году погиб геройской смертью в битве при Гросс-Эгерсдорфе в Восточной Пруссии.

Младший Капнист, Василий Васильевич (1757-1823), родился в год гибели отца. Он известен как талантливый писатель, драматург и поэт. Перевёл на русский язык «Слово о полку Игореве».

Род Капнистов верой и правдой служил России и Русской православной церкви – дипломатами, государственными чиновниками, офицерами, генералами, адмиралами.

Продолжатель рода Капнистов, видный представитель русского сообщества Франции граф Сергей Алексеевич Капнист проживает в Париже. В октябре 2004 года от имени русских парижан он приветствовал визит во Францию Патриарха Московского

и всея Руси Алексия II, который стал большим событием для зарубежных соотечественников. Об этом он заявил в интервью ИТАР-ТАСС, отметив, что «это был первый визит главы Русской Православной Церкви не только во Францию, но и вообще в католическую страну». По его мнению, приезд Святейшего Патриарха Алексия «означает дальнейшее сближение частей некогда единой Русской православной церкви после многих лет страданий, о которых сегодня нужно помнить». «Православная Церковь переживает подъём, – заметил граф Капнист. – Это важнейший момент для Православия и христианства».

*Беседу с Сергеем Капнистом
ведёт профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
Николай Ракитянский.*

– Сергей Алексеевич, мы продолжаем наш долгий разговор, начатый в Париже в январе прошлого года. Мы с Вами говорили о русском менталитете как об особенностях мышления, чувствования, миропонимания и о ментальности как о содержании менталитета. Когда Вы начали осознавать себя русским?

– С самого раннего возраста, поскольку для меня было совсем естественно дома говорить по-русски. Мои родители, дедушки, бабушки мудро подумали о том, что в самом начале жизни необходимо передать сыну и внуку родную речь. Они считали, что, родившись и живя во Франции, всегда можно освоить французский язык, что он никуда от меня не денется. Таким образом, когда пятьдесят с лишним лет назад я поступил в первый класс, то по-французски вообще не говорил. У меня осталось такое воспоминание: в первые дни в школе я вообще ничего не понимал из того, что вокруг меня происходит. Это было сильное ощущение.

Мои чувства и размышления о том, что я русский, никогда меня не покидали. Достаточно рано я понял, что мой ум устроен не так, как у моих соклассников.

Мне всегда было трудно писать по-французски, но не в смысле языка, а в плане нормативного изложения мысли. Этот знаменитый французский картезианизм с его доминированием логики, особенностями структурных построений, где надо писать одно, второе, потом обязательно какой-то сентенс, суждение, – это был для меня ненатуральный способ мышления. Я постоянно делал над собой усилие, чтобы писать в такой логике. Если делал по-своему, то профессора не понимали моих текстов. Однажды я смотрел передачу – интервью видного французского журналиста Бернара Пиво с А. И. Солженицыным. Б. Пиво спрашивал у него, как он пишет. Дело в том, что вообще французский писатель сначала обдумывает и составляет план, потом наполняет его содержанием. Солженицын объяснял этому журналисту и всем телезрителям, что он сначала накапливает огромное количество информации, документов, впечатлений и вос-

поминаний. Тысячи страниц... И только потом, постепенно из этого массива формирует квинтэссенцию своего замысла с последующим его раскрытием в сентенс. Тут я подумал о том, что как раз этим примером представлена довольно точная картина различий мышления.

– Образ Родины, каким он у Вас был с детства? Когда Вы впервые приехали в Москву, что на Вас произвело впечатление?

– Образ Родины, конечно, основывался только на рассказах, и, естественно, он не соответствовал тому, что я увидел, когда впервые в 1972 году приехал по делам в Советский Союз. Тогда я работал во французской фирме, и у нас были контракты в СССР с Машиноимпортом. Так вот, первое очень интересное и необычное чувство: иду по улицам и всё написано по-русски. К этому быстро привыкаешь, и это не самое важное. Главное: я вдруг увидел и остро почувствовал что-то необыкновенно близкое и родное, несмотря на известную разницу политического строя. Потом два года я жил в Москве, будучи коммерческим атташе французского посольства.

– Вы успешный человек – в карьере, бизнесе, экспертном сообществе Франции, консультируете правительственные организации. Вы представитель не только русской, но и французской элиты. У Вас сложилось какое-то благополучное сочетание русского и аналитического картезианского стиля?

– Всё это связываю с языком. Довольно молодым я понял, во-первых, каким огромным богатством располагаю, именно русским языком во французском национальном и культурном пространстве. Во-вторых, видимо, по этой же причине, у меня было ощущение самой возможности мыслить не как все. Здесь происходит какая-то тонкая, трудноуловимая разница и одновременно сочетание, обогащение. Всё это формирует другой анализ, какую-то способность схватить понимание ситуации не совсем

обычно, гораздо шире и ярче. Это даёт определённые преимущества, и конкурентные в том числе. Если хотите, я некий продукт синтеза двух культур – русской и французской. На примере моей жизни могу сделать вывод о ценности взаимного обогащения не только этих двух менталитетов, культур, но и способов практической жизни, промышленности, экономики.

– Случается, что Вам говорят, что у Вас необычные суждения, самобытный взгляд, оригинальные сентенции? Это обращает на себя внимание со стороны французов?

– Это бывает. Должен сказать, что где-то лет десять тому назад я решил, что именно этим надо воспользоваться. До этого держал про себя какие-то мысли и выводы, не считал возможным их как-то высказывать. Теперь нашёл, как мне думается, подходящую форму, интонацию и уровень изложить так, чтобы это было приемлемо для моих собеседников. Чтобы у них не возникало мысли, что человек пытается франтить, что ли.

– Сергей Алексеевич, Ваш предок Стомателло Капнисси начинал службу России на её южных границах, в землях, называвшихся тогда Малороссией. Сейчас это Украина, с которой наши отношения выстраиваются весьма сложно и даже драматично. Какое у Вас видение будущего братских народов?

– Это чувствительный и даже больной вопрос, его надо решать весьма осторожно. Проблема осложнена тем, что не совсем ясную роль играет и Европа. Возможно, тут есть какие-то сокрытые замыслы, которые усугубляют ситуацию. Мне кажется, что в некоторых кругах стараются доказать, что только полное разьединение Украины и России является нормой современной политики. Формируется некий прогноз, который может являться определённой программой действий.

Ошибочно считать, что Украина и Россия расстались на веки вечные. Наконец, украинцы это одно, а политический строй совсем другое. История и будущее ансамбля братских народов едины. Ещё рано говорить о том, как всё это соединить, чтобы всё было нормально. Ведь разрыв произошёл во время кризиса, который, в общем-то, ещё продолжается. По мере развития и усиления России у неё будет возможность на новом уровне убедительно сформулировать общие высшие интересы, исторические и духовные ценности, которые вновь подвигнут нас к объединению. Вероятно, со временем будет найдено какое-то новое сочетание, пока нам неведомое.

– Вернёмся к Вашему детству. Домашние традиции, тема ценностей семьи, рода. Что из личных воспоминаний Вы могли бы выделить в качестве самого важного?

– Думаю, что в первую очередь это русское православие и церковь. Это основа, хребет и рамка моей жизни. Фундамент воспитания, культуры, менталитета, всего, что у меня есть... В Париже, ещё ребёнком, я поступил в так называемую «четверговую школу», где всё по-русски: Закон Божий, история и, конечно, изучение языка, грамматики и т.д. Много моментов моей жизни связано с ценностями православной веры. Мой прадед со стороны матери, отец Яков Смирнов, был настоятелем кафедрального Собора Александра Невского в Париже... Так у нас в роду была святыня – чудотворная икона из Козельска – Козельщанская икона Божьей Матери. Конечно, в нашей семье хранилась и передавалась вся история этой иконы. Позднее Пётр Алексеевич Капнист, в конце XIX века русский посол в Вене, участвовал в постройке русского православного собора Св. Николая Чудотворца, который был освящён в 1899 году. Капнист и его супруга тогда подарили этой церкви колокола. Интересно, что по линии моей жены, Вероники Яковлевны, из рода Горленко, передавалась маленькая серебряная икона святителя Иоасафа Белгородского, который в миру изве-

стен как Иоаким Горленко. Родители святого принадлежали к знатному украинскому роду. Когда мы венчались с Вероникой, её бабушка в качестве самого драгоценного дара передала нам частицу его мощей как семейную, родовую реликвию. Как видите, всегда в наших семьях и по сей день роль православия и церкви была весьма велика. Всё это органично вплетено в историю моей жизни, и это явно и сильно влияло на мою судьбу, определило её. И с женой всегда был общий язык, скреплявший нашу жизнь, нашу русскость, – язык веры отцов. С её стороны, как я уже сказал, были также сильные русские православные корни. Сейчас с Вами говорю, и у меня перед глазами икона патриарха Тихона, икона Иоасафа Белгородского с мощами и Козельщанская икона Божьей матери...

– Ваши слова могут быть весьма значимой духовной поддержкой для значительной категории наших читателей. Россия в её большей части – православная страна. Вера – не только основа национального менталитета. Изначально вера – это врождённая способность к самотрансценденции, то есть к стремлению, переходу нашего «Я» к Богу. Если человек выбирает себе другой предмет веры как высшую инстанцию, то он себя с ней идентифицирует и тем самым программирует свою судьбу. Так, если это деньги и культ потребления, то человек в итоге поклоняется Золотому тельцу. Если это лидер, вождь, гуру или модная так называемая поп-звезда, то это превращается в идолопоклонство, которое давно приняло массовый характер. В среде политических, интеллектуальных и прочих элит в моде вера в себя, в некую «свою звезду» как в конечную инстанцию, когда человек становится одержим собой и ему ничего не свято.

– Сергей Алексеевич, в одной из наших бесед Вы мне как-то высказали одну важную и неожиданную мысль. На меня она произвела большое впечатление в связи с тем, что я имею довольно широкие

знакомства с представителями русской эмиграции в Париже. Так вот, Вы говорили, что старая русская эмиграция уходит... Уходит удивительный личностный, культурный, национальный и ментальный феномен. Эмиграция дала Франции, России и миру выдающихся писателей, философов, учёных, богословов, деятелей культуры, просто интересных людей. Вы мне сказали, что это Ваш долг – долг свидетельства об уходящей эмиграции... Давайте поговорим об этом.

– В мировой истории нет подобного по своему объёму, численности и культурному значению явления, которое могло бы сравниться с русским зарубежьем. Из трёх великих исходов – еврейской диаспоры, выезда протестантов из Франции и отъезда русских с их родины – последний является наиболее значительным и с культурной точки зрения наиболее своеобразным. Русское рассеяние превзошло все бывшие до него и по числу, и по духовному значению, так как оно оказалось центром и движущей силой того явления, которое обычно называется русским зарубежьем. Этот феномен ярко отразил автор труда об эмиграции Пётр Евграфович Ковалевский в своей книге «Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека. 1920-1970» (1971). В ней он замечательно описал историю и деятельность русского зарубежья, показал его вклад в европейскую и мировую культуру, а также то, что Россия в те годы потеряла.

В условиях эмиграции в борьбе за русский язык, русские традиции и православную веру выявились три важнейших свойства менталитета русского народа. Это его одарённость и изобретательность, проявившаяся во всех областях жизни и творчества. Его необыкновенная жизнестойкость и приспособляемость к местным условиям, когда интеллигенты и аристократы, никогда не занимавшиеся физическим трудом, становились к станку или делались шофёрами такси. И, наконец, аскетизм – глубокое пре-

небрежение к так называемому «комфорту» и способность довольствоваться малым.

Сохранение русских исторических традиций не было музейным или только бытовым, но имело глубокие психологические, нравственные и духовные основания. Выехавшие из России сознавали себя представителями великой русской культуры, которая создавалась веками на фундаменте православной веры. Поэтому русское зарубежье реально решало тройную задачу: охранительную, просветительную и творческую через активное участие в культурной жизни других стран.

Интересно, что в этническом отношении выходцы из России состояли из представителей всех народов, населявших Русское государство, но значительное большинство составляли русские. Представители всех национальностей, подданные Российской империи до 1917 года, записывались как русские. Исключение, если я не ошибаюсь, составляли армяне, которые в международных актах шли всегда по особой категории, включавшей также армян – беженцев из Турции.

В отношении образовательного уровня русское рассеяние было высококультурным. Значительный процент его имел высшее образование и почти три четверти – среднее. Так, из двух с половиной миллионов иностранцев, проживавших во Франции между двумя мировыми войнами, русские по численности были на последнем месте, но тогда как другие иностранные колонии состояли почти исключительно из рабочих, русская часть принадлежала к высококультурному слою населения, хотя и вынуждена была заниматься ручным трудом.

Что представляет собой эмиграция в настоящее время? В общем-то она сейчас уже не существует, поскольку сейчас уже третье поколение и мы уже не эмигранты – мы потомки... Те русские, родители которых предпочли ассимиляцию, теперь, я думаю, жалеют об этом. Сейчас некоторые уже побуждают своих детей изучать русский язык. У тех, кто имеет русские корни,

кто обрёл благополучие в устройстве своей жизни, проявляется большой интерес и усиливается тяготение к России. Даже на фоне нынешнего кризиса.

Не исключено, что именно на фоне кризиса Россия для многих становится страной более перспективной, чем Франция. Главная задача людей, живущих на Западе, – сохранить те условия жизненного комфорта, которых они уже достигли. Самая первая для них идея – это защитить достигнутое благополучие. В связи с этим у молодых теряется смысл развития и желание покорения чего-то... Но молодые хотят идти вперёд. Россия в этом смысле видится им весьма перспективной страной.

У меня есть и такой замечательный пример, который говорит о том, что Россия привлекает не только русских, живущих вне неё. Я знаком с семьёй чистокровных французов, у которых нет ничего русского. Он окончил «Эколь политеchnik» – это школа высшего статуса во Франции, самый престижный вуз страны, выпускники которого легко находят работу. Его жена – экономист и специалист по России. Она немножко говорила по-русски, а он – совсем нет. Какие-то перспективы на родине их не очень устраивали, и они решили ехать в Россию. С тремя детьми они уехали в Москву, не имея заранее никаких контрактов. Уже больше года живут в Москве. Он успел прилично выучить язык и один раз переменял работу на лучший вариант. Дети стали свободно говорить по-русски. Одна дочь – чемпион по фехтованию, другая – по плаванию... И он считает, что для семьи перспективы находятся в России. Конечно, о какой-либо тенденции говорить пока рано, но если посмотреть на этот пример

исторически, то часто бывало, что иностранцы находили свою судьбу в России. Когда-то греки, если вспомнить о моих предках...

Полагаю, что в итоге нынешний кризис может иметь определённое положительное значение, так как это проявление Божьего промысла, который мы должны услышать и понять, что жили не совсем правильно. Может быть, имеет смысл задуматься над тем, что кризис – это результат искажённой ментальности людей и в основе своей он явился следствием дехристианизации евроатлантической цивилизации. Конечно, Россия тоже пострадает от кризиса, но, учитывая её духовный потенциал, я надеюсь, что у неё будет возможность раньше других стать на ноги.

– Сергей Алексеевич, какие, по Вашему мнению, объединительные начала действуют сейчас в среде русских во Франции?

– Считаю необходимым отдать должное Александру Алексеевичу Авдееву, который с 2002 по 2008 год, до назначения его министром культуры, был Чрезвычайным и Полномочным Послом России во Франции. Он сумел создать в Париже тёплый климат доверия, понимания и надежды между теперешней Россией и потомками эмиграции. Многие из нас помогали ему в этом направлении. Но именно А. А. Авдеев сыграл ключевую роль в этот период, чтобы исполнить наш долг свидетельства.

Мы ожидаем, что дальнейшее время будет для нас временем сближения с нашей исторической родиной. Надеемся также, что и в России больше узнают о Русском мире во Франции.

Иван Чарота,
доктор филологических наук, профессор,
академик Сербской Академии науки и искусств
(Минск, Беларусь)

Славянство в глобализационно изменившемся мире

О проблемах славянской общности мне доводится многократно говорить и писать [1] не столько по долгу службы, сколько по велению души, что, конечно же, исключает равнодушие. Соответственно, и сейчас не будем обходить болевые точки.

Увы, мы уже давно перестали адекватно реагировать на то, что должно бы называться «расславнянием» или «деславянизацией», меняющей наше духовное состояние и самосознание. Что же касается внешних факторов, то их очень ёмко и метко обозначил доктор Сречко Джукич, бывший Чрезвычайный и Полномочный Посол Сербии в Республике Беларусь: «Мир, в котором мы сегодня живем, напоминает известное из Библии Вавилонское столпотворение. После всемирного потопа люди пытаются возвести Вавилонскую башню высотой до небес. Дерзость Господь наказывает, и строительство приносит несчастье. Строители говорят на разных языках. Причем это еще не самое страшное: они совершенно не понимают друг друга, практически лишены общего языка. Но и это еще не все. Результатом деятельности возгордившихся жителей Вавилона, строителей глобального мира, стали беспорядок, нераз-

бериха, суматоха, суета, эгоизм, неуважение друг к другу, допустимость любых средств, оправдывающих цель. И все это как бумеранг к ним возвращается в становящемся все уже и уже, взаимозависимом мире» [2].

Да, многое предопределено геополитикой. Хотя вряд ли кто сможет убедительно доказать, что глобальные геополитические процессы развиваются на основе предвидимых и предсказуемых закономерностей. Опыт даже одного моего поколения убедительно показывает, что очень многое из предполагавшегося в итоге реализации оказывалось иным. Причем и современники, и потомки оценивают конкретные результаты более всего по казусам-неожиданностям да коллизиям, которые объясняются, как правило, просчетами идеологов, теоретиков. Такова, подчеркнем, парадоксальность не только истории, но и ее восприятия нами. Понятно, обобщать – значит упрощать. Поэтому в данном случае, без особых претензий на обобщения, попытаемся осмыслить якобы очевидный «сумрак» и полный «закат» славянства.

Такое видение, впрочем, интересно соотнести с видением, ранее замеченным,

а к тому же не менее значимым для мировой истории и геополитики, равно как и не менее впечатляющим в плане восприятия – «сумраком» и «закатом» Европы. Они только на первый взгляд несопоставимы.

Так, ведя речь о славянстве, следовало бы с должным вниманием отнестись к тому, что историческая судьба его – феномен поразительный и провиденциально-поучительный в разных отношениях. Ведь не случайно же славяне более тысячелетия назад получили возможность сложиться и утвердиться (через свою – самую совершенную в мире! – азбуку, свой – получивший статус равносвященного! – язык, свою письменность, интенсивно и плодотворно развивавшуюся словесность, духовную и материальную культуру...) как особый (супер)этнос, как отдельный народ Божий. Вряд ли случайностью можно считать и то, что, несмотря на все возникавшие впоследствии разделения, неистребимой оказывалась память о родстве, что идея славянской общности и единства была полицентричной. Не стоит забывать, что именно ею стимулировались процессы национального возрождения славян западных и южных. Равно как и то, что неоднократно славяне проявляли способность консолидироваться при внешних угрозах и убедительно демонстрировали силу своей общности в противостоянии завоевателям. При всем этом, увы, немного в мире генетически близких народов, которые бы противоборствовали между собой так, как славяне.

Выяснение всех предпосылок межславянских споров и раздоров в разные времена является делом весьма сложным и тоже спорным, по определению. Вместе с тем бесспорно, что самая важная и определяющая причина – раскол Христианства. Хотя, конечно же, идилических отношений между славянскими племенами не было и в эпоху дохристианскую; а после разделения Церкви для славян оппозиция «Восток – Запад» обуславливалась отнюдь не только вероисповедными определениями, что с особой убедительностью показали судьбоносные

для мира события новейшей, атеистической, эпохи, когда при глобальных испытаниях-искушениях славянский мир непременно оказывается втянутым не только во внешние раздоры, но и в междоусобицы, столкновения братоубийственные. Таков опыт прошедших мировых войн; подобное же наблюдается и при катаклизмах конца XX – начала XXI веков. Потому в обращение вошло понятие «славянская невзаимность», наполняющееся все новым и новым содержанием. И потому у идеи славянского единения как никогда увеличивается число противников и уменьшается число сторонников. А при поиске ответа на неизбежный вопрос, какой вывод из этого следует, и одни, и другие (сторонники и противники) всегда оказываются перед соблазном подытожить: «Зло не от нас, а от них». Основания так считать видят за собой прежде всего сторонники единства, которые правы уже потому, что разделение – это зло, а единение – благо; в принципе. Но свои резоны имеют и оппоненты их, подчиняющиеся «духу времени», ориентирующиеся на прагматизм в решении актуальных проблем и отвергающие формулы типа: «Един славянский мир, хотя и много славянских государств; един славянский народ, хотя и много выделившихся из него национальностей; един славянский язык, хотя и много наречий, ставших самостоятельными языками; едина славянская цивилизация, хотя и умножились ею предопределенные культуры». Впрочем, нужно согласиться, что множественность и многообразие составных частей вовсе не обеспечивает целостности, а тем более действенного единства суперэтноса, который разделен почти тысячелетие назад, под влиянием дезинтеграционных факторов, интенсивно эволюционирующих последние два столетия. Не говоря уже о нашем времени, когда политика подавляющего большинства стран, в которых титульными нациями являются славяне, имеет целью утверждение в идеализированной «европейскости», отвергая все, что давала, дает и может дать славянская общность, а то и вообще игно-

рируя славянскость. И когда в самих этих странах едва ли не ругательным стало понятие «славянофильство» – славянолюбие, т.е. родолюбие и братолюбие. Необычайно ёмкую и яркую иллюстрацию всего это можно было увидеть на Евровидении: «братушка», представитель Болгарии, в Брюсселе плакал от радости, что его страна принята в НАТО и отныне будет вместе с Турцией, которая болгарский народ пять столетий угнетала, т.е. будет противостоять России, которая от турецкого ига освободила...

Как бы то ни было, реальная перспектива единения предопределяется интересами всех составляющих славянство народов, а именно – наличием/отсутствием интересов неэгоистичных, неразновекторных. А чего следует ожидать, глядя трезво на то, что почти все славянские государственные образования, безосновательно претендуя на роль самостоятельных субъектов мировой политики, становятся лишь объектами ее? (Достаточно указать на ситуацию Черногории или Украины)

Если же оценивать объективно, не забывая о глобализации, то славянский мир ныне – это полтора десятка государств, свыше 300 миллионов населения, едва ли не шестая часть территории земного шара – причем с исключительно богатыми ресурсами... Да это же огромнейшая сила, способная выстоять при самых серьезных катаклизмах! Но такое возможно только при условии сохраняющегося единства и учета, что это единство поддерживается и обеспечивается Россией. Реальные же перспективы игнорирующих общность славянских народов, особенно меньших, вряд ли в том, чтобы стать «позитивными творцами истории». Скорее в том, чтобы ассимилироваться, став материалом («навозом истории Европы») для обогащения иных культур и цивилизаций при глобальной «вестернизации», а точнее – американизации.

Между тем, всякая акция вызывает реакцию. Потому есть основания говорить о перспективах международного славянского движения. Правда, насколько оно способно

«умирить мир и спасти души наша» (из тропаря свсв. Кириллу и Мефодию), т.е. продолжить дело учителей словенских, покажет будущее.

Обсуждать же то, что имеем, вряд ли можно без обобщенного, пусть схематичного, взгляда на конкретно-историческое содержание идеи единства славян и ее реализации в разные времена, вплоть до нынешних. Для этого, разумеется, нужна если не основательная систематизация, то хотя бы относительно выверенная фиксация определенных этапов формирования и существования славянской общности. На основательность и полноценную системность в рамках жанра данной публикации мы не претендуем. Однако зафиксировать основные закономерности интересующих нас процессов все-таки нужно и можно. И вот как все это допустимо, на наш взгляд, представить.

IX – XII века: Благодаря равноапостольным Кириллу и Мефодию, а затем их ученикам, выделяется общность – славяне как отдельный народ Божий – с отчетливой идентификацией через свой язык, со временем признанный равносвещенным, и через принятую от Византии веру христианскую.

XII – первая половина XIX вв.: Складываются восточно-, южно- и западно-славянская субобщности; хотя на протяжении веков не теряет смысла категория «славянская общность», и в частности, по отношению к славянам православного вероисповедания, – «общая книжность», поскольку в обиходе находился фактически один и тот же фонд богослужебных, агиографических, духовно-просветительских текстов, да кроме того осуществлялись взаимовлияния, весьма важные и для становления светской литературы; однако со временем церковнославянский язык, оставаясь единым языком письменности лишь для части славян, обретает варианты/редакции, приближающие его к живым наречиям, со временем оформляющиеся в самостоятельные языки; конец указанного периода для большинства славянских народов означает национальное возрождение, в котором идея общности

играет явно положительную роль; кстати, на протяжении веков имеют место неоднократные попытки создать новый общеславянский язык; однако чем дальше, тем все резче проявляется оппозиция «Восток – Запад».

Середина XIX – середина XX вв.: Активно идет процесс формирования славянских наций; осуществляется окончательная кодификация самостоятельных национальных языков и утверждение их с полнозначными функциями во всех сферах вне Церкви; особо значимо, что происходит восстановление или учреждение государственности славянских народов, точнее – создание трех федеративных государств, основу которых составляли славяне: СССР, Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев (Югославия); хотя по-прежнему отношение к славянскому единству существенно корректируется отношением к «Западу» или «Востоку».

Вторая половина XX века: Все славяне оказываются в социалистическом лагере, и «лагерная» общность в известном смысле имеет значение суперэтнической; выполнявший изначально интеграционную функцию церковнославянский язык загнан, что называется, под спуд окончательно, причем для его оживления или обновления постепенно исчезают все предпосылки; языком межславянского общения (да и, как правило, языком-посредником в осуществлении разного рода литературных контактов) становится русский; к тому же русистика обретает весьма значимый международный статус, что в известной степени влияет также на развитие славистики в целом, а значит, и на утверждение славян среди остальных народов мира.

Конец XX – начало XXI вв.: «Лагерь» полностью развален; церковнославянский язык удерживается только в функции сакральной, имеющей, собственно, значение всего лишь для части от части славянства, т. е. для сохранивших веру православных, и даже у них, несмотря на последовавшее возрождение Церкви, оказывается под нажимом секуля-

ризованного общественного сознания, которое практически игнорирует «устаревшую церковнославянщину»; одновременно и русский язык в роли средства межнационального (в том числе и межславянского) общения игнорируется; историческое содержание идеи славянского единства подвергается основательной ревизии, да и вообще родство славян начинает отрицаться – пусть, мол, каждый славянский народ своим ходом, при отдельности и самодостаточности, направляется в очередной рай на земле.

Всем хочется в рай, да... как известно, грехи не пускают.

Принимая во внимание весь комплекс условий, которыми так или иначе предопределялось развитие культур славянских народов при социализме, нельзя не отметить, что в этот период славяне имели представление друг о друге пусть и неполное, и не всегда адекватное, однако все же более основательное, нежели о народах иных. Объективности ради мы, естественно, не должны забывать, что связи эти, как правило, осуществлялись в соответствии с директивами сверху, подчиняясь «лагерным» установкам. Тем не менее. При этом практически все славянские культуры были действительно включены во вполне масштабный контекст так называемого социалистического содружества, утверждаясь не только в нем, но и за его пределами. Достаточно вспомнить о литературах народов СССР, славянских в том числе, которые обретали международный статус прежде всего благодаря переводам на русский язык, выполнявшим роль посредников, весьма способствующим распространению и признанию. Разумеется, хватало поводов к происходившему относиться критически и по многим поводам сетовать. Но что мы имеем после того, как упомянутая система действовать перестала? Плачевные результаты.

Конечно, если не на объективную востребованность, то на временный интерес к конкретному изданию можно влиять. Что, собственно, и делается. Но каким образом? Во-первых, литература и литераторы ока-

зываются задействованными в актуальной политике ничуть не менее, чем в социалистическую эпоху, только поощряется активность противоположной направленности – якобы для разоблачения, обличения тоталитаризма или, точнее, «русского гегемонизма». Во-вторых, целенаправленно и упорно отвергаются духовно-нравственные идеалы, которые сформированы всей предшествующей историей наших народов и христианской цивилизацией, а литература начинает служить не чему иному, как «раскрепощению», т. е. культивированию вседозволенности – привлекательной, особенно для молодежи, поскольку снимает все табу. И, в-третьих, чем дальше, тем больше размывается прежде всего традиционная шкала ценностей эстетических вследствие навязывания «постмодернизма» как самой универсальной ценности и высшего ориентира. При обобщенном взгляде, конечно же, всегда существует опасность представить картину реальности в тонах либо излишне темных, либо слишком светлых. Потому нам важно избегать крайностей, особенно сознательных искажений. Однако не меньшая опасность – в упор не замечать явно негативных тенденций, да и вообще коллизий, с которыми довелось столкнуться. И нельзя пройти мимо еще некоторых моментов, обусловленных включением в «новый европейский контекст». Так, обращает на себя внимание то, что в публицистике постсоциалистических стран особо распространенными становятся характеристики типа «литература/культура европейского склада», «писатель/художник европейских взглядов»... И служат они, увы, не для утверждения более высокого идейно-эстетического уровня, а для фиксирования и стимулирования «прогрессивности» как специфической адаптивности в новых геополитических условиях. Рискую быть обвиненным в излишней подозрительности или мнительности, все же уточню: так или иначе, а это способствует увеличению числа писателей, ради соответствующего «имиджа» оправдывающих, скажем, агрессию НАТО против Югославии. В связи с этим возника-

ет вопрос, почему особо выделяются именно писатели? А хотя бы потому, что за писателями в славянских странах как-никак все еще сохраняются роли, позволяющие влиять на общественное сознание – в том числе и на отношение к войнам в Афганистане, Югославии, Ираке, Сирии, Украине...

Исподволь меняется культурное самосознание в целом. Что совершенно очевидно проявляется уже и в сфере просвещения, образования. У белорусов, конкретно, все очевиднее тенденция утверждаться в отвлеченной идеализированной европейскости, игнорируя славянскость, да и русскость тоже.

Вследствие этого – хотя причинно-следственные связи здесь неоднозначны, – симптоматично, что даже в самих славянских странах славяноведение перестало относиться к приоритетным отраслям науки, а соответственно и к престижным сферам деятельности.

Собственно, это коллизии не только нашего времени. Правда, сейчас они имеют некоторую специфическую актуализацию и потому дают больше пищи для размышлений. Прежде всего о том, что мощный продолжительный шум по поводу «железного занавеса» сильно оглушил нас, и мы перестали адекватно реагировать на другие шумовые эффекты, равно как и на устанавливаемые сейчас иные «занавесы», утратили способность различать реальное и иллюзорное, бытийно важное и никчемное. От такого впечатления трудно избавиться в связи с явно надуманной альтернативой: дескать, либо губительная замкнутость – либо живительная открытость. Все обстоит, мягко говоря, несколько иначе. В наше время уже никакой внутренний консерватизм не способен изолировать развитие культуры от внешних влияний, а тем более законсервировать. И вряд ли кто-то на здоровую голову всерьез может подобное замышлять, а тем более браться осуществлять. Иное дело, что отношение к открытости следует изначально выверять здоровой опять-таки головой, не пренебрегая осмотрительностью: быть открытыми для импульсов, творчески цен-

ных, здоровых, созидательных, или заведомо вредных, аномальных, разрушительных. А предлагаемая нам открытость почему-то подразумевает безответственность, к тому же неременную подчиненность той интеграции, цели и задачи которой определяются в общем-то без нашего участия. Ясно, сами виноваты. И это наше состояние четко обрисовал в свое время известный словацкий писатель Ян Тужинский: «Демонстрируя разьединенность, не гнушаясь взаимным клеветничеством, мы рвемся в союз с абсолютно неясной программой, словно страшая опоздать, хотя знать не знаем (и такое чувство, что никто в Европейском Союзе этого не знает), куда примчит нас этот разогнавшийся поезд» [4]. Но ведь многим и моим браткам-белорусам очень хочется считать себя европейцами, причем равными среди равных, хотя и не разобрались еще, смеют ли; поскольку им лишь предоставляется условная возможность европейцами стать – при условии, что те, от кого все зависит, не откажутся от этого намерения, а белорусы будут покоряться их воле.

Приемлем ли такой вариант «прогресса»? На этот вопрос даются разные ответы. Но вектор поиска разумного решения, пожалуй, вот каков: уважая особенности, свойственные каждому народу Божьему, ценя богатство разнообразия европейских культур и при этом отвергая изоляционизм в принципе, стремиться к тому, чтобы славянские культуры – и каждая сама по себе, и в сохраняемой общности – основывали свое дальнейшее развитие на тесных и стимулятивных взаимодействиях с культурами всего мира, и Европы, всей в первую очередь.

А вот тут-то и находится камень преткновения, он же пробный камень. Ведь мы должны со всей серьезностью оценить реальное состояние и перспективы сближения или расхождения развития культур славянских по отношению к западноевропейским. Кстати, весьма основательно и проницательно этот вопрос разбирал двадцать пять лет назад известный сербский славист Миодраг Сибинович [5]. Обратим внимание на факто-

ры, которые он считает, вполне обоснованно, способствующими сближению.

– Традиционное стремление сравниваться с западно-европейцами, особенно начиная с эпохи Просветительства.

– Отказ от марксистско-коммунистической доктрины, что как бы само по себе отождествляется с выходом на пути общественного развития народов Западной Европы.

– То, что в рамках славянского культурного ареала имеются культуры, которые, через католицизм и протестантизм, уже много веков были передатчиками интенсивных влияний культуры западноевропейской, прежде всего романской и германской, а в новейшее время и англосаксонской.

– Благоприятствующими конвергенции являются также результаты большой и разноплановой активности славянской эмиграции, выдающиеся представители которой способствовали признанию славянских духовных ценностей в Западной Европе и в то же время актуализировали для славянских народов опыт европейской духовной жизни.

– Миграционные процессы последнего времени заметно меняют структуру общества западноевропейских стран, прежде мононациональных и мономодельных с точки зрения цивилизационно-культурного развития, предполагая если не синтез, то определенный конгломерат.

Очевидно, между тем, что события последнего времени усилили и обострили предпосылки дивергентного развития, которые профессор Сибинович тоже учитывает. А именно:

– Нестыкуемость основных тенденций: Европа декларирует интеграцию и политическую, и экономическую, и оборонную, и культурную, а при этом существовавшие интеграционные структуры (такие, как СЭВ, Варшавский договор, и государства СССР, СФРЮ, ЧССР) ликвидированы – т. е. наблюдается процесс противоположного характера.

– Налицо отчетливая тенденция возврата к религии, что не согласуется с устремлениями секуляризованных стран Запада.

– В связи с этим вполне вероятно возобновление конфронтаций (христианство – мусульманство, а также и внутри христианства: католицизм – православие).

– У славян значительно более, нежели у народов ведущих европейских стран, жива и действенна еще фольклорная традиция. (Уместно, думается, добавить также, что культуры славян в целом менее подвержены влиянию урбанизации).

Обобщения здесь рискованны. А потому, с максимально возможной конкретностью рассматривая, насколько значимы и действенны упомянутые факторы, якобы способствующие интеграции/конвергенции с Европой, по отношению к белорусам, всего лишь отметим: нынешняя ситуация вовсе не располагает к розовым надеждам.

Такова реальность европейской интеграции в плане геополитическом. Наблюдаемые ныне процессы запрограммированы на нивелирование (бело) русской культуры, влекущее за собою очередной этап космополитизации, результатом которого вполне может быть разрушение как раз всего того, что пока еще подпитывает этно-духовно-культурное самосознание славянских народов.

Оценивая все проявления «перестроечных» процессов в СССР, Европе и мире, опять же хотелось бы отметить, что они создали предпосылки для актуализации идеи общности славян. Не случайно был вызван к жизни Международный Славянский Комитет с национальными подразделениями, стали проводиться Всеславянские съезды, действовать Фонды славянской письменности и культуры в ряде стран, учреждена Международная Славянская Академия, сделаны попытки создать Славянский Межпарламентский Союз, Международную Ассоциацию славянских вузов, а также Союз славянских писателей... Показательно, что славянскость выразительно декларируется и активно утверждается в условиях конфронтаций, связанных с национально-государственной идентификацией – скажем, в Республике Молдова, где, кроме филиалов

упомянутых выше структур, имеются Славянский университет, Международная Славянская академия образования им. Я. Коменского (Тирасполь), созывался Славянский педагогический собор и т. д. Идея славянской общности и взаимности стала также определяющей в программах ряда партий, общественных движений – например, Всеславянский Собор, Славянский союз России, фонд «Славянское единство» в России, Славянский Собор «Белая Русь» в Беларуси, да и Союз славянских партий и Славянский народно-патриотический Союз в Украине. Правда, нельзя не заметить, что статус международных организаций этого рода на соответствующем уровне оставляет желать большего. Политики и соответствующие партии славянских стран оказались так или иначе вынужденными действовать в соответствии с «генеральной линией» глобализационных процессов, ибо только так могут рассчитывать на признание и условную поддержку со стороны «мирового сообщества». Как обнаружилось на примерах Украины или Черногории, от них в общем-то ничего или почти ничего не зависит. Представители же интеллектуально-культурной сферы, особенно писатели, имеют еще все-таки возможность сохранять независимость позиций и честно освещать происходящее, таким образом влияя на отношение к нему общества своей страны и международной общественности. Если не отказывается от имеющихся возможностей влиять. Но сказывается также индифферентность, обусловленная не только результатами «промывки мозгов» (дескать, «европейский выбор» для нас оправдан как самоценный) и скепсисом (все же, мол, идея единства славян – романтическая по своей природе), но также и реальным негативным опытом, в результате которого здравый смысл ставит вопрос, для кого, с кем и каким образом нынче может осуществляться единение. А какой еще, собственно, может быть реакция тех, кого вдруг, без подготовки, вовлекли в игры с «геополитической виртуальностью»? Но тем приятнее констатировать, что в среде белорусских писателей

родилась идея Международного Форума «Послы славянства», и в Минске 4 сентября 2000 года он был создан [6], а также Союза писателей Союзного государства. К сожалению, у нас деятельность упомянутого Форума дала мало результатов. Хотя очень отраднo, что сама идея не забыта, и пару лет в Минске проводился «круглый стол» славянских писателей. А вот словацкие коллеги проводили весьма серьезные конференции, на основе материалов которых выпускали содержательные сборники [7].

Дела большой политики, конечно, идут своим чередом. Но лучшая часть славянской интеллигенции все-таки выражает стремление преодолеть опаснейший синдром безответственности по отношению к прошлому, будущему, а главное – настоящему. И свидетельство этого – наш форум. Мы все-таки должны осмыслить как следует соотношение национального, общеславянского, европейского и мирового. Ведь осознаем, что способны разобраться, что имеем и чего следует ожидать, что определенно утрачиваем и что, пусть и не очень определенно, обрести надеемся... Понимаем, что нужно пробуждать память и здоровое самосознание, избавляться от навязываемого комплекса неполноценности. И есть у нас основания считать такую задачу не только выполнимой, но и в меру возможностей выполняемой. Несмотря на то, что по всему горизонту сплошь измудрствованные лукаво и вырисованные привлекательно альтернативы,

а мы-то перед выбором вполне простым: служить Слову-Спасителю или Искусителю, трудиться во славу Творца или во имя тельца, идола нового мирового порядка.

Да, не вчера такой выбор нам предложен и не завтра он исчезнет. А сегодня мы, увы, констатируем, что в лето 7620 (2018 от Р.Х.), новый летописец (знатный и незнатный) не может записать так, как автор «Повести временных лет» восемь с лишним веков назад: «В лето 6406(894). Был единым народ славянский: словене, сидевшие по Дунаю, которых покорили угры, и моравы, и чехи, и ляхи, и поляне, которые ныне называются Русью...».

Мы неизбежно задаем себе вопросы:

Неужели в будущем не будет больше певцов «Дочери Славы», страны «Славии», «Всеславии», между прочим, неоднократно воспевавшейся – например, в произведениях М. Орбини, Я. Колара, С. С. Краньевича, П. Деметера, Л. Штура?

И нечего ждать, что появятся преемники у моего земляка Петра Кречевского, переводившего на белорусский язык словацкий и чешский гимны, а также слагавшего гимны общеславянские?

И у наших потомков не возникнет желания написать такую книгу, как «Вече славянских баллад» моего современника белоруса Янки Сипакова?

На эти вопросы у большинства из нас, пожалуй, нет ответа. А Тот, у Кого ответ есть, хранит молчание. Либо мы не слышим голоса свыше.

Литература

1. См., например: Ідэя агульнасці славян і Беларушчына // Беларуская думка. 1998, № 3. С. 117-125 и № 4. С. 53-60; Идея единства славян: Историческое содержание и коллизийность // Святая Русь. 2000. № 3. С. 12-19. Единство славян: белорусский взгляд // Всемирная литература. 2001. № 1. С. 77-89; Об Отечестве, Европе и глобализации. Рефлексии белоруса // Всемирная литература. 2002. № 11/12. С. 151-166; О национальном, государственном и святом // Новая книга России. 2001. № 5. С. 2-6; О Европи, Белорусији и Србији // Књижевне новине. 2001, 1-15 јул. Бр. 1037. С. 14-15; O vlasti, Európe a globalizácii (Reflexie Bielorusa) / Preložila Dagmar Kovářová// Vichor globalizácie. Bratislava: Jamex, 2002.S. 5-26; Slovanská literárna vzájomnosť – minulosť bez budúcnosti? / Preložila doc. PhDr. Natália

Kysel'ová, Csc // Evrópska únia – nádeje a pochybnosti (Slovensko – Evropa – svet). Bratislava: CCW, 2004. S.5-21; Славянство: пути и перепутья // Всемирная литература. 2005. № 5. С. 182-184; K otázke literárnych vzájomných vzťahov malých slovanských národov (Bielorusov a Slovákov – ako príklad) v podmienkach globalizačnej multikultúrnosti / Preložila doc. PhDr. Natália Kysel'ová, Csc // Multikulturalismus – nádeje a pochybnosti (Slovensko – Evropa – svet). Bratislava: CCW, 2006. S.5-15; О «закате» славянства... Без рассвета? // Всемирная литература. 2007. № 6. С. 186-191; Россия и славянство. – Ословесить жизнь нашу // Православное книжное обозрение (Москва). 2012. № 5(18). С. 94-99; То реальное, что препятствует идеальному: Дерусификация самосознания белорусов и перспективы союза Беларуси с Россией // Возвращение. Духовно-просветительский альманах. Выпуск 1. 2016. – Белгород-Губкин – Ракитное: Духовно-просветительский центр имени архимандрита Серафима (Тяпочкина). С. 43-59.

2. Джукич С. О незабываемом. Раздумья. Мн.: Тонпик, 2006. С. 125.

3. Červeňák A. Kultúra v období integrácie a globalizácie // Vichor globalizácie. Bratislava: Jamex, 2002. S. 31.

4. Тужинский Я. Третье тысячелетие – призыв к славянской взаимности! // Всемирная литература. 2001. № 1. С. 119.

5. См.: Сибиновић М. Конвергентан или дивергентан развој словенских култура са европском на прагу XX века // Словенски импулси у српској књижевности и култури. Београд, 1995. С. 9-13.

6. См.: Всемирная литература. 2001. № 1.

7. Например: Vichor globalizácie (Slovensko – Evropa – svet). Bratislava: Jamex, 2002; Labyrynt sveta a Slovakia (Slovensko – Evropa – svet). Bratislava: CCW, 2003; Evrópska únia – nádeje a pochybnosti (Slovensko – Evropa – svet). Bratislava: CCW, 2004; Bytie a čas (kultúry) (Slovensko – Evropa – svet). Bratislava: CCW, 2005; Multikulturalismus – nádeje a pochybnosti (Slovensko – Evropa – svet). Bratislava: CCW, 2006.

26 мая 2018 г. Ракитное и Белгород по приглашению регионального Центра собирания русского опыта посетил Валентин Юрьевич Катасонов.

Он выступил перед студентами Института экономики Бел ГУ на тему «Текущее положение экономики в России и в мире», а также посетил Свято-Никольский храм п.Ракитное, могилку старца Серафима и в день Святой Троицы принял участие в праздничном богослужении.

Валентин Катасонов, доктор экономических наук, профессор кафедры международных финансов МГИМО (У) МИД России, член-корреспондент Академии экономических наук и предпринимательства, с января 2012 года возглавляет Русское экономическое общество им. С. Ф. Шарапова. Лауреат премии Международного конкурса деловой журналистики «Pressзвание» (2014), лауреат ряда литературных и журналистских премий. Главный редактор печатного органа РЭО – журнала «Наше дело». Постоянный автор информационного ресурса Global Research (Canada) и других зарубежных электронных изданий

Глобальный геноцид в «научной» упаковке. К юбилею Римского клуба

Римский клуб празднует свой полувековой юбилей. Что это за организация и каковы ее цели?

В первой половине 1970-х годов я учился в аспирантуре. И с учетом выбранной темы диссертации (экономические проблемы охраны окружающей среды в США) изучал наиболее важные зарубежные источники. Хотя и существовал «железный занавес», но в СССР попадали очень интересные зарубежные публикации. Одна из них – доклад Римского клуба «Пределы роста», вышедший в 1972 году на английском языке.

Я тогда прочитал и перечитал этот доклад. Примечательно, что в Советском Союзе представители академических кругов

тогда очень активно обсуждали его. Так произошло мое знакомство с первым докладом Римского клуба. А заодно и с самим Римским клубом. На тему этой организации в СССР выходили достаточно интересные и объективные публикации.

Я вспомнил о Римском клубе в связи с тем, что в этом году исполнилось полвека со дня рождения этой организации. В учебниках и энциклопедиях пишут, что рождение произошло в Риме (отсюда и название клуба) 6-7 апреля 1968 года.

Должен сказать, что в конце 60-х гг. происходило много событий, которые подготавливали переход мира на новые рельсы. И учреждение Римского клуба – одно из них.

Во второй половине 1960-х гг. четко обозначились признаки кризиса сложившегося после Второй мировой войны мирового экономического порядка. Этот порядок в значительной мере был заложен еще в 1944 году на международной валютно-финансовой конференции в Бреттон-Вудсе (США). Суть тогдашнего порядка – в золотодолларовом стандарте, привязке денежной эмиссии и денежного обращения к золотому запасу американского казначейства, в стабильности валютных курсов национальных денежных единиц.

Опуская детали, скажу, что этот стандарт уже сдерживал мировое экономическое развитие. «Хозяева денег» (главные акционеры Федеральной резервной системы США) уже тяготились золотым стандартом (хотя он и существовал в усеченном виде). Шла подготовка к отмене этого стандарта, т.е., образно выражаясь, к снятию «золотого тормоза» с печатного станка ФРС США. «Хозяева денег» готовили революцию, в результате которой они, наконец, реализуют многовековую мечту алхимиков. Правда, те мечтали получать золото из железа. А современные «хозяева денег» рассчитывали получать реальные богатства (в том числе и желтый металл) из воздуха.

Для того чтобы этот механизм эффективно работал, надо было обеспечить одно условие: ликвидировать присутствие государства в экономике, отменить многие законы (например, антимонопольные), добиться того, чтобы все продавалось и покупалось. А также ликвидировать любые барьеры для движения денег, которые веками воздвигались государствами. В этом случае с помощью печатного станка ФРС можно было бы купить весь мир. И тогда «хозяева денег» торжественно объявили бы о том, что отныне они – «хозяева мира».

Переход к новому валютному стандарту произошел в 1976 году, когда была проведена Ямайская международная конференция, на которой был отменен золотодолларовый стандарт и заменен на бумажно-долларовый. К этому времени «хозяева денег» уже

провели большую подготовительную работу по насаждению во всем мире идеологии экономического либерализма (свободный рынок, приватизация государственной собственности, дерегулирование экономики, сворачивание социальных функций государства и т.д.).

Создание Римского клуба в 1968 году также было подготовкой к новому мировому порядку. Прежде всего, клуб нужен был для «научного» обоснования глобализации, которая открывала для хозяев печатного станка ФРС США возможности скупать активы всего мира.

Но вернемся в 60-е годы прошлого века. Создание Римского клуба предварялось закрытой встречей в 1965 году в поместье американского миллиардера Дэвида Рокфеллера в Белладжии (Италия) двух десятков «интеллектуалов» (писателей и ученых) из разных стран. Позднее эту встречу назвали конференцией «Условия мирового порядка». Видимо, хозяин поместья сумел убедить «интеллектуалов», что они смогут сыграть немалую роль в формировании будущего мирового порядка.

После этой «репетиции» в 1968 году произошла официальная встреча с участием 75 «интеллектуалов» в Риме, на которой было торжественно объявлено об учреждении Римского клуба (видимо, название организации определялось местом встречи). Все справочники и энциклопедии сообщают нам имена двух учредителей, отцов-основателей Римского клуба. Первый из них – Александр Кинг, генеральный директор по вопросам науки ОЭСР. Второй – крупный итальянский ученый, менеджер и общественный деятель Аурелио Печчеи (1908-1984), имевший тесные отношения с корпорациями Оливетти и Фиат. Он там занимал должности в высшем менеджменте.

А. Печчеи был президентом клуба в период 1969-1984 гг., А. Кинг – в 1984-1990 гг. Вместе с тем эксперты, глубоко изучавшие историю и деятельность Римского клуба, отмечают, что они были номинальными учредителями. Кинг был своего рода «свадебным генералом», а Печчеи выступил

в роли все того же менеджера. Реальные учредители остались в тени. Кто они?

Истинным учредителем этой организации выступил Дэвид Рокфеллер, американский миллиардер, банкир, политический деятель, филантроп. Тот самый, на итальянской вилле которого проходила неофициальная встреча небольшой группы «интеллектуалов» в 1965 году. Тот самый внук знаменитого Джона Рокфеллера, нефтепромышленника, основателя клана Рокфеллеров, первого долларового миллиардера.

Тот самый, кто в 1955 году объединил свои банковские активы и создал один из крупнейших в мире банков под названием Chase Manhattan Bank. Тот самый, кто был главой дома Рокфеллеров в период 2004-2017 гг. Тот самый, кто на момент проведения учредительной встречи в Риме в 1968 году уже активно участвовал в работе таких влиятельных организаций, как Совет по международным отношениям и Бильдербергский клуб. Тот самый, кто в марте прошлого года ушел из жизни на 102-м году.

Можно сказать, что самыми крупными в жизни этого миллиардера были два проекта – транснациональный банк Chase Manhattan Bank и Римский клуб. Но о том, что истинными учредителями Римского клуба были не Печчеи и Кинг, а Дэвид Рокфеллер, многие, даже слышавшие и читавшие об этом клубе, узнали лишь после смерти миллиардера.

Римский клуб многим представлялся и до сих пор представляется как достаточно открытая международная организация, занимающаяся вопросами прогнозирования социально-экономических и демографических процессов в мире. Как некая площадка, на которой собираются чудаки-«интеллектуалы» и обсуждают вопросы отдаленного будущего. Мол, Римский клуб далек от политики, это чисто исследовательская организация, еще один «мозговой центр» (think tank), коих в мире насчитывается несколько тысяч.

Почти все известные «мозговые центры» приписаны к тем или иным государствам,

они вырабатывают рекомендации для своих правительств. А вот Римский клуб – организация международная, она не имеет национальных пристрастий. Как следует из ее учредительных документов, она озабочена судьбами всего человечества. Внешне все выглядит так, что исследования Римского клуба адресованы правительствам всех стран мира. Мол, бенефициарами деятельности этой международной организации в конечном счете являются все люди на нашей планете. Но фактически главным бенефициаром был клан Ротшильдов. В какой-то мере – все «хозяева денег» (главные акционеры ФРС США).

«Хозяева денег» всегда хотели и хотят стать «хозяевами мира». Для этого надо купить с помощью продукции печатного станка все, что есть на планете. Созданные человечеством активы, созданные Богом природные ресурсы и, в конечном счете, самого человека. Но, оказывается, «хозяева денег» крайне обеспокоены тем, что многие природные ресурсы на планете могут истощиться в результате того, что в мире слишком много людей, причем численность населения на планете продолжает расти. Алчность «хозяев денег» заставляет их думать о том, как снизить нагрузку на природные ресурсы Земли, но не ради блага людей, а ради того, чтобы «хозяевам денег» досталось как можно больше. И Римский клуб должен подготовить «рекомендации» по этой части.

Уже в 1971 году профессор Массачусетского технологического института (МТИ) Дж. Форрестер подготовил доклад под названием «Мировая динамика», который дал толчок серии подобных докладов в рамках Римского клуба. Следующим был доклад под названием «Пределы роста», подготовленный в 1972 году группой исследователей под руководством американского профессора МТИ Денниса Медоуза (об этом докладе я упомянул вначале). Далее в 1974 году последовал доклад М. Месаровича и Э. Пестеля под названием «Человечество на перепутье».

Эти и другие работы представляли собой прогнозы социально-экономического развития и демографических тенденций на дальнюю и сверхдальнюю перспективу. Они принципиально отличались от ранее делавшихся прогнозов, так как базировались на использовании мощных компьютеров, обрабатывавших большие массивы информации. Просчитывались такие параметры мирового развития, как численность населения, объемы промышленного и сельскохозяйственного производства, запасы природных ресурсов, объемы техногенных выбросов в атмосферу и гидросферу.

Расчеты проходили по разным сценариям. Тем не менее в любом случае человечеству грозила гибель. Либо в результате истощения природных ресурсов (почвы, воды, леса, нефти, руды и т.д.), либо в результате запредельных уровней загрязнения окружающей среды. Промышленное и сельскохозяйственное производство (объемы) в моделях Римского клуба производно от демографического роста. В конечном счете авторы докладов подводят нас к следующему выводу: чтобы избежать истощения природных ресурсов и смерти от отравления среды обитания, следует сдерживать промышленный и сельскохозяйственный рост. А чтобы сдерживать производство промышленных товаров и продовольствия, не остается ничего другого, как сдерживать рост народонаселения.

Так Римский клуб стал навязывать миру мысль, что людей на планете слишком много. Появилась концепция «нулевого роста», согласно которой уровень производства и населения следует заморозить на уровне 70-х годов прошлого века. Фактически это новейшая версия мальтузианства – теории, которая родилась в Англии еще в 1798 году и получила свое название по имени английского ученого и священника Томаса Мальтуса. В том далеком году вышла его знаменитая работа «Очерк о законе народонаселения» (Essay on the Principle of Population). В ней он подобно профессорам МТИ страдал англичан тем, что их слишком много и что если не остановить их размножение, то в бли-

жайшем будущем в действие могут вступить «природные механизмы саморегуляции».

Проще говоря, всем в Англии еды не хватит, люди начнут умирать. Поэтому лучше предотвращать демографический рост. Желательно «цивилизованными» средствами. Например, добровольным отказом от продолжения рода. Или же принудительной стерилизацией. А если сокращение будет происходить в результате войн или каких-то эпидемий, то к этому надо относиться спокойно. Стихийное сокращение населения в результате таких катаклизмов также можно отнести к «желательной демографической регуляции».

Позднее эту «философию» английского священника жестко критиковали. В том числе его ошибочные представления об ограниченности природных ресурсов. Многие из них являются воспроизводимыми. Вместо той же «стерилизации» лучше заняться разработкой методов рационального использования природных ресурсов. Учение Мальтуса в конечном счете назвали «проповедью геноцида».

Доклады Римского клуба также можно квалифицировать слегка закамуфлированной идеологией геноцида. Эти идеи распространялись и распространяются влиятельными членами клуба. Согласно учредительным документам Римского клуба число членов равняется ровно 100. Это те, кто определяют основные приоритеты в деятельности клуба, предлагают новые проекты (доклады), утверждают доклады уже подготовленные.

Сами члены клуба за редкими исключениями доклады не готовят. Они создаются внешними исполнителями на основе заказов, оплачиваемых клубом. Внешние исполнители могут быть представлены в клубе ассоциированными членами, которые не имеют права голоса. Плюс к обычным (действительным) и ассоциированным членам имеются еще почетные члены. И действительные, и почетные члены – люди весьма известные и влиятельные.

В последних списках действующих и почетных членов фигурируют такие пер-

соны, как высокопоставленный функционер ООН Морис Стронг, бывший генсек КПСС Михаил Горбачев, бывший вице-президент США Эл Гор, владелец CNN Тед Тёрнер, бывший генсек НАТО Хавьер Солана, бывший секретарь ООН Кофи Аннан, бывший президент США Билл Клинтон, миллиардер и основатель Microsoft Билл Гейтс, финансист и спекулянт Джордж Сорос, бывший премьер Великобритании Тони Блэр, серый кардинал американской внешней политики Генри Киссинджер, бельгийский принц Филипп, королева Нидерландов Беатрис, бывшие председатели Европейской комиссии Романо Проди и Жак Делор.

Через посредство таких влиятельных людей и идет распространение опасных идей Римского клуба. Плюс к этому в таком распространении участвуют 35 ассоциаций Римского клуба в разных странах мира.

Некоторые члены клуба занимают даже более радикальные позиции, чем те, которые формулируются в докладах Римского клуба. Так, в 1976 году американец Пол Эрлих, член Римского клуба, издал книгу «Популяционная бомба», в которой он написал: «Мы должны прекратить наши попытки лечить симптомы и начать вырезать рак. Эта операция, вероятно, потребует множество жестоких и безжалостных решений».

Он уже не довольствуется тем, что мир может спасти «нулевой» демографический

рост. Требуется радикальное его сокращение.

Некоторые члены клуба в разное время заявляли и заявляют, что нынешнее население планеты надо уполовинить. Или даже довести его до 1 млрд человек (при 7,44 млрд на 2016 год по данным Всемирного банка). Видимо, имеется в виду, что оставить жить следует тех, кто составляет так называемый «золотой миллиард» (примерная численность населения т. н. «цивилизованных» стран, т. е. тех, которые относятся к западной цивилизации).

Но даже 1 миллиард – не предел. Уже упомянутый выше член клуба медиамагнат Тед Тёрнер в 1996 году заявил в интервью для журнала «Одюбон» (периодическое издание для защитников природы), что 95-процентное сокращение численности населения планеты до 225-300 миллионов было бы «идеальным».

Правда, в 2008 году в интервью для Темпльского университета Филадельфии Тёрнер изменил своё мнение и говорил уже о сокращении до 2 млрд. Т. е. лишних людей в его понимании на то время было более 70%.

Итак, первая и основная задача Римского клуба – «научное» обоснование того геноцида, который «хозяева денег» задумали в отношении человечества. Планы этого геноцида отчасти уже реализуются. Но это уже тема отдельного разговора.

Айн Рэнд: мистическая любовь к «\$»

Крест – это символ пыток. Я предпочитаю знак доллара, символ свободной торговли, а значит, и свободомыслия.
Айн Рэнд.

Я уже писал об американской писательнице и философе российского происхождения Айн Рэнд (1905-1982). Настоящее ее имя Алиса Розенбаум. Родилась в Санкт-Петербурге, но после переезда в Америку в 1926 году она стала величать себя Айн Рэнд.

Некоторые полагают, что Рэнд – от названия денежной единицы Южно-Африканской республики. Известно, что наша «героиня» проявляла повышенный интерес к теме денег. При этом она относилась к деньгам очень трепетно, считая их не только олице-

творением богатства, но и символом и показателем свободы.

Формула тут незамысловатая: чем более человек свободен, тем больше у него денег. А под свободой она понимала, прежде всего, эмансипацию от таких «предрассудков», как традиционная (в первую очередь, христианская) мораль и государство, которая мешает свободолюбивым людям реализовать свой потенциал по делению денег. В общем, гимн индивидуализму, деньгам и капитализму, с одной стороны, и проклятия традиционным нормам морали (помощь, милосердие, коллективизм, самопожертвование и т.п.), государству и «иждивенцам» (все те, кто не капиталисты), с другой.

Для Айн Рэнд деньги не были просто философской абстракцией. Среди всех денег она особо выделяла американский доллар – денежную единицу страны, где уровень человеческой свободы был самым высоким в мире. Айн Рэнд не любила царскую Россию, в которой родилась, и ненавидела большевистскую Россию, из которой уехала в сознательном возрасте. Соответственно, ей был отвратителен рубль, хоть царский, хоть советский. А вот американский доллар для нее был больше, чем деньги. Это был для Рэнд мистический символ.

Хотя она и заявляла о своем атеизме, отношение к доллару у нее было религиозным. Один из отцов-основателей Америки Бенджамин Франклин говаривал:

– Деньги – это отчеканенная свобода.

А американский президент Вудро Вильсон разъяснял:

– Свобода никогда не исходит от правительства. Свобода всегда исходит от его подданных. История свободы – это история ограничения правительственной власти, а не ее возрастания.

Именно этот президент внес свой серьезный вклад в дело установления «свободы» в Америке, когда в последние дни уходящего 1913 года подписал закон об учреждении Федеральной резервной системы США (ФРС), американского Центробанка, независимого от государства. Закон открыл неогра-

ниченные возможности перед крупнейшими мировыми банкирами. Им была дарована свобода в деле печатания этих сакральных знаков, которые называются «долларами».

Учитывая трепетное, почти религиозное отношение нашей «героини» к доллару – продукту «печатного станка» ФРС, ее следовало бы называть не Айн Рэнд, а «Айн Доллар».

О деньгах Айн Рэнд пишет почти в каждом своем литературном произведении. И уж тем более в каждой философской книге. Теме доллара особое внимание уделяется в ее главном романе «Атлант расправил плечи» (1957). В одном русском издании «Атланта» текст романа предваряется комментариями известного американского конспиролога и бывшего члена одной масонской ложи Джона Тодда (John Wayne Todd), которые были написаны еще давно, в прошлом веке. Вот что этот американец пишет о романе:

Это книга иллюминатов. Книга была написана и опубликована по приказу Филиппа Ротшильда, лидера Иллюминатов в то время. Было приказано, чтобы она была написана женщиной по имени Айн Рэнд.

Кстати, Джон Тодд раскрывает еще одну тайну – секрет оглушительного успеха романа Айн Рэнд. Издание и распространение романа «Атлант» спонсировалось американским миллиардером, нефтяным магнатом и по совместительству иллюминатом Дэвидом Рокфеллером (тем самым, который умер в прошлом году на 102-м году жизни). Таким образом, роман Айн Рэнд не имеет никакого отношения к литературе, это элемент мирового заговора «хозяев денег» против человечества.

Роман состоит из трех книг. Глава 10-я второй книги называется «Знак доллара» (англ. The Sign of the Dollar). В ней Айн Рэнд знак доллара – «\$» – называет символом нации, свободной экономики, свободного мышления. Любой свободы.

Для тех, кто не читал роман, скажу, что его сюжетная канва достаточно проста (несмотря на солидный объем романа, превышаю-

щий существенно тысячу страниц). Вот как ее излагает в кратком виде в своей статье «Дезертировавшие атланты» М. П. Остроменский:

... страну накрывает странная «эпидемия» исчезновения крупнейших и самых успешных бизнесменов. Одновременно с исчезновением хозяев происходит и ликвидация их предприятий. Часто в буквальном смысле слова (сгорают, затапливаются, взрываются). В результате постепенно нарастает экономический кризис, переходящий в хаос.

Опуская многие детали, скажу, что главная героиня Дэгни Таггерт – вице-президент и совладелец крупнейшей железнодорожной компании США – пытается выяснить, что происходит в стране и куда исчезают бизнесмены. В конце концов, она находит след пути, по которому бизнесмены покидали страну, и сама оказывается в потаенной долине – никому неизвестном «эдемском уголке». Там она обнаруживает сбежавших бизнесменов (они же – «атланты»). Они, оказывается, находятся в ожидании полного краха того «несправедливого и прогневшего» мира, где когда-то жили и работали. После этого краха они рассчитывают вернуться на прежнее место, чтобы на руинах прежнего мира начать строить «дивный новый мир».

Находясь в своем укрытии, «атланты» пристально наблюдают за тем, что происходит в том, «внешнем» мире. И не только наблюдают, но, используя различные тайные средства, активно его разрушают. Уничтожают даже то, что принадлежит им – заводы, фабрики, электростанции и т. д. Что примечательно, все они – члены элитной организации, которая называется «Клуб Доллара». Эмблемой организации и идеологии «атлантов» служит знак доллара. В долине стоит памятник доллару, огромный золотой знак доллара.

Читая «Атланта», я невольно провожу параллели с сегодняшним днем: небольшая группа современных «атлантов» объединилась в своеобразный «Клуб доллара», эти «атланты» – акционеры Федеральной

резервной системы США. Они находятся в никому неизвестном месте, который можно сравнить с тем «эдемским уголком», который описан Айн Рэнд в романе. Они из своего укрытия следят за тем, как деградирует остальной мир. Но они не простые наблюдатели. Они разными способами организуют в мире так называемый «управляемый хаос». Для того, чтобы провести зачистку планеты. А после этого они рассчитывают выйти из своего укрытия и начать строить «дивный новый мир».

Упомянутый выше Джон Тодд прямо указывает, что книга Айн Рэнд в закодированном виде и является изложением плана «хозяев денег».

Она была написана якобы как роман, но это кодовая книга. И то, что написано в этой книге, является пошаговым планом захвата всего мира путем захвата США.

А знак «\$», изображаемый на одежде, украшениях, предметах обихода, – условный знак, который позволяет заговорщикам узнавать друг друга.

Вот фрагмент из главы 10 «Знак доллара», в котором ведется диалог между двумя героями – Дэгни Таггерт и Оуэном Келлогом (инженером из компании Дэгни). Дэгни вырывает у Келлога пачку сигарет. И далее по тексту.

«На пачке не было ни надписи, ни торговой марки, ни адреса – лишь тисненый золотом знак доллара. На сигаретах был точно такой же знак.

Келлог на вопрос Дэгни, что это за странная пачка и странные сигареты, отвечает следующее:

– Если вы настолько осведомлены, что спрашиваете об этом, мисс Таггерт, вам следовало бы знать, что я не отвечаю.

Дэгни настаивает и говорит:

– Я знаю, что за этим кое-что стоит.

И далее следует следующее откровение Оуэна Келлога:

– За знаком доллара? Очень и очень многое. За ним стоит каждая жирная свиноподобная фигура в любой карикатуре, изображающая плута, мошенника, подлеца – это

клеймо зла. Он означает деньги свободной страны, а значит, достижение, успех, талант, созидательную силу человека; и именно поэтому его считают клеймом позора. Он выжжен на лбу таких людей, как Хэнк Репардэн, как тавро. Вы случайно не знаете, что означает этот знак? Он означает инициал Соединенных Штатов.

[Упомянутый Хэнк Репардэн – один из героев романа, олигарх].

Для справки сообщу, что озвученная Келлогом версия знака «\$» впервые была приведена в 1876 году в лондонском научном журнале *Notes and Queries* со ссылкой на неназванную старую газету, где говорилось, что символ «\$» – это переплетённые буквы «U» и «S», являющиеся сокращением слов *United States* (Соединённые Штаты) или олицетворяющего их *Uncle Sam* (Дядя Сэм).

Но вернемся к фрагменту главы 10 романа. Чуть ниже Келлог произносит самую настоящую оду в честь Америки и ее доллара:

«Вы знаете, что Соединенные Штаты – единственная в истории страна, которая использовала собственную монограмму в качестве символа порочности? Спросите себя, почему. Спросите себя, как долго страна, сделавшая такое, может надеяться на существование, и чьи нравственные законы разрушили ее. Это была единственная в истории страна, где богатство приобреталось не бандитизмом, а производством, не силой, а торговлей; единственная страна, где деньги служили символом права человека на его собственный разум, труд, жизнь, счастье – на самого себя. Если это, по нынешним нормам мира, зло, если это повод, чтобы проклинать нас, то мы, поклонники и создатели доллара, принимаем проклятие этого мира. Мы предпочитаем носить знак доллара на наших лбах и носим его гордо, как символ благородства, символ, ради которого хотим жить и, если нужно, умереть».

Интересен финал романа. Главные герои, гений Джон Голт (Джон Тодд полагает, что этой герой – прототип Филиппа Ротшильда) и красавица-бизнесмен Дэгги Таггерт стоят на горе. Они видят «лежащий в руинах кон-

тинент: дома без крыш, ржавеющие трактора, темные улицы, заброшенные рельсы. «Путь расчищен, – сказал Голт. – Мы возвращаемся в мир». Он поднял руку и начертил в пространстве над разоренной землей символ доллара».

Кстати, в другом варианте перевода романа эта фраза звучит еще жестче: не над разоренной, а над безлюдной землей.

М. П. Остроменский в своей статье «Дезертировавшие Атланты» по поводу этой концовки романа пишет: «Что может красноречивее характеризовать конечный результат воплощения «в жизнь» философии крайнего индивидуализма в оболочке рационализма, кроме – безлюдья? Ибо сказано Джоном Голтом: «Отказ от признания реальности всегда приводит к губительным последствиям».

В романе «Атлант» много философских рассуждений о деньгах «вообще». Все рассуждения сводятся к одному: деньги – высшая ценность. Деньги – мерило человека. Деньги – средство установления в мире новой, «правильной морали». Но в конечном счете речь идет не о деньгах «вообще», а именно об американском долларе. Человек должен выбрать именно доллар. Вот один из образчиков такого «философствования»:

Если вы не откроете для себя той истины, что деньги – корень всего доброго, что есть в мире, вы придете к собственному разрушению. Когда деньги станут инструментом отношений между людьми, человек станет инструментом человека. Выбирайте: кровь, кнут и оружие или доллары, другого не дано, и ваше время истекает...

Некоторые исследователи творчества Айн Рэнд утверждают, что ее роман «Атлант расправил плечи» относится к жанру утопии (есть и такие, кто считает этот роман, наоборот, антиутопией). Как бы там ни было, комментаторы намекают на то, что Айн Рэнд своим романом продолжила ту линию, которая была начата еще английским философом и писателем Фрэнсисом Бэконом в его произведении «Новая Атлантида» (1627).

Считается, что роман Ф. Бэкона – подробный план строительства нового идеаль-

ного общества в североамериканских колониях. Полагают, что Айн Рэнд знала об этом романе и была почитательницей Ф. Бэкона. Своим романом «Атлант» она попыталась исправить те искривления, которые возникли в деле практической реализации плана английского философа на протяжении трех веков.

Атланты (капиталисты) удалились в потаенные места Америки и начали там строить еще раз новую Атлантиду. А раз так, то символ «\$» следует понимать по-другому. Это символ, изображающий Геркулесовы столбы или две колонны храма Соломона (две вертикальные черты в знаке), обвитые лентами. Считается чисто масонским символом. (см.: Григоровская А. В. Атлантида как утопическая модель в романе Айн Рэнд «Атлант расправил плечи»). «В романе Айн Рэнд этот символ является тайным знаком, который используют жители Атлантиды» (там же). Имеются также версии, согласно которым кривые извивы знака означают не ленты, а змея. Того змея, который берет свое начало от начала истории. Того змея, который искусил первых людей

в раю и далее продолжает искушать и жалить на протяжении всей человеческой истории (см.: Воробьевский Ю. Ю. Царь-змееборец. – М., 2016, с. 251-253).

В речи, произнесенной в начале 1960-х в Йельском университете, Рэнд объявила: «Крест – это символ пыток. Я предпочитаю знак доллара, символ свободной торговли, а значит, и свободомыслия».

Любовь Айн Рэнд к доллару была поистине фанатичной. Она всегда носила пелерину с вышитым знаком «\$» или же прикалывала к одежде знак доллара. Посмотрите на фото этой «мессии свободы»: знак «\$» непременно красуется на ее груди.

Рэнд умерла 6 марта 1982 года в своем любимом городе Нью-Йорке. Газета The New York Times писала: «Тело Айн Рэнд лежало рядом с символом, который она приняла как ее собственный – шестифутовое изображение знака американского доллара».

Так, в день похорон любовь Рэнд к доллару была явлена во всей красе.

Афонский старец Паисий Святогорец, прославленный в лике преподобных – величайший подвижник, наш современник, имя которого повсеместно известно во всем православном мире. Он родился в 1924-м году, а в 1950-м стал монахом.

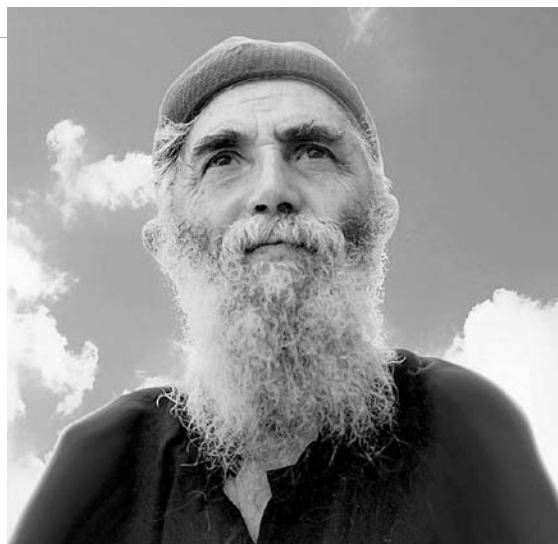
С этого времени большая часть жизни его связана со Святой горой Афон. Там он вел скромный, аскетический образ жизни, большую часть дня проводил в молитвах и чтении духовной литературы. Вскоре стало понятно, что отец Паисий наделен

Господом великими дарами – прозорливостью, даром исцелять духовным словом страждущих, удивительной кротостью и смирением.

Тысячи людей со всего мира потянулись в его келью (келью), и старец был готов принять их днем и ночью. Он всегда выслушивал человека и старался дать ему полезный совет.

Много раз отец Паисий говорил о том, что люди сами не хотят, чтобы им помогли, не желают очистить свою душу от грехов, а ищут только того, чтобы батюшка или старец каким-то чудом решили все их проблемы. После себя он оставил духовное завещание – замечательные душеполезные книги, которые пользуются огромной популярностью во всем мире, а особенно в России.

Любой труд преподобного Паисия Святогорца – это сокровищница духовной мудрости, спасение для души человека с помощью опыта великого подвижника.

Неисчерпаемая любовь Божия и наша любовь к Богу

«Плотный огонь» любви Божией

– Геронда, иногда я очень сильно чувствую любовь Божию и страдаю, видя собственную неблагодарность.

– Желая, чтобы ты оказалась достойной многочисленных благодеяний Божиих. «Милость Твоя, Господи, поженет мя вся дни живота моего», – говорил Давид. И ты так говори, потому что и тебя милость Божия сопровождает. Хорошо, что ты это видишь, благодаришь и прославляешь Бога.

Когда человек ощущает Божественную любовь, тогда на него обрушивается... «плотный огонь» любви Божией. Наверное, вам кажется странным это выражение – «плотный огонь». Но чтобы удалить из сердца известковые отложения или разрушить окружающую его гранитную стену, требуются снаряды, которые содержат сильнее взрывчатое вещество – Божественную любовь. Когда эта твёрдая оболочка будет

разрушена, то сердце делается восприимчивым и человек станет радоваться даже самому малому благоденствию Божию. Он ощущает себя перед Богом неоплатным должником и всё время чувствует умиление, потому что думает всё время о своём долге, а Бог ему посылает благословения, одно больше другого, так что в конце концов его любочестная душа истает от любви Божией.

– Геронда, почему Бог нас так сильно любит?

– Потому что мы Его дети, больше я ничего не могу вам сказать!

– А если человек подвизается и всё время претывается на одном и том же, этим он сердит и разочаровывает Бога?

– Разве Бог ждёт от нас преуспевания? Нет. Мы Его дети, и Он всех нас одинаково любит. Как-то раз я видел одного отца. Один его ребёнок был немного глуповат и то и дело вытирал рукавом соплю. Но отец и его прижимал к себе, целовал и ласково поглаживал, как и остальных. Так же и Бог, как Благой Отец, любит не только красивых детей, но и духовно слабых. И переживает, и заботится о них даже больше, чем о здоровых.

Никто не может постичь, как Бог любит человека! Его любовь ни с чем не сравнима! Она не имеет границ! Она так велика, что если человек почувствует хоть малую её часть, его сердце не выдерживает, растворяется, потому что сделано из глины.

Бог часто попускает прийти в изобилии Своей любви на Его творение, и тогда наша душа согревается, мы видим, насколько сладка Божественная любовь, насколько велика, так велика, что мы не выдерживаем и просим «Хватит, Боже мой! Умерь Свою любовь, потому что я не могу её выдержать». Так Бог хочет нам показать, что Он со Своей стороны готов даровать нам в изобилии Свою любовь, но не делает этого, потому что объём нашей аккумуляторной батареи маленький. Необходимо его увеличить, чтобы он мог вместить больше Божественной любви, ведь ток любви Божией поступает к нам из расчёта ёмкости нашей батареи.

– Как увеличить ёмкость батареи?

– Чем больше очищается сердце, тем больше увеличивается его ёмкость и тем больше мы сможем принимать Божественной любви, безграничной, невместимой, неисчерпаемой.

Правильное распределение любви

– Геронда, может моя любовь к какому-нибудь святому ослабить мою любовь к Богу?

– Нет, потому что когда человек сильно почитает какого-нибудь святого и питает к нему большую любовь, то за этим скрывается и большая любовь к Троице Богу и Божией Матери.

Кто почитает святых, несомненно, ещё больше почитает Божию Матерь. Так же как и тот, кто почитает Пресвятую Богородицу, естественно, почитает ещё больше Пресвятую Троицу. Если ты связан тесными узами с кем-нибудь из святых и испытываешь к нему большое чувство признательности, то бывает, что даже готов пожертвовать собой ради этого святого. Но, если ты жерт-

вуешь собой ради святого, разве это не означает, что ты жертвуешь собой ради Бога?

Любовь ко Христу, к Божией Матери, ко святым – большое дело. Эта любовь не сравнима ни с какой другой. Это прочная любовь, которая не остаётся без ответа

– Возможно ли любить Бога и не любить людей?

– Нет, потому что если ты любишь Бога, то не можешь не любить образ Божий, человека. Любовь к Богу приносит с собой любовь к ближнему, потому что тот, кто близок к Богу, близок всем людям, как святые. Но и за любовью к ближнему скрывается большая любовь к Богу.

Когда человек отдаст своё сердце Богу, то он всё начинает любить, не только людей,

но и птиц, деревья, даже змей. Тогда он не только благоговейно поклоняется Богу и святым, но и образу Божию, людям. Всякое создание, большое или маленькое, драгоценное или простое, камушки и щепки, он

благоговейно берёт и лобызает, как благословение от своего Создателя, как целует предмет, большой или маленький, который получил в благословение от уважаемого им человека.

Восхождение на Небо

– Геронда, как человек приходит к Богу?
– Есть два способа, как человек может взойти к Богу на высоту и «преклонить» Его сойти вниз и пребывать вместе с ним. Первый способ – это искреннее покаяние – относится к большим грешникам. Когда они осознают своё великое падение и глубоко смиряются, то Бог, ради их великого смирения, проявляет к ним большую любовь и возводит на Небо. «Великая радость бывает на Небесах об одном человеке кающемся» (Ср. Лк.15,7), – говорится в Евангелии. Тогда, конечно, и грешники испытывают большую любовь к Богу, потому что Он оставил им большой долг. Второй способ следующий: когда человек сохранится чистым от смертных грехов, то он должен благодарить Благого Бога за то, что Тот с детских лет хранил его,

и одеяние его души не осквернилось. И ты, если бы Христос не хранил тебя, как птенца, у Себя под крылом, возможно, была бы сегодня самой большой грешницей в мире. Потому день и ночь прославляй Благого Бога за этот Его великий дар и проливай перед Ним слёзы радости и благодарности. Эти слёзы имеют равную, а может, и большую, силу со слезами покаяния. Тогда человек возносится на Небеса, приходит к Богу и славословит Его непрестанно, как Ангелы. И хотя живёт на земле, но словно – на Небе. Его жизнь становится сплошным славословием, и смерть он ожидает со славословием, потому что знает, что тогда будет с Богом постоянно, что и является его конечной целью. Тогда в нём рождается самое великое славословие: «Слава Тебе, Показавшему нам Свет...».

Отдадим, свою любовь Христу

– Геронда, как мне трудиться, чтобы возлюбить Бога?

– Начни с жертвы. Когда человек не считается с собой и приносит себя в жертву, тогда всё идёт как надо: он любит своего ближнего, любит Бога. Те люди, которые говорят, что любят Бога, но не жертвуют собой ради ближнего, «возлюбиша Бога усты своими, и языком своим солгаша Ему» (Ср. Пс.77,36).

– Геронда, как растёт любовь к Богу?

– Пусть ваш ум постоянно будет в Боге, думайте о Боге. Творите молитву, разговаривайте с Богом. Когда человек занимается таким деланием, то вначале слабо ощущает любовь Божию, но чем дальше, тем чувствует её всё сильнее. Теперь его ум постоянно пребывает в Боге, его не зани-

мает ничто земное и суетное. В его сердце растёт любовь к Богу, наполняет, и он не хочет думать ни о чём, кроме Бога. Его не волнует ничто из того, что есть в мире, он постоянно думает о Небесном Отце. Тех, кто занимается наукой, она поглощает полностью. А мы поглощены ли Христом?

– Чего же нам не хватает для того, чтобы мы с такой же ревностью искали Христа?

– Всё у нас есть. Голова есть, зрелость есть. Препятствие – мы сами, наше «я». Если мы не откажемся от себя, то как в нас войдёт Христос? Если же мы откажемся от себя и недобросовестный квартиросъёмщик, ветхий наш человек, оставит наше жилище, то в сердце на освободившемся месте поселится новый человек, человек

Нового Завета. Наш храм, всё наше существо наполнится любовью, потому что в нас будет обитать Христос, Который есть Любовь. Тогда сердце человека превращается в колокол, который всё время благовестит так громко, что от этого звона дрожат стены – грудная клетка и рёбра, которые, как стены в доме, обмазаны глиной, ставшей по повелению Божию плотью. И если ты окажешься в пустыне, где нет храма, то храмом будет твоё тело, а колоколом сердце.

Когда человек отдаст своё сердце Богу, тогда и ум его охвачен любовью Божией, и сердце трепещет от радости. В голове лёгкость, тело как перышко. А когда любовь Божия больше, чем может вместить сердце, тогда звон сердца слышен окружающим,

так как в этом состоянии участвует и тело.

Такое маленькое сердце, а может так сильно любить! И если такова любовь человека к Богу, то какова тогда любовь Божия! Я имею в виду количество, потому что по качеству любовь Божия такая же, как наша, если наша духовная.

Какое великое зло совершают люди, которые не хотят отдать свою любовь Христу, а расточают её на земные, пустые и суетные вещи! Даже если бы мы жили тысячу лет и имели бы тысячу сердец, то и этого бы нам не хватило, чтобы воздать Христу за Его великую к нам любовь, которую Он нам явил и продолжает являть, прощая нас, терпя и очищая наши смрадные души Своей Божественной Кровью.

Огонь любви Божией

– Геронда, почему у меня к Богу нет такой же любви, как к человеку, ведь если я кого-то люблю, то хочу быть с ним всё время вместе?

– Это приходит постепенно в результате борьбы, а иначе люди бы загорелись и горели бы любовью Божией. Вокруг был бы холод, а они думали бы, что горят, и бежали бы в горы. Один солдат во время войны оставил свою часть и убежал в горы. В его сердце зажглась такая любовь, что он не мог её сдержать, хотел уйти и молиться. Забыл обо всём. Нашёл одну пещеру, вошёл в неё и стал молиться! Когда другие солдаты пошли на задание, они нашли его и кричали: «Дезертир». Потом его вызвал на допрос командующий частью. «Как это называется?» – спрашивает. «Я горю, господин командующий, горю любовью ко Христу. Знаете, что значит «горю»? «А я что, по-твоему, не горю?» – спрашивает командующий. «Я горю, господин командующий, понимаете или нет?» – повторял он и словно говорил: «Если горишь, то беги!» Бог помог ему, и он избежал трибунала. Тут в мирное время, если солдат убежит из части, ему грозит трибунал, а что говорить о войне!

– Геронда, когда человек находится в таком состоянии, то он чувствует тепло во всём теле?

– Да, но больше всего в области груди. Когда возгорится духовная любовь, то полыхает огнём вся грудь. Вся грудная клетка превращается в пламя. Горит человек сильным сладостным огнём любви Божией, парит, любит истинной, материнской любовью.

Этот внутренний огонь, который зажигает Сам Христос Своей любовью, согревает тело сильнее вещественного огня. Он имеет силу сжигать любой мусор, любой злой помысел, который подбрасывает тангалашка, как и любую похоть и любое неподобающее зрелище. Тогда душа ощущает божественное наслаждение, которое несравнимо ни с каким другим наслаждением!

Как жаль, что этот огонь ещё не вошёл в вас! Если он вспыхнет и разгорится в вашем сердце, то вас не будут прельщать никакие суетные вещи. Желаю, чтобы Бог попалил Своей любовью ваши сердца!

Божественный эрос

– Божественный эрос – это любовь к Богу?

– Божественный эрос – это нечто высшее, чем любовь Божия, – это безумие. Любовь-эрос-безумие как зависть-ненависть-убийство. Великая любовь к Богу, соединённая с жертвой, сладостно распаляет сердце, и, как пар, выбрасывается Божественный эрос, который невозможно сдерживать, и соединяется с Богом.

Божественный эрос размягчает твёрдые кости, которые делаются настолько мягкими, что человек не может устоять на ногах и падает! Он становится как свеча, помещённая в тёплое место, которая не может стоять прямо и наклоняется то в одну сторону, то в другую. Её поправляешь, а она снова наклоняется, снова падает, потому что вокруг тепло, очень тепло... Когда человек находится в таком состоянии и ему нужно куда-то идти или что-то делать, он не может, ему приходится бороться, он старается выйти из этого состояния...

– А человек, охваченный Божественным эросом, чувствует боль?

– Если боль очень сильная, то она стихает и делается терпимой, если слабая – исчезает. Видишь, люди, когда влюблены, находятся в таком восхищении, что и про сон

забывают. Один монах мне говорил: «Геронда, мой брат влюбился в цыганку, даже спать перестал. Только и слышно «Параскевушка моя, Параскевушка моя». Заколдовали его, что ли? Не знаю! Я столько лет монах и не люблю Божию Матерь так, как мой брат любит свою цыганку! Я, например, совсем не чувствую в сердце никакого веселья».

К сожалению, есть духовные люди, которых смущает слова «Божественный эрос». Не понимают, что такое «Божественный эрос», и хотят убрать это слово из Миней и Октоиха, потому что оно их смущает. Вот до чего мы дошли! И, наоборот, миряне, которые знают, что такое человеческий эрос, когда им говоришь о Божественном эросе, сразу отвечают: «Это должно быть что-то высшее». Со многими из ребят, которые познали мирской, человеческий эрос, я быстро нахожу общий язык, если начинаю им говорить о Божественном эросе! «Вы когда-нибудь от большой любви падали без сил на землю? Вы когда-нибудь чувствовали, что не можете пошевелиться, не можете ничего делать?» Они сразу догадываются, что это что-то высшее, и мы начинаем понимать друг друга «Если на нас, – говорят они, – так действует простая, мирская любовь, то можно себе представить, что такое любовь небесная!»

Святое безумие

– Геронда, как можно сойти с ума от любви Божией?

– Общаться с сумасшедшими, чтобы они заразили тебя своим духовным безумием! Надеюсь увидеть тебя... сумасшедшей по Богу! Аминь.

И у меня есть небольшой опыт духовного безумия, происходящего от Божественного эроса. Тогда человек приходит в состояние священной рассеянности и не хочет думать ни о чём, кроме Бога, кроме святого, духовного и небесного. Находясь в состоянии божественной любви, он горит сладостно изнутри, изливает себя внешне в безумии,

в границах священного благочестия, как ангел, прославляя день и ночь своего Бога и Создателя.

– Это называется исступление?

– Да, тогда человек находится вне себя, в хорошем смысле. Это и есть... «Ужасни-ся бояйся небо...» (слова ирмоса 8-й песни канона Великой Субботы)!

Священное безумие поставляет человека вне земного притяжения, возносит его к престолу Божию, и человек начинает ощущать себя как собачка при ногах своего хозяина, которая радостно и почтительно лижет ему ноги.

Божественное опьянение

– Геронда, я боюсь, что не спасусь.

– Не бойся, будем вместе подниматься наверх. Только скажи настоятельнице, пусть даст нам две большие пластиковые бутылки в дорогу. Смотри, пластиковые, а не стеклянные, чтобы не разбились по пути!.. Мы наполним их водой и будем пить из них на пути к Небу, когда будем уставать! Оставим в них воды только на три пальца и попросим Христа, чтобы Он её благословил, превратил в вино. Выпьем его и духовно опьянеем рядом со Христом.

– Геронда, а что это за вода такая?

– Это любовь ко Христу и к братьям.

– А опьянение?

– Опьянение от Святого Духа. Опьянённые Святым Духом всё время радуются нежной любви Бога, своего Отца.

Если человек духовно опьянеет от небесного вина, то его жизнь здесь на земле становится мученической, однако, в хорошем смысле. Он становится негодным для мира, его не волнует ничто земное, и он всё вмещает в уметы, сор. Видишь, люди, когда много выпьют, пьянеют, и потом их ничего не волнует. «Дед Фанасий, твоя хижина горит», – кричали люди одному деду, у которого загорелась хижина. «Ну её, пусть горит», – отвечал он, потому что напился и был пьян!..

Другое, небесное пьянство – хорошее, но человек всё время должен быть там, возле бездонной бочки с небесным вином. Желаю вам найти заветный райский священный кран, пить и постоянно упьяняться райским вином. Аминь!

Преподобный Силуан Афонский –
великий русский подвижник,
причисленный к лику святых в 1987 году

О любви

Душа моя жаждет Бога живого. Душа моя снова ищет досыта насладиться Господом.

О, непостижимая милость Божия: из праха создал Господь человека и вдунул в него дыхание жизни, и душа человека стала родная Богу. Так возлюбил Господь создание Свое, что Духа Святого дал человеку, и человек познал Создателя своего и любит Господа своего.

Дух Святой есть любовь и сладость души, ума и тела; но когда душа потеряет благодать или когда умалится благодать, тогда душа будет снова слезно искать Духа Святого и скучать о Боге, и говорить: «Скучает душа моя о Господе, и слезно ищущу Его. Как мне не искать Тебя, Господи? Ты Сам прежде взыскал меня, и дал мне насладиться Духом Святым; и теперь душа моя скучает по Тебе. Сердце мое возлюбило Тебя, и молю Тебя: дай мне до конца пребыть в любви Твоей; дай мне ради любви Твоей терпеть все скорби и болезни».

***

Страх и трепет обдержит душу мою, когда хочу писать о любви Божией.

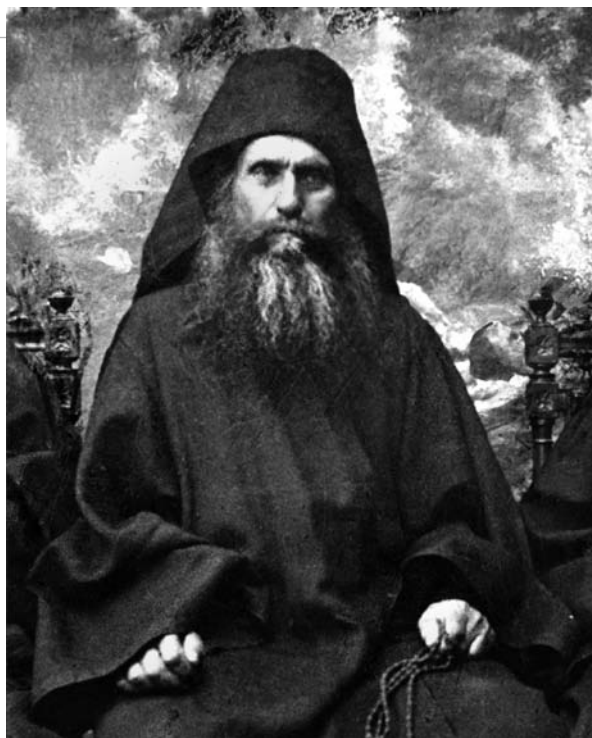
Бедна душа моя, и нет сил описать любовь Господню.

И боится душа, и вместе влечется написать хоть несколько слов о любви Христовой.

Изнемогает дух мой писать сие, но любовь понуждает.

О, человек – немощное создание.

Когда благодать в нас, то горит дух и рвется ко Господу день и ночь, ибо благодать связывает душу любить Бога, и она возлюбила Его, и не хочет оторваться от Него, ибо не может насытиться сладостью Духа Святого.

И нет конца любви Божией.

Знаю человека, которого Милостивый Господь посетил Своею благодатию; и если бы спросил его Господь: «Хочешь дам тебе еще больше?», то от немощи плоти душа сказала бы: «Ты видишь, Господи, что если больше, то я умру», ибо человек ограничен и не может понести полноту благодати.

Так на Фаворе ученики Христовы пали ниц от славы Господней. И никто не может постигнуть, как дает душе благодать Свою Господь.

***

Никто не может знать от себя, что есть любовь Божия, если Дух Святой не научит; но в Церкви нашей любовь Божия познана Духом Святым, и потому мы говорим о ней.

Грешная душа, которая не знает Господа, боится смерти, думает, что Господь не простит ей грехов ее. Но это потому, что душа не знает Господа и как много Он нас любит. А если бы знали люди, то ни один человек не отчаялся бы, потому что Господь не только простит, но и радуется зело обращению грешника. Хотя пришла смерть, но ты креп-

ко верь, что как только будешь просить, так и получишь прощение.

Господь не такой, как мы. Он весьма кроток, и милостив, и благ, и когда душа узнает Его, то удивляется без конца и говорит: «Ах какой у нас Господь».

Дух Святой дал нашей Церкви познать, как велико Божие милосердие.

Господь нас любит и кротко, без укора принимает нас, как не укорил отец евангельского блудного сына, но велел дать ему новую одежду, и на руку драгоценный перстень, и сапоги на ноги его, и велел заколоть тельца упитанного и веселиться, и ни в чем не обличил его.

О, как кротко и терпеливо и мы должны исправлять брата своего, чтобы был праздник на душе о его возвращении.

Дух Святой учит душу неизглаголанно любить людей.

О, братья, забудем землю и все, что на ней. Она отвлекает нас от созерцания Святой Троицы, Которая непостижима нашему уму, но Которую святые зрят на небесах Духом Святым.

А мы пребудем в молитве без всякого воображения и будем просить у Господа смиренного духа, и Господь полюбит нас и даст нам на землю все полезное для души и тела.

Господи Милостивый, дай благодать Твою всем народам земли, и познают Тебя, ибо без Духа Твоего Святого не может человек познать Тебя и разуметь Твою любовь.

Детки малые, познайте Творца неба и земли.

Господи, пошли милость Твою на детей земли, которых Ты любишь, и дай им познать Тебя Духом Святым. Слезно молю Тебя: услышь молитву мою за детей Твоих и всем им дай познать славу Твою Духом Святым.

***

«Не горело ли в нас сердце наше» (Лк.24:32), говорили Апостолы, когда приблизился к ним Христос. Так душа узнает своего Владыку и любит Его, и сладость любви Его горяча.

На небесах у всех единая любовь, а на земле одни много любят Господа, другие – мало, а иные совсем не любят Его.

Душа, исполненная любви Божией, забывает и небо и землю; дух горит и невидимо видит Желанного, и множество сладких слез проливает душа и не может забыть Господа ни на одну секунду, ибо благодать Божия дает силы Любимого любить.

О, в какой славе Господь, и какими песнями Он величается на небесах, и сколь сладки эти песни, которые изливаются от любви Божией.

Кто достоин слушать песни сии, которые поются Духом Святым, и в которых величается Господь за страдания Свои, и какая будет радость от слышания песни сей?

На земле едва душа прикоснется любви Божией и уже от сладости Духа Святого бывает в восторге к любимому Богу и Отцу Небесному.

Братья возлюбленные, смирим себя, чтобы быть достойными любви Божией, чтобы Господь украсил нас Своею кротостью и Своим смирением, чтобы мы стали достойны небесных обителей, которые уготовал нам Господь.

***

Господь любит всех людей, но кто ищет Его, того больше любит.

«Любящих Мя – люблю, – говорит Господь, – и ищущие Мя обрящут благодать» (Притч.8:17). А с нею хорошо жить, весело душе, и душа говорит: «Господь МОЙ, я – раб ТВОЙ».

В этих словах великая радость: Если Господь «наш», то и «все наше». Вот мы какие богатые.

Велик и непостижим наш Господь, но ради нас Себя так умалил, чтобы мы знали Его и любили, чтобы от любви Божией забывали землю, чтобы жили мы на небесах и видели славу Господню.

Своим избранныкам Господь дает столь великую благодать, что они любовью обнимают всю землю, весь мир, и душа их горит желанием, чтобы все люди спаслись и видели славу Господню.

***

Брат Р... рассказал мне, что когда он был тяжело болен, то мать его сказала отцу: «Как страдает наш мальчик. Я с радостью отдала бы изрезать себя на куски, если бы можно было этим помочь ему и облегчить его страдания».

Такова любовь Господа к людям. Он сказал: «Нет большей любви, как если кто душу свою положит за ближнего своего» (Ин.15:13). Господь так сильно жалел людей, что захотел пострадать за них, как родная мать и даже более. Но разуместь эту великую любовь без благодати Святого Духа никто не может. Писание говорит о ней, но и Писание умом не постигается, ибо и в Писании говорит тот же Святой Дух.

***

Если ты хочешь познать Господа, то смири себя вконец, будь послушлив и воздержен во всем, люби истину, и Господь «непременно» даст тебе познать Себя Духом Святым, и тогда ты опытом познаешь, ЧТО есть любовь к Богу и ЧТО есть любовь к человеку. И чем совершеннее любовь, тем совершеннее познание. Есть любовь малая, есть – средняя, есть и великая.

Кто боится греха, тот любит Бога; кто имеет умиление, тот больше любит; кто имеет в душе свет и радость, тот еще больше любит; а у кого благодать и в душе и в теле, тот имеет совершенную любовь. Таковую благодать Дух Святой давал мученикам, и она помогала им мужественно терпеть все страдания.

***

Может ли кто сказать о рае, как там будет?

Слово о рае может сказать лишь тот, кто в Духе Святом познал Господа и Его любовь к нам.

Господь так мил и любезен, что от любви Его душа не может вспомнить ни о чем другом. Благодать Святого Духа настолько сладка и так изменяет всего человека, что забудет он даже родителей своих.

Душа, которая в полноте познала Господа и усладились Им, уже ничего другого не пожелает и ни к чему не прилепляется на земле, и если бы ей предложили царство, не захочет

она, ибо любовь Христова так сладка и так радуется и веселит душу, что и царская жизнь усладить ее уже не может.

Хочу сказать немного слов, насколько вразумит меня благодать Божия, о мерах любви Божией.

Когда человек боится оскорбить Бога каким-нибудь грехом, это первая любовь. Кто имеет ум чистый от помыслов, это вторая любовь, большая первой. Третья, еще большая, когда кто осязательно имеет благодать в душе. А кто имеет благодать Святого Духа и в душе и в теле – это совершенная любовь; и кто сохранит эту благодать, у того будут мощи, как у святых мучеников, или у пророков, или у преподобных и других великих святых.

Кто пребывает в этой мере, того не прельстит любовь девицы, которою услаждается весь мир, потому что от сладости любви Божией душа забывает все земное. Благодать Святого Духа влечет душу любить Господа в полноте, и в этой полноте любви Господней душа не прикасается миру, хотя и живет на земле.

Мы горделивы умом и потому не можем стоять в этой благодати, и она удаляется от души, и душа тогда скучает по ней и слезно ищет ее снова, и плачет, и рыдает, и зовет ко Господу: «Боже Милостивый, Ты видишь, как печальна душа моя и как скучаю я по Тебе».

На земле нет столь кроткого и любезного человека, как Господь наш Иисус Христос. В Нем наша радость и веселие. Возлюбим Его, и Он введет нас в Царство Свое, где мы будем видеть славу Его.

***

Милостивый Господи, как велика любовь Твоя ко мне грешному.

Ты дал мне познать Тебя; Ты дал мне вкусить Твою благодать. «Вкусите и видите, яко благ Господь» (Пс.33:9). Ты дал мне вкусить Твою благость и милосердие, и душа моя влечется к Тебе день и ночь ненасытно, и не может забыть любимого Творца своего, ибо Дух Божий дает ей силы Любимого любить, и не знает душа сытости, но влечется к своему Отцу небесному.

Блаженна душа, возлюбившая смирение и слезы и ненавидящая злые помыслы.

Блаженна душа, любящая брата своего, ибо «брат наш – есть наша жизнь».

Блаженна душа, любящая брата: в ней ощутимо живет Дух Господень и дает ей мир и радость, и она плачет за весь мир.

Вспомнила душа моя любовь Господню, и согрелось сердце мое, и предалась душа моя глубокому плачу, что я столь много оскорбил Господа, Любимого Творца моего; но Он грехов моих не помянул; и тогда предалась душа моя глубочайшему и печальному плачу, чтобы помиловал Господь всякую душу и взял в Свое Небесное Царство.

И плачет душа моя за весь мир.

Не могу молчать я о народе, который люблю до слез. Не могу я молчать, потому что душа моя скорбит всегда о народе Божиим, и слезно молюсь я о нем.

Не могу я не поведать вам, братья, о милости Божией и о хитростях врага.

Сорок лет прошло с того времени, как благодать Святого Духа научила меня любить человека и всю тварь, и открыла мне хитрости врага, который обманом делает свое зло в мире.

Верьте мне, братья. Пишу пред Лицем Божиим, Которого познала душа моя Духом Святым по великой милости Его. А если не вкусит душа Духа Святого, то не может знать она ни Господа, ни Его любви.

Господь благ и милостив, но мы сказать о любви Его ничего не могли бы, кроме Писания, если бы не научил нас Дух Святой. Но ты, брате, не смущайся, если не чувствуешь в себе любви Божией, но помышляй о Господе, что Он – милостивый, и воздерживайся от грехов, и благодать Божия научит тебя.

***

Ныне люди стали гордыми и спасаются только скорбями и покаянием, а в любовь очень редко кто достигает.

Великий Антоний сказал: «Я уже не боюсь Бога, но люблю Его». Так он сказал, потому что в душе его была большая благодать Святого Духа, Который свидетельствует эту любовь,

и тогда душа не может сказать иначе. Но кто не имеет великой благодати, того Святые Отцы учат покаянию; и покаяние не далеко от любви, которая приходит по мере простоты и смирения духа.

Если кто помышляет о брате доброе, что любит его Господь, и особенно если ты помышляешь, что в душе его живет Святый Дух, то ты близок к любви Божией.

Кто-нибудь скажет: все-то он рассуждает о любви Божией.

Но о чем же более рассуждать, как не о Боге? Ведь Он создал нас для того, чтобы мы вечно с Ним жили и видели славу Его.

Кто что любит, тот о том и говорить хочет; а потом вырабатывается привычка: привыкнешь Бога мыслить, так и будешь всегда в душе Его носить; привыкнешь мирское помышлять, так и будешь умом всегда в этом; привыкнешь мыслить страдания Господа, привыкнешь думать о вечном огне, так и усвоится это в душе.

В добром Бог помогает, а в худом – враги, но зависит это и от нашей воли; надо себя понуждать на добро, но умеренно, и знать свою меру.

Надо изучить свою душу, что ей полезно; одному полезно больше молиться, другому читать или писать. И читать полезно, но лучше нерассеянно молиться, а еще дороже плач; кому что дает Господь.

Конечно, восстав с постели от сна, должно благодарить Бога, потому каяться и молиться досыта, а потом читай, чтобы ум отдохнул, потом снова молись и работай. Благодать приходит от всего доброго. Но больше всего от любви к брату.

Однажды на Пасху шел я с вечерни в Покровском Соборе к себе на мельницу, и на дороге стоял один рабочий. Когда я приблизился к нему, он попросил меня дать ему яйцо. У меня не было, и я вернулся в Монастырь, взял у духовника своего два яйца и одно из них дал рабочему. Он говорит: «Нас двое». Я отдал и второе, и когда я пошел от него, то от жалости к бедному народу я заплакал, и стало мне жалко всю вселенную и всякую тварь.

Другой раз, тоже на Пасху, шел я из главной Монастырской порты в новый Преображенский корпус, и вижу бежит мне навстречу маленький мальчик, лет четырех, с радостным лицом – благодать Божия веселит детей. У меня было яйцо, и я отдал это яйцо мальчику.

Он обрадовался и побежал к отцу показывать свой гостинец. И за эту мелочь я получил от Бога великую радость, и возлюбил я всякое создание Божие, и Дух Божий был слышен в душе. Придя к себе, от жалости к миру я много с плачем молился Богу.

О, Душе Святой, обитай в нас всегда; с Тобою нам благо.

***

Я видел много милости от Бога, а по делам моим я должен был быть наказан и здесь на земле, и после смерти. Но Господь так любит человека, что мы и подумать о том не можем.

Счастлив грешник, который обратился к Богу и возлюбил Его.

Кто возненавидел грех, тот восшел на первую ступень небесной лестницы. Когда помысл не беспокоит на грех, это уже вторая ступень. А кто Духом Святым познал совершенную любовь к Богу, тот на третьей ступени. Но это редко с кем бывает.

Чтобы прийти в любовь Божию, надо соблюдать все, что заповедал в Евангелии Господь. Нужно иметь милующее сердце, и не только человека любить, но и всякую тварь жалеть; все, что создано Богом.

Листок на дереве зеленый; и ты его сорвал без нужды. Хотя это и не грех, но почему-то жалко и листок; жалко всю тварь сердцу, которое научилось любить. А человек великое создание. И если видишь, что он заблудился и гибнет, то молись за него и плачь, если можешь, а если нет, то хотя бы воздохни за него пред Богом. И душу, которая так делает, любит Господь, ибо она Ему уподобляется.

Так молился преподобный Паисий Великий за своего ученика, который отрекся от Христа и женился на еврейке, чтобы Господь простил его. И Господь до того был

рад этой молитве, что Сам восхотел утешить раба Своего, и явился ему, и говорит: «Паисие, что же ты молишься за того, кто отрекся от Меня?» Но Паисий сказал: «Господи, Ты Милостивый, прости его». Тогда Господь говорит: «О, Паисие, ты Мне уподобился любовью». Так приятна Господу молитва за врагов.

Я сам великий грешник, но пишу о милосердии Божиим, которое познала душа моя на земле Духом Святым.

***

Душа не может иметь мира, если не будет молиться за врагов. Душа, наученная молиться от благодати Божией, любит и жалеет всякую тварь, и особенно человека, за которого страдал Господь на кресте, и болел душою за всех нас.

Господь научил меня любить врагов. Без благодати Божией не можем мы любить врагов, но Дух Святой научает любви, и тогда будет жалко даже и бесов, что они отпали от добра, потеряли смирение и любовь к Богу.

Молю вас, испытайте. Кто вас оскорбляет, или бесчестит, или отнимает что ваше, или гонит Церковь, то молитесь Господу, говоря: «Господи, все мы – создание Твое; пожалей рабов Твоих и обрати их на покаяние», и тогда ощутимо будешь носить в душе своей благодать. Сначала принудь сердце свое любить врагов, и Господь, видя доброе желание твое, поможет тебе во всем, и Сам опыт покажет тебе. А кто помышляет злое о врагах, в том нет любви Божией, и не познал он Бога.

Если будешь молиться за врагов, то придет к тебе мир; а когда будешь любить врагов, то знай, что благодать Божия живет в тебе большая, но не говорю еще – совершенная, но достаточная ко спасению. А если ты поносишь врагов своих, то это значит, что злой дух живет в тебе и приносит в сердце твои злые помыслы, ибо, как сказал Господь, от сердца исходят помышления злые или добрые.

Добрый человек думает: всякий, заблудившийся от истины, погибает, и потому его жалко. А кто не научен Духом Святым любви, тот, конечно, не будет молиться за вра-

гов. Наученный любви от Духа Святого – всю жизнь скорбит о людях, которые не спасаются, и много слез проливает о народе, и благодать Божия дает ему силы любить врагов.

Если ты не имеешь любви, то хотя бы не поноси и не кляни их; и это уже лучше будет; а если кто клянет и ругает, в том ясно живет злой дух и если не покается, то по смерти пойдет туда, где пребывают злые духи. Да избавит Господь всякую душу от такой беды.

Поймите. Это так просто. Жалко тех людей, которые не знают Бога или идут против Бога; сердце болит за них, и слезы льются из очей. Нам ясно видно и рай, и муку: мы познали это Духом Святым. Вот и Господь сказал: «Царство Божие внутри вас есть» (Лк.17:21). Так отсюда еще начинается вечная жизнь; и мука вечная отсюда начинается.

***

Не могу я понять, почему люди не просят у Господа мира?

Ведь Господь так много нас любит, что ни в чем не откажет. Я раньше этого не знал и думал: станет Господь заботиться обо мне, когда столько оскорблял я Его? Но когда душа моя наполнилась любви Божией и сладости Духа Святого, и так много, что если бы Господь спросил меня: «Хочешь ли, Я дам тебе больше Моей любви и благодати Святого Духа?», то душа моя сказал бы: «Ты видишь, Господи, я не могу понести больше, но умру». И если так непостижима дивная милость Господня грешнику, то что сказать о Святых? Какую они имеют благодать?

Быть может, кто-нибудь скажет: «Почему меня Господь так не любит и не дает мне такую благодать?»

Так один старец сказал Великому Антонию: «Почему ты, Отче Антоние, трудишься меньше меня, а славу имеешь больше, чем я?» На это Антоний ответил: «Потому, что я больше тебя люблю Бога».

И мы должны помнить это, и помнить, что кто любит Бога, тот любит и брата своего, как говорит Иоанн Богослов (Ин. 1, 4, 21); и когда нас кто-нибудь обижает, надо за него

молиться Богу, как за себя; и так это обратится в привычку. Мы сами немощны, но Господь помогает нам в этом, ибо Он нас много любит.

***

Воротимся назад и опять начнем говорить о том же. Как мы едим хлеб и пьем воду каждый день, и на другой день живое тело все же снова хочет пить и есть, так и память благодетей Божиих не утомляет душу, но еще больше располагает ее помышлять о Боге.

Или еще: чем больше дров подкладывать в огонь, тем больше бывает жару, так и о Боге чем больше думаешь, тем больше становится жар любви и ревности к Нему.

Если бы люди знали, что есть любовь Господа, то они стадами бежали бы ко Христу, и Он всех согрел бы Своею благодатью. Его милосердие неизреченно. Душа от любви Божией забывает землю.

Господь много любит кающегося грешника и милостиво прижимает его к Своей груди: «Где был ты, чадо Мое? Я давно жду тебя». Господь всех зовет к Себе евангельским гласом, и голос Его слышен во всей вселенной: «Придите ко Мне все труждающиеся, и Я успокою вас. Придите и пейте воду живую. Придите, познайте, что Я люблю вас. Если бы не любил, то не звал бы. Я не могу терпеть, чтобы погибла хотя бы одна моя овца. И за одну Пастырь в горы идет искать».

«Придите же ко Мне, овцы Мои. Я создал вас, и люблю вас.

Любовь Моя к вам свела Меня на землю, и Я все претерпел ради вашего спасения, и хочу, чтобы вы познали Мою любовь и сказали, подобно Апостолам на Фаворе: «Господи, хорошо нам с Тобою».

Слава Господу Богу, что Он дал нам Единородного Сына Своего ради нашего спасения.

Слава Единородному Сыну, что Он благоволил родиться от Пречистой Девы, и страдал за наше спасение, и дал нам Свое Пречистое Тело и Кровь в жизнь вечную, и ниспослал нам Духа Святого на землю.

Дух Святой открывает нам тайны Божии. Дух Святой научает душу неизглаго-

ланно любить людей. Дух Святой так украшает душу и тело, что человек становится похожим на Господа во плоти, и будет вечно жить с Господом на небесах и видеть славу Его. В вечной жизни все люди будут похожи на Господа.

И никто не мог бы познать этой тайны, если бы не открыл ее Дух Святой. Господь радостный и сияющий, и люди будут сиять подобно Ему, как Сам Господь сказал, что праведники воссияют, как солнце; и Апостол Иоанн Богослов говорит, что будем подобны Ему.

***

До слез жалко мне людей, которые не знают Бога, не знают Его милостей. Нам же Господь показал Себя Духом Святым, и мы живем во свете Его святых заповедей.

Чудное дело.

Благодать дала мне познать, что все люди, любящие Бога и хранящие заповеди Его, исполнены света и похожи на Господа; а идущие против Бога – исполнены мрака и похожи на врага.

И это естественно.

Господь есть Свет, и Он просвещает Своих рабов, а те, кто служат врагу, от него восприняли мрак.

***

Знал я одного мальчика. Вид его был ангельский; смиренный, совестливый, кроткий; личико белое с румянцем; глазки светлые, голубые, и добрые и спокойные. Но когда он подрос, то стал жить нечисто и потерял благодать Божию; и когда ему было лет тридцать, то стал он похож и на человека и на беса, и на зверя и на разбойника, и весь вид его был скаредный и страшный.

Знал я также одну девицу очень большой красоты, с лицом светлым и приятным, так что многие завидовали ее красоте. Но грехами потеряла она благодать, и стало скверно смотреть на нее.

Но видел я и другое. Видел я людей, которые пришли в монахи с лицами, искаженными от грехов и страстей, но от покаяния и благочестивой жизни они изменились

и стали очень благообразными.

Еще дал мне Господь увидеть на Старом Русике во время исповеди иеромонаха-духовника во образе Христа.

Он стоял в исповедальне невыразимо сияющий, и хотя он был весь белый от седины, лицо его было прекрасным и юным, как у мальчика. Подобным образом видел я одного епископа во время Литургии.

Видел я также отца Иоанна Кронштадтского, который от природы был обыкновенный по виду человек, но от благодати Божией лицо его было благолепно, как у ангела, и хотелось на него смотреть. Так грех искажает человека, а благодать красит его.

***

Есть люди, которые говорят, что Бога нет. Так говорят они потому, что в сердце их живет гордый дух, который и внушает им ложь на Истину и на Церковь Божию. Они думают, что они умные, а на самом деле не понимают даже того, что мысли эти не их, а исходят от врага; но если кто примет их сердцем и полюбит, то так и сроднится с злым духом. И не дай Бог никому умереть в таком состоянии.

А у святых в сердце живет благодать Святого Духа, которая роднит их с Богом, и они ясно чувствуют, что они духовные дети Отца Небесного, и потому говорят «Отче наш» (Рим.8:15-16; Гал.4:6-7).

Душа при этих словах радуется и веселится. Духом Святым она знает, что Господь – наш Отец. Мы хотя и созданы из земли, но Дух Святой живет в нас и делает нас похожими на Господа Иисуса Христа, как дети бывают похожи на своего отца.

***

Человек создан из земли; что доброго может быть в нем?

Но вот милость Божия украсила человека благодатью Святого Духа, и он стал подобен Иисусу Христу, Сыну Божию.

Велика сия тайна, велика и милость Бога человеку.

Если бы все народы земли знали, как любит Господь человека, то все возлюби-

ли бы Христа и Христово смирение и желали бы во всем уподобиться Ему. Но самому человеку невозможно сие, ибо только в Духе Святом становится человек подобен Христу. Падший человек покаянием очищается, и обновляется благодатию Святого Духа, и делается во всем похожим на Господа.

Так велика милость Божия к нам.

Благодарим Тебя, Господи, что Ты дал на землю Духа Святого, и Он учит душу познанию о том, чего никогда не предполагала она знать.

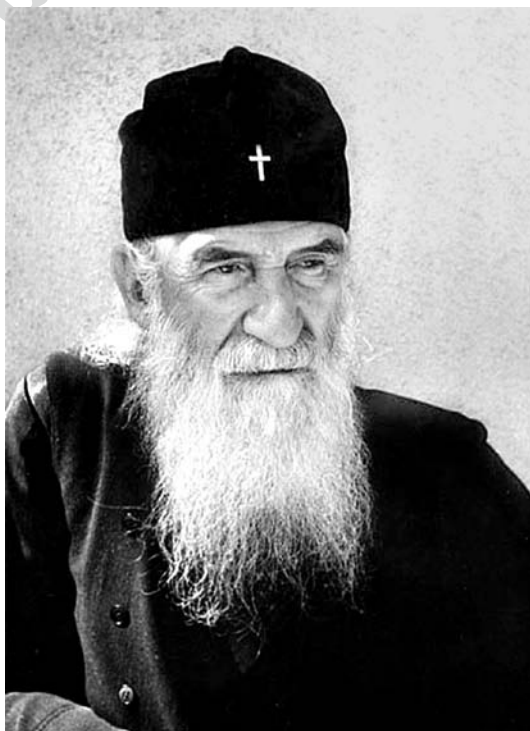
Дух Святой учит нас смирению Христову, чтобы душа всегда носила в себе благодать

Божью, которая веселит душу; но в то же время Господь дает душе печаль за людей и слезную молитву, чтобы все народы познали Господа и насладились бы любовью Его.

***

Кто познал любовь Божию Духом Святым, тот не знает покоя ни днем ни ночью, и хотя изнемогает тело и хочет лечь на койку, но и на койке неутомимая душа всею силою влечётся к Богу, Отцу своему. Господь сроднил нас.

«Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, да будут и они в Нас едино» (Ин.17:21). Так Господь Духом Святым творит из нас единую семью с Богом Отцом.

Иустин Попович (1894-1979),
архимандрит, прославленный в лике
преподобных Сербской православной
церковью, доктор богословия.
Автор многочисленных духовных
произведений.

Единственное утешение человечества

Достоевский несомненно и неопровержимо доказал одно: дьявол есть. Но если бы он не доказал так же несомненно и неопровержимо, что Бог есть, – горе ему, лучше было бы, чтобы его из колыбели сразу в гроб перенесли. Но еще хуже было бы нам, так как без Бога невозможно вынести ужасающее присутствие страшного дьявола Достоевского. От поверхности до сердцевины загорчил Достоевский жизнь наигорчайшей метафизической горечью, отравил ее отравой наиужаснейшего скепсиса. Из бурлящего вулкана своей кипучей души неустрашимый исповедник атеизма извергает лаву огнедышащего отчаяния и затопляет несчастных жителей жалкой планеты нашей. Славянский «дьяволодицеист» имеет при себе устрашающие аргументы: мир и человечество за него; через существование вот такого мира и такого человека он доказывает суще-

ствование дьявола. Мир дьяволу подчинен, и человек дьяволу подчинен. Такой, какой есть, мир – это результат или отчаяния, или безумия. Такой, какой есть, человек – это переход и проход для некоего беспредельного отчаяния, которое на своем бешеном пути временно облекается в него как в тело свое.

Дьявол есть. Но разве можно жить в мире, где дьявол есть, а Бога нет?

Можно, – отвечает Достоевский, – но такая жизнь неминуемо завершается сумасшествием или самоубийством; третьего не дано. Можно для многих; и эти многие пусть бросают якорь души своей в пучину отчаяния и остаются навсегда в нем. Но для бурной души Достоевского невозможно жить в мире, где дьявол есть, а Бога нет. Такой мир не дает покоя Достоевскому, а все время вынуждает его неустанно искать Бога, Который мог бы объяснить и оправдать все существующее;

такой человек вынуждает Достоевского искать бессмертия, которое могло бы осветить и осмыслить этот смертный фрагмент, называемый человеческой жизнью. Без Бога мир – невыносимая бессмыслица; без бессмертия человек – воплощение непростительной насмешки. «Нет Бога, нет бессмертия – чего ради тогда жить?» – вопиет Достоевский. Весь мир, весь человек, все человечество – дьяволу подчиненные и не могут быть смыслом жизни. Достоевский пробивается сквозь них, вырывается из людоедской пасти этого трехмерного чудовища и погружается в океан Вечности, разыскивая смысл жизни; он проходит через все временное и смертное в человеке, отыскивая в нем микроскопические остатки бессмертного и вечного. И после мучительных и долгих исканий он решительно и бесстрашно выражает опытом обретенное убеждение: «Без веры в свою душу и в ее бессмертие бытие человека неестественно, невыносимо и невыносимо». Только с помощью веры в свое личное бессмертие человек начинает быть человеком.

Идея бессмертия неизбежно постулирует существование Бога. Без Бога она ирреальна, абстрактна, бессодержательна. «Бессмертие души и Бог – это все одно, одна и та же идея», – пишет Достоевский. Без идеи Бога идея личности невозможна; личность обусловлена Богом. Без Бога нет личности. Бессмертие души есть, потому что Бог есть; Бог есть, потому что бессмертие души есть. Одно содержится в другом; одно невозможно без другого. Бессмертие – в Боге. Бог имманентен бессмертной сущности человеческой личности. Присутствие Бога в человеческой природе проявляется в форме ощущения личного бессмертия. Если это ощущение разовьется в сознание, то оно от самосознания прокладывает самый надежный путь к богопознанию. В душе человеческой находится неопровержимое доказательство существования Бога.

Ощущение бессмертия, сознательно или бессознательно, понижает человека от сердцевины сознания до самых темных

инстинктов. Оно всегда действует, хочет того человек или нет, поскольку обладает невероятной жизнестойкостью. Человек может его своей волей сознательно парализовать, но никак не уничтожить или искоренить. У современного европейского человека парализованность чувства бессмертия уже почти полная. Человек слишком сложен, его нужно упростить – это Европа и делает, парализуя чувство бессмертия. Но как бы ни было парализовано, оно очень часто проявляется в форме метафизической, космической грусти, в форме Weltschmerza, мировой скорби, в форме тоски, душевного беспокойства и недовольства. В конце концов, страшно то возмездие, которым парализованное, подавленное чувство бессмертия воздает своему тирану: лишает его высшего смысла жизни и уводит в идолопоклонство. И человек неутомимо создает идолов и богов, ибо такова ирония жизни – как только человек парализует свое чувство бессмертия и перестанет верить, что он бессмертен и бесконечен, что его Бог создал бесконечным, то сразу же начинает создавать богов и идолов. Это нам Достоевский гениально показывает на своих бунтующих антигероях, морталистах. В них мы наблюдаем банкротство всего человеческого, ощущаем смертный кризис всех богов, созданных по образу и подобию европейского человека. Боги Европы не смогли ни отстоять свою божественность, ни разрешить проклятые вопросы Достоевского. Это ненастоящие боги для ненастоящих верующих – в них верят легковверные и маловерные. А где же Бог, в Которого мог бы уверовать Достоевский? Есть ли Бог для Достоевского? Кто может иметь смелость предложить Достоевскому себя в качестве бога? И если есть, то не искушал бы ли его Достоевский страшными искушениями, не испытывал бы ли ужасными соблазнами и не победил бы ли? Легко быть богом для легковверных, а кто будет богом для Достоевского? Кто ответит на его бунт? В роскошном пантеоне Европы есть много богов, но нет ни одного, который бы мог решить вечные проблемы и смирить бунтарную и бурную душу Достоевского.

Растревоженному вихрем бессмысленного трагизма этого мира Достоевскому, чтобы не сойти с ума от ужаса и отчаяния, необходим Бог, Истинный Бог, необходим более, нежели кому бы то ни было другому – Шекспиру или Канту, Толстому или Негошу. Ему совершенно необходим Бог, Который был в человеке, Который был человек и не забыл от животного ужаса, что Он Бог. Ему необходим Бог, Который смотрел теми же глазами, что и человек, и осознал и оправдал человека, Бог, Который был заключен в пяти чувствах и не сошел с ума, Бог, Который испытал все боли, изведal все страдания человечества, и осознал их и оправдал, Бог, Который осознал смерть и оправдал так устроенный мир и так устроенного человека, Бог, Который всё осознал, оправдал, облагодетельствовал и ублажил. Если есть такой Бог, то это Достоевского Бог и Господь.

Гонимый безжалостным змием отчаяния, Достоевский с рыданием и криком бросился к ногам такого Бога, к ногам кроткого Господа Иисуса. «Я из этого (т. е. из бунта) вывел и доказал необходимость веры в Христа», – исповедуется он. Пресветлый Лик Богочеловека Христа пленил навеки терявшего ум богоборца. Богоборец стал богоприимцем. До дна его мятежной души проник благой взгляд Благого Иисуса, успокоил бурю его, укротил взбунтовавшийся дух его и покорил всё сердце его. Некогда дьволу подчиненный Достоевский стал Христу подчиненным. Совершилось великое таинство, решена проклятая проблема: Богочеловек Христос – единственное решение проблемы личности и мира, единственный смысл жизни, смысл и цель истории, оправдание жизни и идеал. Бунтарный христородец ранен сладостной стрелой любви Христа; победил «Пресветлый Лик Богочеловека, Его нравственная недостижимость, Его чудесная и чудотворная красота».

Горячо и безоговорочно Достоевский весь отдается Христу, молитвенно устремляется к Нему, «впивается» в Него, делает Его содержанием своей личности, пока Он не станет его всеобъемлющим и незаменимым

Богом и Господом. Пресветлый Лик Богочеловека – единственное очарование, которое неизменно все более и более очаровывает и никогда не разочаровывает. Очарованный Им до абсолютной и необратимой любви, спасенный Им от атеистического отчаяния и анархического безумия, Достоевский по-апостольски и исповеднически исповедует и проповедует, что Богочеловек Христос – единственная наинедобходимейшая необходимость для нашей планеты, единственный Спаситель от отчаяния и самоубийственного скепсиса, что спасение всех людей заключается единственно в безоговорочном и всецелом приятии Христа как смысла и цели жизни.

Говорят: нет Бога. Но откуда же чудесная Личность Христа? Разве наша жалкая планета могла создать сама по себе такое поразительное явление? – Христос не только доказывает, но и показывает Бога телесно. Каждым Своим чувством, каждой Своей мыслью, каждым словом, движением, каждым Своим деянием Он доказывает, что является Богом и человеком. В Нем нет ничего нереального, нет фантастического. Он – то, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши. Он в каждый момент божественно безгрешен и по-человечески реален, божественно совершенен и по-человечески доступен. Кто может обвинить Его во грехе, если не смогли обвинить даже самые лукавые соглядатаи сердца человеческого – фарисеи и саддукеи, глаза которых, направленные на Него, превращались то в телескоп, то в микроскоп, лишь бы обнаружить в Нем хотя бы одну молекулу греха? Безгрешность Его несомненна; это неизбежно чувствует и осознает каждый, кто хоть раз серьезно всмотрелся в Его чудесный и восхитительный Лик. Безгрешностью Своей Он доказывает Свою Божественность, телесностью Своей доказывает Свою человеческую сущность; чудесной и совершенной Личностью Своей Он неопровержимо доказывает, что является Богочеловеком.

Все, что Христос делал, Он делал, что-

бы и мы это делали; все, чем был Он, чтобы и мы этим были; все, что с Ним произошло, чтобы и с нами происходило. Он стал Бого-человеком, чтобы мы стали боголюдьми. Он жил богочеловеческой жизнью и сделал ее доступной и приемлемой для каждого человеческого существа. Когда Бог стал человеком, тогда нет ничего Божественного, что бы не могло стать человеческим. Когда Бог воплощен и воплощаем, тогда нет Божественного идеала, который был бы неосуществим и невоплотим в сфере человеческой жизни. Все слова Христа, все деяния Христа, все Его мысли и идеалы осуществимы и воплотимы в человеческой жизни. Многие не могут этого вместить и говорят: «Христос – великий человек, благородный философ, но половина Его философии неосуществима, она не для таким образом устроенных людей»; другие добавляют: «Он идеалист, идеализм Которого – не для нашей планеты». И одни, и другие изрекают хулу, которая не простится, ибо они развоплощают Богочеловека, эту высшую ценность, эту самую удивительную и самую чудесную Личность. Достоевский же решительно утверждает, что идеализм Богочеловека достижим для всего человечества.

Достоевский знает, во что верует; он поклоняется Богу известному – Христу Богочеловеку, засвидетельствованному надежно Апостолами и Мучениками, Святителями и Исповедниками. Он лично и опытно познал божественную силу Христа, Который его спас от самоубийства, отчаяния и скепсиса, и засвидетельствовал это по-апостольски и по-исповеднически. Он по-великомученически решителен и определен в своей вере в Христа. Он это исповедует ясно и горячо: «...Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие то минуты я сложил Символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот Символ очень прост, вот он: верить,

что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы остаться со Христом, нежели с истиной».

Христос больше, чем истина, больше, чем жизнь, больше, чем вся вселенная. Он единственный придает ценность всему и всякому. Где Он, там смысл и жизнь, значимость и оправдание, там вечность, там блаженное бессмертие. Он – мера всего, но Сам Он не подходит ни под какие человеческие меры. Для Достоевского Его Пресветлый Лик – единственное мерило всего видимого и невидимого. «На земле же воистину мы как бы блуждаем, – учит он, – и не было бы драгоценного Христова образа пред нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий пред потопом». Вне этого богочеловеческого Лица нет ничего ни в мире, ни в человеке, что бы могло служить положительным и непогрешимым мерилom кого бы то ни было и чего бы то ни было.

В наивности своей многие принимают совесть за мерило нравственности, совесть грешную и нагрешившую, совесть необоженную и необогочеловеченную. Достоевский не дал себя обмануть этим тонким соблазном, который весьма многих соблазнил. Для него: «...совесть без Бога есть ужас, она может заблудиться до самого безнравственного. Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения? Проверка же их одна – Христос».

Из книги
«Философия и религия
Ф. М. Достоевского»

СИЛА – В ЛЮБВИ к 85-летию со дня рождения Юрия Алексеевича Гагарина

12 апреля 1961 Юрий Алексеевич Гагарин совершил первый полет в космос на корабле-спутнике «Восток». Облетев земной шар за 1 час 48 мин., он благополучно возвратился на Землю...

После этого полета Ю. Гагарин получил всемирную известность и популярность. Его буквально боготворили... Тогда появился рассказ о том, что Гагарин-то в космос летал, а Бога не видел. Эту историю пытались использовать для государственной пропаганды атеизма, даже батюшек просили, чтобы они говорили об этом, отрицая существование Творца Вселенной.

Об этом очень хорошо рассказал Андрей Ефремов в повести «Гагарин и Малыш». «Вызвали, стало быть, батюшку и говорят: «Вы должны изречь перед своими прихожанами проповедь на тему: Гагарин в космосе летал, никакого Бога там не видел. Не произнесете – из церкви библиотеку сделаем и приход распустим. И вообще – в Магадан отправим!» Деваться некуда, священник ведь тоже

живой человек: дом, семья, дети. «Хорошо», – говорит. И вот в воскресный день батюшка после основной проповеди и изрекает: «Возлюбленные во Иисусе Христе братья и сестры, уважаемые наши гости! Вот говорят: Гагарин в космос летал, а Бога там не видел! А Бог Гагарина очень даже хорошо видел и, представляете, даже благословил его!»»

Каким же он был – Юрий Алексеевич?

В крестьянской семье Алексея Ивановича и Анны Тимофеевны Гагариных было четверо детей: Валентин, Зоя, Юрий и Борис. Отец плотничал, мать работала в колхозе животноводом. Юрий родился 9 марта 1934 года. До войны жили в селе Клушино Смоленской области. Много пришлось хлебнуть горя в военные годы. Пережили тяготы оккупации, голод, издевательства фашистов. Из дома их выгнали – вырыли землянку. Старших детей – Валентина и Зою – угнали в Германию, к сча-

стью, им удалось бежать и примкнуть к нашим войскам. Чуть не погибли младшие – Юра с Бориской.

Родители воспитывали детей примером своей жизни, да и словом наставляли. Случалось, наказывали, но всегда главной целью было, чтобы ребята поняли, как поступать нельзя и почему. Труд учили, скромности, порядочности, помогать тем, кому необходима помощь, как бы тяжело тебе самому ни было. «Помогают тогда, когда помощь нужна», –

говорил отец. Делились последним с теми, кто нуждался, хотя голодали сами. За успехи детей поощряли, но всегда с оговоркой, что нельзя зазнаваться.

После войны семья перебралась в Гжатск. Примечательно, что как раз в те годы настоятелем единственного действующего храма Гжатска был назначен (в 1948-м году) известный подвижник благочестия Русской Православной Церкви – игумен Никон (Воробьев). Очень вероятно, что родители Юрия Гагарина (а они были глубоко верующими людьми) с о. Никоном общались, а может быть, и сам Юрий. «У родителей Гагарина иконы висели в красном углу в большой комнате и на кухне. После полёта к Алексею Ивановичу пришло руководство из райкома: мол, у вас сын – космонавт, а в доме иконы висят. Но он иконы не снял... Я Юрия Гагарина и в то время всегда только крёстным звала. Бабушка рассказывала мне, как 13-летний Юра в храме носил меня на руках вокруг крестильной купели. Он и своих двух дочек маленькими крестил», – вспоминает Тамара Филатова, племянница Юрия, дочь его сестры Зои.

У него была очень чуткая совесть

Каким рос Юра Гагарин? Вполне обычным мальчишкой, очень живым, непоседливым, шаловливым. Хотя что-то его уже тогда отличало. Вот вспоминает одна из его учительниц: «Не было в шалостях Юры вредности, злости, грубости. Деликатным он был». А вот слова заведующей базовой школой Гжатска, в которой учился Юра, Елены Федоровны Луновой: «Ничем не отличался Юра? Отличался! Он умел почувствовать боль другого человека...». И еще: «Не припомню, чтобы он когда-либо не сдержал слова». Об этой его верности своему слову будут вспоминать потом многие. А вот пишет мама, Анна Тимофеевна: «Юра не то что выделялся своей добротой, а скорее, к доброте других призывал. Не словом (призывов ребята не любят), а делом. Он не стеснялся быть внимательным, вежливым, отзывчивым. А ведь обычно ребята в этом возрасте любят показаться грубее, чем есть на самом деле...

Юра с детства был по-особенному чутким, умеющим распознавать, что человек чем-то обеспокоен, расстроен. Хотя был ребенком – знал: взрослый тоже теплоты ждет. Я, во всяком случае, теплоту эту ощущала. Оказывается, другие тоже замечали».

А еще замечали: он всегда умел свои ошибки признавать и спешил исправить. Не боялся признать свою вину публично. Умел просить прощения. У него была очень чуткая совесть. А если он видел, что его поступок недостойный, что он кому-то причинил боль, переживал это очень глубоко, очень остро.

Совсем юным, окончив всего 6 классов, Юра принял решение поступать в ремесленное училище, чтобы начать зарабатывать и помогать семье, с трудом сводившей концы с концами. Теперь он учится на литейщика в Люберецком ремесленном училище № 10, одновременно занимается в вечерней школе. Учеба всегда давалась Гагарину легко, от природы он был наделен умом и прекрасной памятью, быстро все схватывал. Однако трудно приходилось, времени не хватало. Но Юрий успевал учиться сам, помогать в учебе товарищам, заниматься спортом, а в выходные помогал по хозяйству тетке, маминой сестре, которая жила недалеко от Москвы.

Отлично окончившие училище могли продолжить учебу по специальности. Так Гагарин оказался в Саратовском индустриальном техникуме. По-прежнему любил заниматься спортом. А на четвертом курсе представилась возможность записаться в аэроклуб. Сбылась давняя мечта – стать летчиком.

По характеру Юра оставался таким же веселым, живым, душой компании. Никогда не был незаметным «тихоней». Вместе с тем обладал большой силой воли, каким-то внутренним стержнем. «Иногда, мама, правильно поступать труднее, чем неправильно. Но я никогда не отступлю от принципов», – писал он матери в одном из писем.

Техникум Гагарин окончил с отличием. Но его уже неудержимо влекло к себе небо. В ведомости индивидуальных оценок пилотов первоначального обучения Саратовского областного аэроклуба ДОСААФ было сказано:

«Решение комиссии о дальнейшем использовании по специальности: курсанта Гагарина Ю. А. направить для дальнейшего обучения в 1-е Чкаловское военно-авиационное училище».

Началась увлеченная учеба в Чкалове (ныне Оренбург). Впрочем, из училища Гагарин чуть было сам не ушел: тяжело заболел отец, и Юра готов был бросить дорогое сердцу дело ради помощи семье. Но обошлось. В Оренбурге встретил Юрий свою невесту, Валентину Горячеву, которая вскоре стала его женой.

Когда был запущен первый искусственный спутник Земли и появились сообщения о запусках на орбиту собак, стало ясно, что не за горами и полет человека. Гагарин еще в юности был восхищен идеями Циолковского, они зацепили его. Вспоминал потом: «Читая в те дни газеты, описывающие полет второго искусственного спутника Земли, я размышлял: раз живое существо уже находится в космосе, почему бы не полететь туда человеку? И впервые подумал: почему бы мне не стать этим человеком? Подумал и испугался своей дерзости: ведь в нашей стране найдутся тысячи более подготовленных к этому людей, чем я. Мысль мелькнула, обожгла и исчезла».

Местом службы после окончания училища Гагарин выбрал Заполярье. Он вообще стремился всегда выбрать самое сложное и тяжелое – не для того, чтобы выделиться, и не ради похвалы, а ради того, чтобы другим было легче. Самое трудное взять на себя.

Вспоминает сослуживец Юрия Леонид Юрьевич Хоменко: «Легко и свободно вошел Гагарин в наш коллектив. Не выделялся делами, не стремился казаться лучше, чем на самом деле. Он был свойским, общительным пареньком с заражающей, неповторимой улыбкой. К нему шли, позволю себе сравнение, как на свет...».

Сказка становится былью

Отряд первых космонавтов решили набирать из летчиков-истребителей. Было просмотрено более 3500 личных дел. Отобрали 700 человек, которых стали приглашать сна-

чала для беседы. Соглашавшихся работать на «принципиально новой технике» подвергали жесточайшим медицинским комиссиям и испытаниям, которые проходили в несколько этапов. Так появился отряд из 20 человек, которых стали готовить к полету в космос. Одним из них был 26-летний старший лейтенант Юрий Алексеевич Гагарин.

Началась напряженная подготовка к полету. Теоретические дисциплины, парашютная подготовка, различные тренировки: центрифуга с огромными перегрузками, барокамера с пониженным содержанием кислорода, тепловая камера с жарой до 70-80 градусов, вибростенд, сурдокамера – пребывание в абсолютной тишине и одиночестве.

Говорят, сейчас подготовка космонавтов тяжела, но все же легче, чем тогда, когда никто не знал, что ждет человека в космосе. Поэтому испытывали и тренировали «с избытком». Тренировки были жестокими. Вспоминает Герман Титов: «Помню, посадят тебя в кресло, закрепленное на длинном коромысле, обвяжут тело всякими датчиками и счетчиками и начинают раскручивать. Через несколько секунд чувствуешь, что на тебя наваливается адская тяжесть. Будто слон наступил на грудь и давит, давит всем своим слоновьим весом. Веки наливаются свинцом, пальцы делаются пудовыми, и даже вдох и выдох стоят невероятных усилий, а врачи по радиотелефону требуют, чтобы ты им популярно объяснял, как себя чувствуешь и что при этом видишь и думаешь. А что тут будешь думать, когда центрифуга несется все быстрее и быстрее, а перегрузки достигают десятой кратности?».

Одним из испытаний была сурдокамера – «камера тишины». Человека на 10-15 суток полностью изолировали от внешнего мира и помещали в условия абсолютной тишины. При этом надо было не бездельничать, соблюдать определенный распорядок дня. Человек, находящийся в условиях длительной изоляции, без доступа к внешним впечатлениям и информации, может испытывать различные расстройства, вплоть до галлюцинаций. Перед испытанием в сурдокамере один из будущих космонавтов, Георгий Шонин, решил погово-

рить с Юрой Гагариным, чтобы тот посоветовал, как лучше справиться:

«...Юрий долго молча смотрел в чистое, но уже по-осеннему блеклое небо. Потом неожиданно спросил:

– Скажи-ка мне, у тебя есть любимое состояние души, в котором ты можешь находиться бесконечно долго?

Меня удивил и несколько озадачил этот, казалось бы, не относящийся к теме нашего разговора вопрос. Но тем не менее, подумав, я ответил:

– Конечно. Я могу часами смотреть на небо или подолгу сидеть на берегу моря и не шелохнувшись слушать прибой. И еще я люблю смотреть на огонь костра.

– А в это время ты разговариваешь, слушаешь людей или музыку?

– Нет. Я ухожу в себя. Все вокруг исчезает. И мне обычно кажется, что я остаюсь один на один с небом, водой или огнем.

– И тебе никогда не приходило на ум, что во всех этих трех вариантах ты имел дело с одним и тем же объектом – тишиной? Ты слушал ее, тишину!

Я удивился такому заключению, хотя возражать не стал. Над этим надо было подумать. А Юрий продолжал:

– Иногда я целиком отдавался тишине, какую даже трудно представить. Я всегда любил тишину. Тишину раздумий, тишину труда... Жаль, что в наш энергичный XX век мы все меньше обращаемся к ней, к тишине! – вздохнул Юрий и уже совсем другим тоном добавил: – Тебе предоставляется величайшая возможность 15 дней мыслить и работать в абсолютной тишине, слушать ее, милую. Так что пользуйся случаем! Теперь понял, в чем дело?

Да, я, кажется, понял. Юрий открылся мне с какой-то совершенно новой стороны. Стало ясно, почему в классе, в автобусе, в лесу во время прогулок, даже во время физзарядки этот непоседливый человек мог вдруг умолкнуть и отключиться на несколько минут от всего окружающего».

Из заключения комиссии о Юрии Гагарине при аттестации 23 августа 1960 года: «Любит

зрелища с активным действием, где преобладает героика, воля к победе, дух соревнования. В спортивных играх занимает место инициатора, вожака, капитана команды. Как правило, здесь играют роль его воля к победе, выносливость, целеустремленность, ощущение коллектива. Любимое слово – «работать». На собраниях вносит дельные предложения... Его очень трудно, по существу, невозможно, вывести из состояния равновесия. Настроение обычно немного приподнятое, вероятно, потому, что у него юмором, смехом до краев полна голова. Вместе с тем трезво-рассудителен. Наделён беспредельным самообладанием. Тренировки переносит легко, работает результативно. Развит весьма гармонично. Чистосердечен. Чист душой и телом. Вежлив, тактичен, аккуратен до пунктуальности. Любит повторять: «Как учили!» Скромен. Смущается, когда «пересолит» в своих шутках. Интеллектуальное развитие у Юры высокое. Прекрасная память. Выделяется среди товарищей широким объёмом активного внимания, сообразительностью, быстрой реакцией. Усидчив. Тщательно готовится к занятиям и тренировкам. Уверенно манипулирует формулами небесной механики и высшей математики. Не стесняет-

сы отстаивать точку зрения, которую считает правильной. Похоже, что знает жизнь больше, нежели некоторые его друзья».

Также руководители отряда и преподаватели отмечали, что Гагарин обладал живым природным умом. А Королев прочил ему большое будущее в науке, если Юрий получит высшее образование. Кстати, совсем незадолго до гибели Гагарин окончил Академию Военно-воздушных сил им. Н.Е. Жуковского, а его дипломной работой был проект многоразового космического корабля...

Одна из отличительных черт характера Гагарина – он жил для других, не думая о себе. И в этих испытаниях тяжелыми тренировками он тоже остался верен себе. Не жаловался, но старался подбодрить тех, кто начинал роптать и унывать. А еще он был начисто лишен зависти и соперничества. Готов был искренне радоваться успехам других. Часто бывает, что мы умеем плакать с плачущими, реже – радоваться с радующимися и уж совсем редко – радоваться тому, что кто-то тебя обошел в чем-то. А Юра радовался. Искренне. Это свойство подлинной любви.

Кто должен стать первым космонавтом? Кого выбрать из 20-ти прекрасных ребят? Почему выбор в итоге оказался именно таким? Этот вопрос задавали и задают... Юрий Гагарин не был определенно лучшим по всем показателям. В каждом из видов испытаний выделялся кто-то один из группы. А в целом по физическим характеристикам лучшим был, как считали, Герман Титов. Но... как отмечают авторы многих воспоминаний: «Юра был самым обычным, таким, как все, но не заметить его было невозможно». «Что-то было в нем такое, что сразу же бросалось в глаза, не кричало, но привлекало сильнее любого чудодейственного магнита», – писал Олег Генрихович Ивановский, ведущий конструктор первых космических кораблей. Мне кажется, секрет тут все в том же внутреннем свете души, свете любви к людям.

Примечательно, что руководители отряда провели опрос среди самих ребят: кто, по их мнению, должен стать первым. Почти все называли Гагарина. Сам он написал имя Павла

Беляева. Очень любил Гагарина Сергей Павлович Королев. Важной была способность Юры не терять хладнокровия ни при каких обстоятельствах, тогда как у Титова был несколько взрывной характер, его можно было «завести». А ведь никто не знал, что ждет человека в космосе, от первого космонавта ждали того беспредельного самообладания, которым отличался Гагарин.

И все же, сузив круг кандидатов на первый полет до двух человек, руководители почти до последнего не могли определиться, кого посылать первым: Титова или Гагарина. Трудно сказать, что конкретно повлияло на итоговый выбор.

В этой связи примечательной кажется находка Алексея Леонова: «Я совсем недавно нашел у К.Э. Циолковского очень интересную записочку, о которой мало кто знает. Он писал: «Я свободно представляю первого человека, преодолевшего земное притяжение и полетевшего в межпланетное пространство. И я могу без труда обрисовать его. Он русский, гражданин Советского Союза, по профессии, скорее всего, летчик. У него отвага умная, лишенная духовного безрассудства. Представляю его открытое русское лицо, голубые глаза сокола». Циолковский это написал в 1935-м году. За 26 лет до полета Гагарина! Тогда Юрию и года не было... Точно знаю, что, когда Юрия выбрали, сей документ известен не был».

Хочется привести здесь ряд воспоминаний родных Юры об этом периоде его жизни. Вот говорит старший брат, Валентин Гагарин: «Сейчас, через годы, вспоминается мне его смущение, когда атаковали мы его вопросами о новой работе, и понимаю я, как невероятно трудно было Юре в те минуты. Он никогда не умел лгать, правдивость была едва ли не самой заметной чертой в его характере. Иногда, чтобы не обидеть нас молчанием или резким ответом, он говорил вынужденную полуправду: да, летаю, да, прыгаю с парашютом, да, занимаюсь спортом. Все это, мол, необходимо летчику-испытателю».

А вот эпизод, сохранившийся в памяти матери, Анны Тимофеевны: «О работе его было нам известно только одно: занят он

от зари до зари, упорно учится, занимается спортом, проходит какие-то испытания... Сейчас припоминаю: среди множества тем поднималась и о полете в космос живых существ. Слетали и возвратились на Землю в космическом аппарате собаки.

Однажды я заметила:

- Так, пожалуй, и человек полетит.
- Полетит! – громко сказал Юра.

Алексей Иванович вступил в разговор:

- Ты, что ль, собрался?

Нет! Не было в этом вопросе никакого желания разузнать о Юриных планах. Алексей Иванович, как всегда, в разговоре постарался осадить, на его взгляд, нескромного человека. Хвастовства он не любил, никому его не прощал. В ответе сына ему послышалась, верно, нескромность, вот он и вмешался. Юра ему ответил:

- Поручат, и полечу.
- Тю-тю-тю, полетишь! – с укоризной передразнил Алексей Иванович. – Там ученый потребуется, не тебе чета.

Юра не обиделся, посмеялся. Алексей Иванович тоже был удовлетворен: воспитательную работу провел. Не подозревали мы, что сын намекает нам о своем будущем».

Звездный путь

Итак, всего за несколько дней до предполагаемого старта Юрий Гагарин был утвержден в качестве первого космонавта. Герман Титов – дублером.

Волновался ли Гагарин? Несомненно. Помимо обыкновенного для человека страха перед неизведанным, он прекрасно знал все риски. Знал, что вероятность благополучного возвращения – 50/50. Но... всех изумляло абсолютное спокойствие Юры. Он был не просто внешне абсолютно спокоен, он еще ухитрялся подбадривать и успокаивать очень сильно волновавшихся Королева и других, ответственных за полет. Единственное, что он себе позволил, – за два дня до старта написал прощальное письмо жене, в котором выражал уверенность в том, что она поймет его шаг, что достойно воспитает дочерей, и просил поза-

ботиться о родителях. Письмо он отдал командиру отряда, генералу Николаю Каманину, и попросил отдать жене, если из полета не вернется.

Вспоминает профессор, доктор медицинских наук Ада Равгатовна Котовская, занимавшаяся подготовкой к полету первых космонавтов: «Волновался ли Юрий перед стартом? Да! Во время последней проверки датчиков и наших рекомендаций Юрий был молчалив, сосредоточен и очень серьезен. Изредка он напевал куплеты из популярных тогда песен, но больше молчал. За четыре часа до старта (есть у меня снятая ЭКГ) было видно, что Юра волнуется. Да кто бы не волновался! Просто он умел сдерживать свои эмоции».

«В начале апреля Юра уезжал в очередную командировку. Ничего особенного не заметила я. Он только настойчиво, несколько раз повторил: «Мама! Валю не оставляй!» – рассказывает Анна Тимофеевна Гагарина. Что сын имел в виду, она поняла, только когда утром 12 апреля ошарашенная невестка (жена сына Валентина), услышавшая сообщение по радио, прибежала к ней с известием: «Мама! Наш Юра – в космосе, командир космического корабля!».

А вот очень характерный для Гагарина эпизод. Вспоминает Евгений Анатольевич Карпов (кандидат медицинских наук, начальник Центра подготовки космонавтов):

«5 апреля 1961 года, то есть через две недели после первого посещения космодрома, группа космонавтов вновь отправилась на Байконур. Но теперь уже для прямого участия в грандиозном событии. Вылетели двумя тройками (одна – с Гагариным, другая – с Титовым) на двух самолетах Ил-14. Я оказался в группе с Гагариным и Поповичем. С нами и генерал Н. П. Каманин.

Вновь и вновь возвращаюсь мысленно к предстоящему полету в космос, пытаюсь представить, что думают космонавты о связанном с ним риске. А они увлечены шахматной партией. Мне же было не до шахмат, хотя я и равнодушен к ним. Наверное, вид у меня был озабоченный. Гагарин заметил, подсаживается в соседнее кресло, заводит разговор:

Церковь и время

– Да вы не переживайте, Евгений Анатольевич, все будет хорошо. Вот увидите.

И попросил:

– Ведь вы войну прошли. Расскажите, как это было?

Начинаю с того, как в блокированном фашистами Ленинграде довелось ускоренно заканчивать Военно-медицинскую академию...».

Дальше Евгений Анатольевич описывает завязавшийся разговор и отмечает: «И тут, признаюсь, захотелось мне обнять этого молодого и очень симпатичного человека. За его любознательностью я остро почувствовал большую человеческую доброту, внимательность, душевность натуры. Ведь неспроста затеял Гагарин эту беседу, старался отвлечь меня от нелегких раздумий...».

Информация о том, как проходил сам исторический полет, до совсем недавнего времени была засекречена. Но сейчас можно легко найти запись доклада Юрия Гагарина 13 апреля 1961 года, где он подробно рассказывает специальной комиссии о своем полете и отвечает на вопросы. Доступна полная аудиозапись. А ее расшифровка приводится и во множестве печатных изданий, и в Интернете. Я остановлюсь лишь на нескольких моментах и замечу, что некоторые нештатные ситуации, возникшие в ходе первого полета человека в космос, вполне могли привести к трагедии.

Итак, началось все с того, что сам старт был задержан примерно на 2 часа. Гагарин уже сидел в кабине «Востока», когда выяснилось, что не срабатывает датчик герметичности. Пришлось срочно откручивать крышку и ставить ее обратно. Томительное ожидание. Но Юрий спокоен, шутит по радию с переживающим Королевым, напевает песенки.

Момент старта. Знаменитое «Поехали!».

Интересный факт. К Гагарину были прикреплены датчики – для медиков. Так вот, его пульс, до того нормальный, при объявлении пятиминутной готовности – 108, в момент старта и подъема – 130-150 и больше, на орбите – 97, при посадке – 112 ударов в минуту. А внешне он был спокоен и абсолютно ровным, спокойным голосом докладывал на Землю о том, как идет полет. Только восхищения

иногда не мог скрыть: «Какая красота!».

Телевизионные средства связи позволяли получать изображение космонавта. Кстати, информация о том, что СССР отправил в космос человека, буквально сразу же оказалась в распоряжении наших главных конкурентов в космической гонке, американцев. США имели станции наблюдения, оснащенные аппаратурой, способной перехватывать телеметрию, идущую с советских спутников. Таким образом, перехват данных с «Востока» начался, как только корабль попал в зону видимости американских станций. Данные были получены и расшифрованы.

В первом полете управление решили доверить автоматике, поскольку медики не знали, как организм человека отреагирует на невесомость. Тогда всерьез опасались, что человек может повредиться рассудком и потерять адекватность. Переход на ручное управление осуществлялся по специальному коду, который хранился в запечатанном конверте. Правда, Гагарину несколько человек «по секрету» этот код сообщили заранее. Ручное управление он знал отлично и был готов в любой момент на него перейти, если автоматика на каком-то этапе не работает.

Гагарин производил на орбите какие-то простейшие эксперименты, которые ему были поручены. Тщательно фиксировал, записывал происходящее на магнитофон.

Следующая неприятность после задержки старта заключалась в том, что орбита оказалась выше расчетной, так как не выключился вовремя двигатель третьей ступени. Это было чревато тем, что корабль в случае нештатной ситуации не сможет вовремя сойти с орбиты. Об этом Гагарину с Земли решили не сообщать.

На орбите все было нормально. Но вот ТДУ – тормозное двигательное устройство – сработало вовремя, но нештатно. Корабль начал кувыркаться – вращаться с большой скоростью, «голова-ноги». А так же не произошло отделения спускаемого аппарата от приборного отсека. Это могло привести к катастрофе при вхождении в плотные слои атмосферы. Гагарин понимает: что-то пошло не так, ситуация опасная, но, подумав, решает: «панику

не стоит поднимать». Так он потом сказал в своем докладе. Разделение все же произошло минут через десять, и тогда прекратилась эта карусель, вращение. Спускаемый аппарат вошел в плотные слои земной атмосферы.

Из-за совокупности проблем спуск осуществлялся по более резкой траектории, чем предполагалось. Как следствие, перегрузки возросли запредельно, они достигли 12 g вместо ожидаемых 8-9 g. Юрий был тренирован переносить и такие перегрузки, но в какой-то момент у него потемнело в глазах, все поплыло, и только большим усилием воли он не дал себе отключиться.

После этого Гагарина ждало еще одно испытание. Шар – спускаемый аппарат – горел от трения об атмосферу, расплавленная обшивка текла по иллюминатору, было видно пламя, слышалось потрескивание, улавливался запах гари. Было непонятно: так должно быть или нет. Когда после полета отец спросил Юру, было ли ему страшно, тот вспомнил именно этот эпизод – когда он летел в огненном пылающем шаре.

На этом проблемы не кончились. Первые космонавты приземлялись отдельно от спускаемого аппарата – в нужный момент происходило катапультирование. Спускаемый аппарат приземлялся на своем парашюте, а космонавт на своем. Так вот, когда произошло катапультирование, у Гагарина не открылся клапан дыхания в скафандре – Юрий стал задыхаться. Оказалось, что тросик, по которому должен был поступать воздух, попал под одежду, когда Гагарина облачали в скафандр. 6 минут он пытался высвободить этот тросик, пока, наконец, ему удалось это сделать.

Но и это было еще не все. Внезапно открылся запасной парашют, что тоже опасно, было много случаев, когда в такой ситуации запасной парашют запутывался в стропах основного, тот схлопывался – и человек камнем летел вниз. Но, к счастью, второй парашют раскрылся. И хотя спуск на двух парашютах тоже, как говорят, достаточно опасен, но все же это не критично.

Следующая неприятность заключалась в том, что Гагарин летел прямо в ледяные

воды Волги. Управлять этими двумя парашютами было практически невозможно, но, к счастью, оторвался достаточно тяжелый неприкосновенный запас, который был прикреплен к скафандру на случай возможного приземления в различных условиях (там был запас еды, надувная лодка, еще что-то), и Гагарина ветром отнесло от Волги. Он приземлился на пашню. Приземление ожидали в Казахстане, но из-за совокупности нештатных ситуаций Гагарин приземлился в районе Саратова, по интересному совпадению, именно там, где он начинал путь летчика.

Потом О.Г. Ивановский напишет: «Тысячу раз прав оказался Королев, говоривший, что в Гагарине удивительно сочеталось все то, что должно быть у первооткрывателя. Он все, что надо, заметил, все сделал, как надо, ничего не упустил, не потерял самообладания. Он был тем, кем должен был быть первый землянин, взлетевший в космос».

«Опустела без тебя земля...»

После полета Гагарин больше не принадлежал себе. Он не ожидал этого. Не ждал и не искал славы, ему это вообще в голову не приходило. Он вообще не считал, что совершает нечто выдающееся или особенное, он просто выполнял свою работу. А когда эта фантастическая, невероятная слава на него обрушилась, то совершенно его не задела. Скорее, тяготила его, смущала, мешала. Он терпел ее как данность. Где была возможность, старался избежать пышных встреч и приемов. «Огонь и воду» пройти легче, чем «медные трубы». Это известно. Но Гагарин и это испытание выдержал с честью.

Вот его слова: «Я самый обыкновенный. Я обыкновенный русский человек, которых множество. Мои товарищи более опытные и способные, и поэтому их приберегли для более сложных задач, поскольку последующие полеты сложнее, чем первый. А меня отправили первым, как менее способного». А еще он говорил: «Мы никак не можем позволить себе остановиться, расслабиться, почить на лаврах. Лавры прибережем для супа...».

Любя людей, он радовался вместе с ними и дарил им радость. А мир не просто восхищался подвигом первого космонавта, люди ответили любовью на его любовь и свет его души. Его носили на руках – не в переносном, а в буквальном смысле слова, в его честь называли детей в разных странах, за автографом к нему выстраивались очереди... А он умел быть всем для всех, умел найти общий язык со всеми – от простых людей до королевы Англии, растопить лед предубеждения, не терялся ни при каких вопросах на пресс-конференциях и интервью. «От вездесущих мальчишек... до монархов и президентов – все были рады его рукопожатию, его автографу, его слову. С ним фотографировались, обнимались, ему дарили цветы, вручали ордена, провозглашали почетным гражданином больших и малых городов... Взвесьте – легко ли в 27 лет оказаться на виду у всей планеты?»

И еще: «Природа, наделив его многими хорошими качествами, дала и дипломатическую жилку. Сколько доброго он сделал для Родины за рубежом уже после того, как своим подвигом обратил внимание к нашей стране даже тех, кто почти ничего не знал об СССР. Он подружил с нами целые государства и народы. Семь лет его невероятной славы и около тридцати стран, которые он посетил, были не только для того, чтобы мир посмотреть и себя показать, хотя и это имело значение. Не было у нас дипломатических отношений с Бразилией – послали не государственного деятеля, не дипломата, а первого космонавта. Когда Гагарин вышел из самолета и сел в машину, тысячи жителей бразильской столицы подняли автомобиль с ним и несли на руках до президентского дворца. После этого визита наши страны обменялись послами...».

Он сделал очень много за свою короткую жизнь, и очень о многом можно еще рассказать. Я приведу здесь еще только несколько штрихов, несколько мгновений, запечатленных в памяти знавших Юрия Гагарина и составляющих драгоценный узор на полотне его жизни.

Валентина Гагарина: «Я и сейчас помню все дни, когда он бывал грустным и усталым,

расстроенным и даже злым. Но я не помню его равнодушным, безразличным... Он жил для людей... Он не умел отказывать. Каждую просьбу считал обязательной и мучился, когда ему не удавалось что-то сделать. Себе же он отказывал во многом – в отдыхе, в свободном времени, в расслабленности, которая порой так нужна, в каких-то желаниях».

Как-то вечером звонят из проходной на территорию Звездного городка: старик приехал из Сибири, дожидается Гагарина. Пришлось идти на проходную. Оказалось, пожилой человек лет 80-ти приехал в Москву откуда-то из района Читы с просьбой: разыскать могилу сына, погибшего в Великую Отечественную войну. Юрий Алексеевич тепло его выслушал, записал все данные, обещал помочь, дал ему денег на обратную дорогу. Более года потратил на поиски и нашел.

Гагарин отвечал на все письма, во множестве приходившие на его имя. И ответы эти не были формальными. Он отвечал вдумчиво, серьезно. Всегда старался понять человека. Говорят, он никогда никого не осуждал, ни о ком не позволял себе говорить плохо. Любил изречение: «Все приходит вовремя для того, кто умеет ждать».

Сергей Павлович Королев: «Юра был настоящим русским парнем – честным и добросовестным, открытым и жизнерадостным, смелым и талантливым, дорожающим своим добрым именем и очень любящим людей».

Космонавт Алексей Леонов: «Возможно, внимательные историки и биографы Юрия Гагарина найдут иные слова о главном в его характере, но нас особенно восхищала в нем

какая-то бездонная сила и устойчивость простых человеческих качеств – честности, прямоты, общительности, трудолюбия. И даже такой полет, такая слава не могли ни на йоту изменить его в худшую сторону. А что греха таить, такое могло произойти с кем-нибудь другим. Полет лишь ярко раскрыл человеческий талант Юрия. Это особенно было заметно для тех, кто начинал с ним».

Летчик-космонавт Георгий Шонин: «Гагарин как-то по-особенному, по-своему, воспринимал и чувствовал прекрасное. Красоту природы, человека... Он находил ее повсюду, порою даже там, где ее присутствие только угадывалось».

Константин Петрович Феокистов (инженер-разработчик космических кораблей, космонавт): «Юрий был умным человеком, обладавшим врожденным даром мгновенно оценивать ситуацию, выбрать нужную тональность разговора, найти общий язык с любым собеседником... Гагарину очевидно было не по душе, когда он чувствовал, что кто-то обойден вниманием».

Во время прогулки по лесу с женой: «Знаешь, о чем я думаю? – вдруг поворачивает голову, а глаза полны восторгом. – Хочу каждый день открывать мир заново!».

Несколько раз вместе с матерью Гагарин бывал у известной православной подвижницы схимонахини Макарии (Артемьевой). Старица говорила: «Он очень, очень хороший. Простой, как ребенок». Раз сказала ему: «Не летай больше. Тебе нельзя больше летать». Когда он погиб, старица Макария позвала священника, попросила заочно отпеть. Молилась об упокоении его души.

Очень тяжело пережил Юра смерть Сергея Павловича Королева. Мать пишет: «Мне кажется, что после смерти Сергея Павловича Королёва что-то изменилось в Юре».

А когда погиб космонавт Владимир Михайлович Комаров, Юра буквально весь почернел от горя. Полет Владимира Комарова осуществлялся на принципиально новом космическом корабле «Союз», который к пилотируемому полету был еще не готов, об этом свидетельствовали испытания. Гагарин приложил мак-

симум усилий, пытаясь достучаться до руководства, писал даже Брежневу, настаивая на том, что полет необходимо отложить до тех пор, пока не будет уверенности в технике. Но ничего не добился. А С.П. Королева, который, возможно, был бы в силах предотвратить катастрофу, уже не было в живых. Владимир Комаров предчувствовал, что не вернется из этого полета. Он мог отказаться, но не стал этого делать, т.к. тогда бы полетел Гагарин, назначенный его дублером. «А его надо беречь», – сказал Комаров.

Последний приезд в родной Гжатск, 4 декабря 1967 года, за 3,5 месяца до гибели. Мать вспоминает: «Уезжали на другой день вечером. Сели все в машины. Юра как будто не мог расстаться, все прощался, прощался. К одному подойдет, к другому, к третьему, опять к отцу, опять ко мне. Зою все спрашивал: что я могу для тебя сделать? «Возможно, дано было ему какое-то предчувствие...

Как он погиб? Только в 2013-м году, после того как Алексей Леонов обратился напрямую к Президенту России В.В. Путину, были рассекречены документы, лежавшие под спудом 45 лет, и открылась истинная причина катастрофы.

27 марта 1968 года летчик-инструктор Владимир Серегин и Юрий Гагарин совершали учебный полет вблизи деревни Новоселово Киржачского района Владимирской области. Вот что пишет Леонов: «В тот день, 27 марта 1968 года, Гагарин и Серегин должны были на высоте до 10000 метров летать, а выше – испытания Су-15, взлетевшего с экспериментального аэродрома ЛИИ (Летно-исследовательского института) в Жуковском, проходили. Если коротко, пилот этого истребителя-перехватчика режим нарушил: спустился под облака, на пейзажи посмотрел – так часто делают, потом форсаж включил и в облаках рядом с самолетом Гагарина, не видя его, на сверхзвуковой скорости прошел. Возмущенным потоком этот Су-15 учебный Миг-15 перевернул, в глубокую спираль загнал».

Татьяна Радынова

Воспоминания доцента Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина полковника Валентина Петрова.

(Интервью порталу «Интерфакс-Религия»)

– Валентин Васильевич, Вы близко дружили с Юрием Гагариным. Первый космонавт, по некоторым рассказам, был человеком верующим, хотя и не афишировал этого. Можно ли сказать, что православная вера была еще одним негласным, но связующим звеном вашей дружбы – молодых советских летчиков в те непростые для Церкви годы государственного атеизма?

– Юрий Алексеевич, как все русские люди, был человеком крещеным и, насколько я могу знать, верующим. Для меня незабываемой остается наша совместная поездка в Троице-Сергиеву лавру в 1964 году, как раз когда Гагарину исполнилось 30 лет. Он, такой заводной по натуре, как-то напрямую меня спросил, был ли я в лавре. Получив утвердительный ответ, предложил поехать еще раз, и мы отправились сразу же – вечером, переодевшись в «гражданку». Дураки дураками, конечно, потому что Гагарина ведь во что ни переодень... Когда мы пришли в лавру, толпа народу пошла к нему за автографами. Еще даже служба не успела кончиться, но все, узнав о приезде Гагарина, поспешили к нему. Вот такая была народная любовь к Юре, и он не мог никому отказать.

Юрий Алексеевич как личность вообще был уникален – он никогда не кичился своей славой. Если ты к нему обращался, он уже никого не видел и слушал только тебя. Равно как у детей его не было и нет напыщенности от осознания того, что они – дети первого космонавта.

Тогда, в лавре, нас, а в первую очередь, конечно, Гагарина, спас отец наместник. Он завел нас к себе в келью, где, по русскому обычаю, конечно, налил нам, и после третьей рюмки говорит: «Ну а кто мне поверит, что у меня в келье был Гагарин?» А Гагарин ему с ответным юмором: «Ну а кто не поверит?» Достал свою фотогра-

фию, надписал: «Отцу наместнику от Гагарина, с наилучшими пожеланиями» и подарил. Тот говорит: «Ну, это обмыть надо!». Мы и обмыли, конечно!

Потом отец наместник предложил нам посетить ЦАК. Мы удивленно отвечаем: «Что Вы, отче, да мы в ЦАГИ были!», имея в виду наш Центральный аэрогидродинамический институт. Потом выяснилось, что речь идет о Церковно-археологическом кабинете при Московской духовной академии. Мы туда, конечно, пошли, и там произошел случай, который меня потряс полностью. Когда мы подошли к макету храма Христа Спасителя, Юра заглянул внутрь, посмотрел и говорит мне: «Валентин, посмотри, какую красоту разрушили!» Очень долго он на него смотрел тогда...

Когда мы возвращались в тот раз из лавры, на нас такое впечатление произвело все увиденное, что мы ехали как под гипнозом. Юра мне неожиданно сказал: «Валентин, вдумайся в слова: «иже еси на небеси»». Я распахнул глаза: «Юрий Алексеевич, Вы что, молитвы знаете?!» Он говорит: «А ты думаешь, один ты их знаешь? Ну молчать-то ты умеешь». А ведь на дворе – 1964 год, время, когда Хрущев раздавал свои обещания «показать последнего попа»...

Для меня эта поездка даром не прошла, меня обвинили в том, что я Гагарина «тащу в религию». Гагарин же меня и спас, он сказал: «Как это так – капитан полковника тащит в религию?! Не он меня возил, а мы ездили на моей машине». В результате я получил выговор по партийной линии за то, что «ввел Юрия

Гагарина в православие», и теперь этим очень горжусь.

А спустя некоторое время после нашей поездки Юрий Гагарин, выступая на заседании пленума ЦК по вопросам воспитания молодежи, в открытую предложил восстановить храм Христа Спасителя как памятник воинской славы, как выдающееся произведение православия. Одновременно он предложил восстановить и разрушенную в то время Триумфальную арку. Мотив у Гагарина был очень простой: нельзя поднимать патриотизм, не зная своих корней. Поскольку храм Христа Спасителя – это памятник воинской славы, то люди, которые идут защищать Родину, должны это знать.

Никто на пленуме, конечно, не ожидал таких слов от первого космонавта, реакция была потрясающая, раздались бурные аплодисменты. Президиум, конечно, был серьезно напуган, но ничего сделать против Юрия Алексеевича они, разумеется, не могли.

– А как же знаменитая фраза, которую приписывают Гагарину, – «летал в космос, а Бога не видел»?

– Да это совершенно точно говорил не Гагарин, а Хрущев! Это было связано с пленумом ЦК, на котором решался вопрос об антирелигиозной пропаганде. Хрущев тогда ставил задачу для всех партийных и комсомольских организаций поднять эту самую пропаганду и сказал: ну что вы там за Бога цепляетесь? Вот Гагарин летал в космос, а Бога не видел. Однако спустя некоторое время эти слова стали преподноситься уже в другом аспекте. Стали ссылаться не на Хрущева, а на Гагарина, который ведь был любимцем народа, и такая фраза из его уст имела бы огромное значение. Хрущеву-то, мол, не очень поверят, а вот Гагарину поверят наверняка. Но у Гагарина никогда ничего об этом не было сказано, он такого произнести не мог.

– Эта поездка с Гагариным в лавру и положила начало Вашей традиции возить по святым местам своих учеников – студентов Военно-воздушной академии?

– В общем, так оно и было. После этого я съездил в лавру с Германом Титовым, который, кстати, был такой же православный человек.

PS.

По случаю полёта первого человека в космос Н.С. Хрущёв устроил приём в Кремле и, кроме всех прочих, пригласил туда и патриарха Алексия I. Патриарх отказаться не мог, хотя понимал, что подобное мероприятие ничего хорошего для Православной Церкви не предполагает. Так и случилось: важное место в своей речи на приёме первый секретарь КПСС уделил пропаганде атеизма. Выпады против веры вызывали, к сожалению, бурную положительную реакцию у некоторой части присутствовавших там партийных работников, сообщает Победа.Ru.

Святейшему патриарху была предоставлена возможность каким-то образом ответить на возражения, вероятно, это произошло во время беседы в кулуарах. Патриарх, человек тонкий и деликатный, стал расспрашивать Гагарина о его состоянии во время полёта. Тот, конечно, описывал состояние невесомости, и тут патриарх заметил, что тело, подчиняясь законам физики, грубо говоря, болталось в пространстве, а душа, не подчиняющаяся никаким материальным законам, оставалась на месте. Так, в противоположность материалистической доктрине Его Святейшества показал, что духовное выше материального.

Но эта тонкая защита патриарха от нападок воинствующих богопротивников была прервана неожиданным простым доказательством несостоятельности атеистической пропаганды в России. Некая женщина подошла к Его Святейшеству и взяла у него благословение. Сейчас в этом не нашли бы ничего удивительного. А тогда это прозвучало громом среди ясного неба. Кто такая? Кто её сюда допустил? Оказалось, что её, при всём желании, не допустить было невозможно. Потому что она пришла сюда на праздник своего сына. Это была мать первого космонавта Юрия Гагарина. Так простая женщина показала коммунистическим вождям бесплодность их усилий по борьбе с Церковью.

Потерянный гений России

Основатель многомоторной авиации Игорь Сикорский хорошо известен во всем мире как талантливый конструктор, вынужденный в годы революции покинуть Родину, поскольку был признан ею политическим предателем. Однако мало известна другая сторона его деятельности. В эмиграции, в США, Сикорский проявил еще и предпринимательский талант, создав крупнейший авиастроительный концерн, существующий и в наши дни.

Биографы Сикорского говорят, что всю жизнь он летел против ветра. Игорь Сикорский не был из тех счастливицов, у которых все и сразу получается. А началось все для него почти мистически, как это нередко бывает с одаренными людьми. «В 1900 году в возрасте 11 лет, – написал он в своих мемуарах, – мне приснился удивительный сон. Я увидел себя идущим по узкому коридору. По обеим сторонам были двери, отделанные орехом, как на пароходе, на полу лежал изумительный ковер. Сверху падал мягкий голубой свет электрических светильников. Когда я шел, пол под ногами слегка вибрировал, и вибрация эта была похожа на качку парохода. Я был убежден во сне, что нахожусь на борту огромного летающего корабля. Когда я проснулся, мне сказали, что человек еще никогда не создавал удачного летающего аппарата, и вообще, это несбыточно».

Вклад Сикорского в развитие воздухоплавания не был превзойден, пожалуй, никем. Авиацию, как и любую область техники, развивали тысячи людей. Но, как и везде, в ней есть звезды первой величины. Одной из таких ярких звезд является Игорь Сикорский. Помимо авиации есть еще одна область приложения ума Сикорского, которая до вре-

мени была сокрыта. Это религиозная философия. К философским размышлениям о природе и религии Сикорского направляла сама жизнь, тяжелейшие испытания, которые выпали на его долю.

Детство: «вылепить» гения

Будущий титан воздухоплавания появился на свет 25 мая (6 июня) 1889 года в Киеве. Это был пятый ребенок в семье доктора медицины Ивана Алексеевича Сикорского – профессора университета им. Св. Владимира. Старший Сикорский получил мировую известность благодаря многочисленным трудам по психиатрии, всеобщей психологии и нервно-психиатрической гигиене. Сыну он передал свою преданность престолу и православию, развивал в нем волю и целеустремленность. К тому времени, как Игорь подрос, у отца стало больше свободного времени. Если старших детей он всецело доверил попечительству супруги, то из младшего решил «вылепить» гения. Достаточно сказать, что Иван Алексеевич сам составил подробную программу развития Игоря и следил за тем, чтобы младший сын все выполнял неукоснительно. Единственное, за чем отец

не следил тщательно – за тем, чтобы мальчишка не испытывал перегрузок.

Но здесь уже о ребенке позаботилась мама. Мария Стефановна (в девичестве Темрюк-Черкасова), имевшая, как и отец, медицинское образование, привила маленькому Игорю любовь к музыке, литературе и искусству. Она считала, что когда человек читает, он мысленно переносится в другой мир, подчас другую эпоху, оставляя какие-то негативные эмоции и нервное истощение в настоящем. В домашней библиотеке было много книг Вальтера Скотта, Роберта Стивенсона, Майн Рида, Жюль Верна. Последний очень нравился Игорю. Особенно роман «Робур-завоеватель», в котором рассказывалось о гигантском воздушном корабле. Полет на нем, приснившийся ему однажды – стал мечтой и смыслом его жизни. Первый свой летательный аппарат – модель вертолета – Сикорский построил в 12 лет.

Учение: диплом по совокупности выполненных работ

Игорь Сикорский начал учиться в 1-й Киевской гимназии, но вскоре пожелал пойти по стопам старшего брата и поступил в Морской кадетский корпус в Петербурге. Однако с каждым годом он все яснее осознавал свое истинное призвание. По окончании общеобразовательных классов он покидает корпус с целью поступить в высшее техническое заведение и стать инженером. Шел 1906 год, российские учебные заведения переживали последствия революционных событий и фактически не работали. Чтобы не терять времени, молодой Сикорский уезжает учиться в Париж, в Техническую школу Дювиньо де Лано. Через год он возвращается и поступает в Киевский политехнический институт. Однако его так захватывает идея построить летательный аппарат, что он забывает об учебе. Диплом инженера он получил только в 1914 году в Петербургском политехническом институте за создание многомоторных воздушных кораблей.

А в июле 1909 года во дворе своего киевского дома двадцатилетний студент завер-

шил сборку первого в России вертолета, доведенного до стадии натурных испытаний. Однако подъемная сила его была еще недостаточна. Одновременно Сикорский удачно экспериментирует с аэросанями собственной конструкции. На них, как и на вертолетах, он учится проектировать и строить воздушные винты, а затем направляет всю свою энергию на создание более перспективных в то время машин – самолетов.

«Русский Фарман»

Поначалу по-настоящему пилотируемая машина никак не получалась. Первые самолеты Сикорского могли только подпрыгивать. Но молодой конструктор не терял надежды. Семья поддерживала его во всех начинаниях. Успех пришел, когда весной 1911 года был построен пятый самолет Сикорского – С-5. На этом биплане Сикорский сдал экзамен на звание пилота, установил четыре всероссийских рекорда, совершил показательные полеты и даже покатал пассажиров. Ему нравилось быть не только конструктором и неизменным испытателем своих самолетов, но и обучающим летчиком. Газеты и журналы заговорили об авиамастерских и летной школе киевского студента, его называли «русским Фарманом». На своем шестом самолете Сикорский установил мировой рекорд скорости в полете с двумя пассажирами. Модернизированный самолет С-6А заслужил Большую золотую медаль Московской воздухоплавательной выставки в апреле 1912 года, а незадолго до этого Русское техническое общество наградило Сикорского Почетной медалью «за полезные труды по воздухоплаванию и за самостоятельную разработку аэроплана своей системы, давшей прекрасные результаты».

Карьера: во всем первый

Недоучившийся студент получил сразу два весьма лестных предложения из Петербурга: его приглашали на должность главного инженера учреждаемой военно-мор-

ской авиации и на должность конструктора только что образованного воздухоплавательного отделения акционерного общества «Русско-Балтийский Вагонный Завод» (РБВЗ). Он принял оба и переехал с группой ближайших сотрудников из Киева в столицу империи.

Благодаря такому стечению обстоятельств Сикорскому удалось внести большой вклад в создание особого рода войск — авиации русского военно-морского флота, и он по праву может считаться одним из его основателей. Однако, прослужив всего год, он уволился с флотской службы, отдав себя полностью работе на РБВЗ. С лета 1912 года он стал на этом заводе и главным конструктором, и управляющим, проявив не только инженерный, но менеджерский талант. В течение только 1912—1913 годов благодаря таланту и труду Сикорского в России появились впервые: гидросамолет; самолет, проданный за рубеж; специально спроектированный учебный самолет; серийный самолет, самолет монококовой конструкции, первый пилотажный самолет. Одновременно на заводе было налажено лицензионное производство некоторых типов иностранных самолетов. Таким образом, Сикорский по праву может быть причислен к основателям отечественной авиационной промышленности.

«Русский витязь» и «Илья Муромец»

На российской земле Сикорскому было суждено дать жизнь одному из самых своих величайших творений. В марте 1913 года был построен первый в мире четырехмоторный воздушный гигант. Сначала он получил название С-9 «Гранд», а после некоторых доработок — «Русский витязь». Молва о воздушном гиганте покатила по России. В Европе удивлялись и не верили. Император Николай II выразил желание осмотреть самолет. Вскоре Сикорскому передали памятный подарок царя — золотые часы. Создание многомоторных самолетов-гигантов принесло Сикорскому

мировую славу. Он стал национальным героем России. Дальнейшее развитие конструкции «Русского витязя» — четырехмоторный «Илья Муромец». Он поднялся в воздух уже в декабре того же 1913 года. Переставленный на поплавки, он оставался до 1917 года самым большим гидросамолетом на свете.

Царское правительство ценило человека, умножавшего индустриальную мощь и славу страны. В 25 лет Сикорский стал кавалером ордена Св. Владимира IV степени. К 28 годам он уже был национальным героем. Но все это не вскружило ему голову. Он был полон творческих планов и далек от мирской суеты. И, конечно же, не подозревал, что совсем скоро Родина на долгие годы предпочтет забыть своего героя, вычеркнет его из истории.

Поворот в судьбе

С середины 1917 года все работы на РБВЗ практически остановились. Ни один из самолетов новой конструкции не был достроен. Новое руководство страны не интересовало тяжелые самолеты. Производство лихорадило митинги и забастовки. Солдаты на фронте и рабочие в тылу начали расправляться с неугодными им офицерами и инженерами. Сикорский был известен своей преданностью престолу. Ему угрожали и раньше. Но с приходом к власти большевиков улетучились последние надежды на восстановление прежних порядков. Сикорский вынужден был покинуть Рос-

сию, чтобы продолжить свои работы во Франции, куда его пригласило французское правительство. Но на деле оказалось, что на самолетостроение у Франции денег нет. В 1919 году Сикорский переезжает в США, где, как он считал, было больше перспектив для тяжелого самолетостроения. Но знаменитый конструктор и управленец на этот раз ошибся. За океаном, как и в послевоенной Европе, ассигнования в авиапромышленность стремительно сокращались. Он снова оказался никому не нужен, остался без средств к существованию и был вынужден работать учителем математики.

Сикорский и Рахманинов

Сначала Игорь Сикорский в США безуспешно пытался организовать собственное дело с мормонами, которые в результате его обманули, фактически обобрав до нитки. В результате молодой эмигрант оказался на улице в потертом костюме с 20 долларами в кармане. И на последние деньги вместо хлеба он купил билет на концерт Сергея Рахманинова, приехавшего на гастроли в Чикаго. После концерта Сикорский подошел и поблагодарил Рахманинова за музыку. Тот, увидев соотечественника, обнял его, за кулисами они вместе выпили, разговорились. «А сколько тебе нужно для открытия фирмы?» — вдруг спросил Рахманинов. «500 долларов», — сказал Сикорский. Рахманинов молча кивнул и вытащил из кармана пачку банкнот. Там было 5 тыс. долларов. Так возникла самая знаменитая авиастроительная фирма США, которую создали в начале века за кулисами филармонии двое русских — гениальный композитор и нищий эмигрант-изобретатель.

Первый построенный в эмиграции самолет Сикорского S-29 был собран в 1924 году в помещении... курятника. Этот двухмоторный биплан стал самым крупным в Америке и одним из лучших в своем классе. Он сразу получил мировую известность, что послужило неприятным сюрпризом для большевиков, не ожидавших нового успеха

от ненавистного им «царского крестника и черносотенца». Имя Сикорского в СССР было предано политической анафеме.

До 1939 года Сикорский создал около 15 типов самолетов. С 1939 года он перешел на конструирование вертолетов одновинтовой схемы с автоматом перекаса, получивших широкое распространение. На его вертолетах были впервые совершены перелеты с дозаправкой в воздухе через Атлантический и Тихий океаны. Машины Сикорского применялись как для военных, так и для гражданских целей. А еще были летающая лодка, вертолеты с автопилотом, вертолеты-краны, вертолеты-амфибии — все это детища конструкторского и менеджерского таланта Сикорского.

Америка высоко оценила вклад Сикорского в развитие авиации и воздала ему по достоинству. Его имя (как гражданина США) включено в Национальный зал славы изобретателей наряду с Эдисоном, Ферми и Пастером. А почетная медаль Джона Фрица «за научно-технические достижения в области фундаментальных наук» в области авиации была присуждена только двум инженерам — Игорю Сикорскому и Орвиллу Райту. Только одному русскому — Игорю Сикорскому...

Человек и гражданин

В эмиграции Сикорский занимался не только созданием новой авиатехники. Он еще возглавлял толстовское и пушкинское

общества, занимался философией и богословием. При непосредственном участии Сикорского в Стратфорде выходила газета «Воскресение России. Голос русской монархической мысли». В ней он выступал и в качестве автора, публиковал воспоминания о царской семье, о Петре Столыпине и других людях из высшего круга российского общества начала XX века.

На фирме у Сикорского нашли работу и получили специальность многие бывшие подданные Российской империи, ранее к авиации отношения не имевшие. Игорь Иванович до конца жизни оставался одним из самых уважаемых жителей Стратфорда, города, где проживал, став гражданином США. Много сделал для пропаганды в Америке достижений русской культуры и науки, оказывал моральную и финансовую поддержку выходцам из России, эмигрантским периодическим изданиям православно-монархического направления, помогал общественно-политическим организациям.

Богослов и философ

Игорь Сикорский, будучи инженером от Бога, никогда не скрывал своих религиозных взглядов, был верующим православным человеком, а потому постоянно искал ответ на вопросы: зачем мы живем на Земле, в чем смысл жизни человека вообще? Свои христианские размышления Сикорский впервые опубликовал в начале 1940-х годов. Брошюра «Послание молитвы Господней» стала своего рода бомбой. Инженер-исследователь, скрупулезно разобрал каждый

элемент молитвы «Отче наш», разделив ее на две части, и сделал удивительно глубокие обобщения. Молитва и раньше исследовалась богословами, особенно православными, но это нисколько не умаляет работы Игоря Сикорского.

В другой работе, «Невидимая встреча», Сикорский исследовал суть искушения Христа дьяволом в пустыне и соотнес его с историей человечества. В статье «Эволюция души», а потом и в книге «В поисках Высших Реальностей», которая была написана в последние годы жизни, Сикорский суммировал результаты своих исследований и дал четкий ответ на вопрос о смысле жизни. Он полагал, что финальная стадия эволюции души в пределах земной жизни состоит в том, чтобы внутренним усилием и молитвой у человека развились желание и сила получить и выдержать Славу и Бремя Вечной Жизни.

Сикорский скончался 26 октября 1972 года. Он умер во сне, как праведник, жена обнаружила его навеки уснувшим со скрещенными на груди руками.

*Евгения Погодина,
обозреватель журнала Business Excellence*

Отрывок из статьи И.И. Сикорского «Приближение к Пропasti»

Духовное зло всегда присутствует в земной жизни. Но обычно ему противостоят силы добра и правды – те самые, что делают возможными жизнь и истинное развитие человечества. Однако иногда зло преодолевает это сопротивление. Когда это происходит, зло вызывает ужасные беспорядки, которые могут причинить длительный и даже непоправимый вред. Я считаю, что вообще духовное состояние человечества можно сравнить с физическим состоянием человека, укушенного бешеным животным. В течение дней или недель он может чувствовать себя хорошо, но если он вовремя не использует спасительную вакцину, смертельная инфекция будет прогрессировать и, наконец, вызовет вспышку мучительной агонии, за которой последует смерть.

В то время как вечное, мистическое значение проповеди Христа, Его самопожертвования, а также первородного греха не обсуждается в данной работе, все же, учитывая земные реалии, правильным будет утверждать, что религиозный идеализм и особенно Христианская вера обеспечили наиболее действенную спасительную вакцину, защитившую людей и нации от смертельного воздействия зловещего духовного зла, которое всегда находится рядом и готово нанести свой удар, как только духовное и моральное бодрствование прекращается.

Приход современной эры засвидетельствовал постепенное ослабление религиозного влияния, пока оно не оказалось на грани исчезновения с лица земли. Соответственно, духовное зло сумело заполучить беспрецедентное господство и в международном масштабе утвердить свои принципы, цели и средства их достижения.

Вышеуказанное утверждение может быть проиллюстрировано большим количеством различных примеров, подтверждающих избыток ненависти в современной жизни. Ненависть слепа и потому несёт угрозу физическо-

го уничтожения многим невинным людям, а также духовно уничтожает людей, активно её приветствующих. Невероятное количество и высокая степень ненависти в современной жизни очевидны. Уже известно, что двадцатый век установил рекорд на все времена, став самым кровавым из примерно двадцати пяти столетий зарегистрированной истории.

Глубоко обескураживающие и стремительные изменения также отмечаются по отношению к человеческой свободе. В начале двадцатого века лучшие люди мира считали саму собой разумеющейся безграничную ценность свободы личности, она в значительной степени уважалась и приветствовалась правительствами всех главных мировых наций. Помимо свободы вероисповедания, слова и печати, она включала в себя такие существенно важные свободы, как свобода выбора жилья, инициативы, работы, путешествий, эмиграции, и т.д. Удивительный прогресс науки и техники, интеллектуальных и материальных стандартов жизни, происходил, прежде всего, благодаря свободной деятельности свободных людей. В течение же последней прошедшей четверти нашего века эта свобода в ряде стран исчезла полностью, во многих других её уровень сильно ограничен.

На современную жизнь влияет и другой фактор, менее очевидный, чем ненависть, насилие и нападки на свободу, но столь же трагично значимый. Когда пожилого мудрого христианина спросили, что является главным правилом христианской жизни, он ответил, «Никогда не лги никому, а в особенности – себе». Вопиюще противореча этому принципу, современная жизнь в последнее время построена на ужасном самообмане и на целенаправленной дезинформации менее просвещенной части человечества. На смену случайной неумелой лжи прошлого сегодня пришла целая наука о том, как дезинформировать непросвещенных.

В результате всего этого усложнилось общение и честный обмен мнениями между группами людей и целыми нациями. Слова, обещания и торжественные обязательства стали развращенными и бессмысленными, тем самым поднимая насилие, запугивание и применение силы в статус единственно убедительных аргументов в процессе общения между группами людей и нациями.

Среди многих знаменитых пророчеств Достоевского есть и то, которое хорошо отражает вышеуказанную ситуацию. В романе «Преступление и Наказание» мы находим следующие представления главного героя Раскольникова: «Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований... Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе... Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше».

Ввиду сегодняшней действительности это предсказание уже не кажется странным и невероятным. Проникновение духовного зла, предсказанное Достоевским, проявилось в катастрофическом крушении моральной культуры, проявилось оно и в чудесном, стремительном прогрессе науки и индустриальной цивилизации. Д. Мережковский правильно определил, что причина этой трагедии уходит своими корнями в отказ от живой веры в Бога. Он задал вопрос белым людям: «Правда

ли, что для вас Христианство стало вымыслом?» И сам же ответил: «Будьте осторожны, потому что из-за этого вы и сами можете стать вымыслом». И действительно, даже в прошлом фундаментальные заповеди Христианства и других великих религий редко соблюдались в значительной степени, но они были приняты в качестве высших образцов совершенства и правды и потому имели огромное руководящее влияние.

В последнее время эта ситуация изменилась. Сегодня многие интеллектуальные и политические лидеры человечества по всему миру или открыто признают фундаментальные идеи Христа неправильными, считая примером для подражания идеи прямо противоположные, или втихомолку придерживаются этой позиции.

Две противоборствующих идеологии, в наши дни конфликтующие между собой так, как никогда ранее, могут быть определены следующим образом.

Основные принципы Христианской идеологии включают спасение через праведную жизнь, любовь к ближним, жизнь в согласии. Прямой и глубочайшей противоположностью этим принципам являются основы противоположной идеологии – спасение человечества посредством «временного» использования обмана, ненависти и принуждения.

Растущее глубокое разногласие, возникшее как следствие этого, может быть отмечено в ряде нижеследующих примеров. Христос сказал: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». (От Иоанна, 8:32). Полностью противореча этому, современные лидеры в широком масштабе принимают принцип скрытия правды, чтобы подавить или уничтожить свободу.

В целом Евангелие предостерегает от неуместного внимания и беспокойства о будущем течении жизни на земле и подчеркивает важность сегодняшнего дня и вечности. Вопреки этому современное лидерство извращает и отравляет ум нынешнего поколения и отвергает вечность, обращаясь в сторону фанатичной, идолопоклоннической преданности некоторым социальным

и экономическим достижениям, возможным на земле в будущем.

Заключенные в Евангелии истины подчеркивают бесконечную ценность каждой человеческой жизни, особенно выделяя её духовную сторону. Современная мысль отклоняет ценность отдельной человеческой жизни и духовной индивидуальности в пользу некоего будущего бесчеловечного и бездуховного социального устройства.

Примеров подобного рода сейчас рождается великое множество; надо твердо запомнить, что они – не вторичные особенности, но важнейшие принципы, управляющие ведущими мировыми идеологиями и, следовательно, определяющие характер хода истории.

Бывший посол США во Франции Уильям Дж. Буллит подчеркнул этот аспект конфликта. Он писал: «Глубочайшая моральная проблема современного мира – это противопоставление человека – Божьего творения с бессмертной душой, человеку – совокупности химических элементов, орудию в руках всемогущего государства, сконцентрированному на самом себе». Эта крупномасштабная духовная борьба теперь кипит по всему миру, при этом вышеупомянутые идеи и мысли завоевывают признание повсюду.

Такой главенствующей концепцией, в значительной степени заменившей веру в Бога и, следовательно, подорвавшей уважительное отношение к достоинствам человеческой личности, является вера в нового огромного супер-Молоха, в новый мировой порядок, представляемый и навязываемый сегодняшним состоянием мира. Эта высшая идея, ставшая почти религией, считается наиболее агрессивной частью человечества гарантией создания нового прекрасного мира всеобщего благоденствия, развития и славы. Эта идея призвана одержать верх там, где оказались бессильны все религии, включая и Христианство.

В попытке предвидеть исход этого и вероятное общее течение исторических событий примерно до начала следующего века будет интересным рассмотреть конкретные мысли некоторых великих людей.

Эти свидетельства очень важны, особенно учитывая то, что часть пророческих высказываний, которые будут упомянуты, сбылась в наши дни. Сверхчувствительный интеллект и интуитивное восприятие действительно великих людей могут воспринимать и предугадывать надвигающиеся беспорядки подобно чудесному радару, обнаруживающему реалии, неподвластные человеческому восприятию и разумной логике.

Размышляя над причинами сегодняшних волнений и над вероятными их последствиями, современный китайский писатель-философ Лин Ютанг написал следующие строки:

«Мы значительно продвинулись вперед, игнорируя «свиное пойло» (swine-and-slop) экономической статистики тысяч послевоенных планов по устройству мира, показывая их чрезвычайную неспособность к предотвращению третьей мировой войны и связывая сегодняшний мировой хаос с исчезновением моральных ценностей и идей в современном мире... Кажется, что это циничное поколение сильных политических деятелей и умных критиков, поражённое невиданной болезнью, потеряло способность к любви и лишилось смелости, а вместе с ними и возможности надеяться... Я пытался показать, что война неразрывно связана с мощной политикой, мощная политика – с натуралистическим восприятием человеческого общества, натуралистическое восприятие человеческого общества – с влиянием научного материализма и детерминизма на изучение людей и современную мысль... Повторяясь, я должен сказать, что материалисты вечно будут продолжать вести войны. Материалисты не могут положить конец войнам и установить мир. Для этого у них нет мозгов... Мир будет развиваться от власти до большего объединения властей, от обычного конфликта до конфликтов ещё больших... Будет народное восстание и кровопролитие, место олигархов займет тиран, воспользовавшись их усталостью от борьбы между собой и противостояния революционно настроенным массам. Всегда случается так, что после любой войны или хаоса на политическую арену выходит тиран. После того, как нации

измотают сами себя периодом войн, появится всемирный диктатор, призывающий народ поддержать себя, и воцарится над миром. Пророчество ли это? Нет, это – предупреждение».

В очень интересной книге, вышедшей в свет перед началом Второй Мировой Войны, Герберт Уэллс предсказывает последствия этого конфликта так: «Мир, который установится после следующей великой войны, будет еще более жестоким, еще более разобщенным, наполненный еще большим количеством скрытых целей и тайных приготовлений, а следовательно, и страхов и подозрений, которые они порождают. Чего же ещё? Мир становится всё более и более скрытным, предательским, безжалостным... Меньше будет свободы слова, меньше свободы выражения идей и мыслей, гораздо больше будет страха и чувства опасности, исходящей от безумных людских побуждений».

...Нет вообще никакой причины полагать, что законы природы более предрасположены к человеку, чем к ихтиозавру или птеродактилю. Несмотря на мою расположенность к здоровому оптимизму, я чувствую, что сегодня вселенной уже наскучило присутствие человека, что она уже обременяет его трудностями, и я вижу, как человек, всё с меньшей долей разума и с все более увеличивающейся скоростью, страдая, так как все неприспособленные к жизни существа страдают и в массе и поодиночке, несется по потоку судьбы в направлении деградации, страдания и смерти».

У христианского философа девятнадцатого века Владимира Соловьева встречается следующее предсказание:

«Историческим силам, царящим над массой человечества, еще предстоит столкнуться и перемешаться, прежде чем на этом раздирающем себя звере вырастет новая голова – всемирно-объединяющая власть антихриста, который «будет говорить громкие и высокие слова» и набросит блестящий покров добра и правды на тайну крайнего беззакония в пору ее конечного проявления, чтобы – по слову Писания – даже и избранных, если возможно, соблазнить к великому отступлению. Показать заранее эту обманчивую личину, под

которой скрывается злая бездна, было моим высшим замыслом, когда я писал эту книжку».

Три разных автора предсказывают образование тоталитарного мирового государства, которое возглавит тиран, появившийся после хаотического периода мировых войн. Соловьев определяет его как Антихриста. Но независимо от того, какими именами его называют, надо признать, что идея о безжалостном сверхтоталитарном мировом государстве, возглавляемом безбожным диктатором – это далеко не абстрактная концепция Христианского богословия. Это простая историческая вероятность ближайшего будущего.

Действительно, большая часть человечества не желает глобально-тоталитарной тирании в качестве формы власти в мировом государстве. То, чего они хотят и ожидают – это филантропическое и либеральное содружество миролюбивых наций, которые предотвратят войну и будут делать всё ради всеобщего блага. Однако господствующие в мире идеологии и, следовательно, направляемый ими ход событий не оставляют надежды на такой результат. По сути, за сложным и туманным ходом событий, заманчивыми обещаниями набожных ясновидящих и плотной дымовой завесой вводящих в заблуждение лозунгов и цитат определенно проявляются очертания тиранического сверхтоталитарного мирового государства. Уже стало возможным определить главные принципы, обеспечивающие его возникновение и развитие.

Первым из них будет «хлеб»; однако хлеб не как помощь страдающим от лишений людям, но главным образом как универсальный контроль над всеобщими жизненными потребностями, как средство предельного физического запугивания и принуждения.

Вторым принципом станет обожествление личностей вождей. С ходом времени будут запрещены любые формы критики, и последующая углубленная пропаганда создаст своего рода ореол святости вокруг почти сверхчеловеческих авторитета и мощи вождей.

Третий принцип – неограниченное использование обмана, принуждения и насилия в беспрецедентном масштабе, что означает полное

моральное падение или, образно выражаясь, поклонение дьяволу. Это общее направление движения нашей цивилизации сегодня.

Необходимо далее разъяснить последний этап нашего обсуждения. Несомненно, есть множество искренних, исполненных благих намерений радикальных материалистов, которые обеспокоены существующим порядком вещей и которые эффективно борются за полностью новое социальное устройство, которое, как они надеются, защитит неимущих и принесет миру всеобщее благоденствие. Они считают идеи о существовании Бога и дьявола пережитками прошлого, суевериями, и для них эти идеи не имеют никакого значения. Какой смысл связывать их чаяния и действия каким-либо образом с идеей о почитании дьявола, даже если бы фанатичная преданность своим идеалам заставила этих материалистов обманывать и применять жестокость и насилие или поддерживать их применение?

Существование связи между агрессивным радикальным материализмом и крайними проявлениями зла кажется невероятным, однако эта связь лежит в основе предмета обсуждения. Чтобы понять эту связь, сначала полезно было бы рассмотреть значение термина «поклонение», поскольку в этом случае необходимо будет к нему обратиться.

Поклонение обозначает проявление почета и уважения; оно означает уверенное, безоговорочное и без критики принятие системы ценностей объекта поклонения как наиболее правильной и достойной. Таким образом, почитание Бога и Христа или поклонение дьяволу по существу означает принятие идеологии и исполнение с безупречным прилежанием и отдачей всех сил распоряжений или желаний объекта поклонения. В этом отношении сходны любые формы поклонения различным существам или идеалам.

Однако другая важная составляющая этого термина бывает различной в разных случаях. Фундаментальное значение почитания Бога и Христа следует воспринимать буквально. Это сознательное признание и вера в вечно живых, реально существующих Бога и Христа. Это означает сильное стремление связывать

с Ними по т.н. духовным каналам путем веры и молитвы; это надежда на дальнейшее более близкое с Ними общение после конца временной, предварительной земной жизни.

Полностью противореча всему вышеупомянутому, основное значение поклонения дьяволу воспринимается образно, а не буквально. Поклонение дьяволу не требует никакой веры в истинность его существования и призывает только к принятию системы принципов, среди которых главные – это убийства и ложь. Человек может никогда не думать о дьяволе; он может вести строгий образ жизни; более того, он может быть верным сторонником какой-нибудь патриотической или гуманитарной идеи; однако он может стать последователем дьявола в полном значении этого слова, если он с уверенностью принимает и содействует распространению основных мистических принципов зла, считая их единственно правильными.

Чтобы подтвердить этот вывод, желательно было бы снова проанализировать значение и обстоятельства мощного и значимого высказывания Христа, записанного в 8 главе Евангелия от Иоанна. Приближался трагический конец земной миссии Христа. Христос был тверд в интерпретации Своей духовной, вечной Мессианской миссии. Его противники считали Христа помехой столь пламенно ожидаемой революции, и потому они отвергли и осудили Его. Они настаивали на том, что национально-политические идеи должны иметь первостепенное значение. Ожесточенно споря с Христом, они заявили: «Одного Отца имеем, Бога!», на что Христос ответил: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине ...ибо он лжец и отец лжи» (от Иоанна, 8:41,44).

Очевидно, что понятие «Отец» использовалось обеими сторонами этого спора не для обозначения родителя или даже Творца. Оно обозначало власть, идеологические принципы которой принимались и которым следовали принявшие их. «И вы хотите исполнять похоти отца вашего». Слово «Отец» повсеместно используется в Евангелии для обозначения

Бога, и считается само собой разумеющимся, что уважительное и обязывающее отношение человека к своему небесному Отцу – это почитание. Именно такие отношения и были обозначены в этом серьезнейшем месте Евангелия, но только по отношению к дьяволу.

И все же группа людей, оскорбивших Христа и, в конце концов, прогнавших Его из храма угрозами насилия, конечно же, никак не были связаны с поклонением или служением дьяволу. Они, должно быть, с искренностью заявляли, что являются потомками Авраама и имеют «одного Отца, Бога».

Было бы правильным сказать, что более всего дьяволу служат и ублажают его люди, отрицающие его существование, но следующие его принципам. На это указывают и вдохновленные мысли многих великих людей. Достоевский когда-то сказал:

«У дьявола есть две хитрые и тайные цели: первая – это убедить людей в том, что его не существует; вторая – превратить человечество в однородную массу, из которой никогда не выделится блестящий ум».

Талантливый современный российский писатель Иван Лукаш, будучи поражен ужасами коммунистической революции, написал следующие строки:

«Дьявол – убийца, разрушитель души и мысли, змея, жалящая жизнь... Дьявол – мертвая материя, земная грязь, отравляющая душу, искажающая ее ложью во имя материи, во имя развращения плоти уничтожающая вечное Слово и вечную Мысль... О, я понимаю, что такое дьявол. Дьявол – вдохновение, сокрушающее все необъятностью мертвой материи; дьявол – это искажение человеческого образа. У человечества нет свиного рыла, копающегося в земной грязи и гнили. У человечества есть великий и светлый образ Сына Божьего... Я понимаю, что материя всегда борется с мыслью, что большое количество пережатого шлака затушит любой огонь; но мне непонятна эта толпа, эти служащие материи, кем бы они ни были – профессора, лжепророки, революционеры – все они, как слепые мыши, хотят одного: заменить вечную жизнь вечной смертью...»

В течение многих столетий талантливые художники изображали дьявола в виде гротескного человека с умным и хитрым лицом, с рогами, копытами и хвостом. Этот явно аллегорический образ особенностями физического строения воплощает особенности духовные и моральные. В нём заключена идея полного морального падения до уровня зверя – с высшей ступени развития до самой низшей. Наличие разума делает это падение ещё более ужасным, поскольку у животных жестокость и бесстыдство совершаются ненамеренно, животное может быть хитрым, но не способно преднамеренно лгать.

Вышеупомянутые соображения дают возможность лучше понять существенное и точное значение предложения Евангелия «...если ты падешь на колени и поклонисься мне». Идеология духовного зла имеет такую природу, что поклонение ему или безоговорочное принятие его принципов являются невозможными, если им не предшествовало полное моральное падение.

В качестве награды за поклонение ему дьявол предложил владычество над всеми царствами мира и утверждал, что имеет силу для передачи кому-либо такой власти. Я полагаю, что это предложение заключает в себе не только образное, но и некое таинственное прямое значение.

Христос утверждал, что дьявол – лжец и убийца.

Достоевский называет дьявола «страшным и умным духом, духом самоуничтожения и небытия». В невидимой духовной агрессии, происходящей под влиянием зла, физическое убийство носит только побочный характер, является лишь вторичным последствием; главной целью является духовная деградация и последующее крушение человеческой личности. Будучи сокращенным до своих основных положений, яркий пример такой трагедии – это использование безграничной лжи для культивации ненависти, которая, в свою очередь, перерастает в совершение убийства. Чтобы успешно насаждать ненависть, нужно дать

ей глубоко пустить корни в своей душе. Этот процесс полностью противоречит фундаментальным заповедям религиозного идеализма. Поэтому, чтобы с максимальным успехом распространять ненависть, человек должен отвергнуть все моральные принципы, весь высший идеализм, полностью разорвать связь с высшими реалиями и, следовательно, затушить в себе искру высшей, вечной жизни. Такой ход возможен; он представляет собой в высшей степени трагический акт духовного самоубийства.

Это соответствует содержанию «Фауста» Гёте, что, в свою очередь, отражает давно родившуюся идею о том, что человек может заручиться поддержкой злых сил, отдав им за это собственную душу или, другими словами, жертвуя своей вечной жизнью.

Помощь, оказываемая мистическими силами зла, не является прямо материальной. По существу это своеобразное мощное вдохновение, которое, однако, влияет только на низжайшие, отрицательные черты человеческого характера, в первую очередь на ненависть. Оно сверхчеловечески усиливает ненависть и позволяет «одержимому» человеку осуществлять исключительно сильное влияние и заражать других людей собственными порочными страстями. Подверженные этому влиянию люди, ослепляемые ненавистью, могут потерять способность прислушиваться к голосу своего разума или даже собственной совести и способны стать послушной, но слепой и жестокой разрушительной силой, которая может подавлять, сокрушать и уничтожать любое препятствие на пути «одержимого» лидера к столь пламенно желаемой власти.

Этот процесс может представлять самый быстрый и краткий путь к захвату власти. Несомненно, этот процесс физически разрушителен для многих невинных людей и еще более разрушителен в духовном отношении для активных его участников. Начавшись ложью, он продолжает подпитываться всё большим и большим обманом, чтобы подержать ненависть к жизни, и клеветой,

чтобы оправдать уже совершенные убийства. Этот в высшей степени ужасный процесс становится генератором грубой силы и насилия и несет за собой толпы людей в направлении духовного крушения.

Очевидно, что материально настроенный человеческий разум или материалистическая наука не могут воочию заметить участие в этом процессе мистических сил зла. Характер процесса можно частично проследить лишь с точки зрения религиозной интуиции. Даже в этом случае невозможно понять таинственный ход такого процесса и определить, когда колебания личной ненависти в индивидуальном человеке синхронизируются и начнут получать энергию из неиссякаемого источника таинственной злой силы. Менее всего о характере вышеуказанного процесса подозревают «одержимые» лидеры. Они неизменно приписывают свою исключительную силу и энергию в совершении убийств и лжи своему собственному уму, храбрости и изобретательности и, следовательно, их гордыня и самоуверенность безгранично растут, принося ужасные бедствия множествам невинных людей и духовное крушение самим «одержимым».

Глубоко запутанный предмет этого обсуждения нуждается в некоторых дальнейших пояснениях. Звезды и солнце, горы, долины и моря, леса и цветы – всё это является материальным, все было создано Богом, всё эстетично и прекрасно. Низшие, высшие животные и человечество имеют свои разумные цели существования в общей схеме жизни, хотя эти цели могут быть и за пределами нашего понимания. Чем, в таком случае, можно оправдать догадки, считающие материю саму по себе средоточием зла, и что радикальный материализм неизбежно несет ростки высшего зла?

Логический анализ этого вопроса является обширным и запутанным, но краткий обзор основных его положений позволит выявить хотя бы некоторые признаки, которые могут быть интересны в связи с главной темой этой работы.

Борис Раушенбах: ОТ РАКЕТЫ К ИКОНЕ

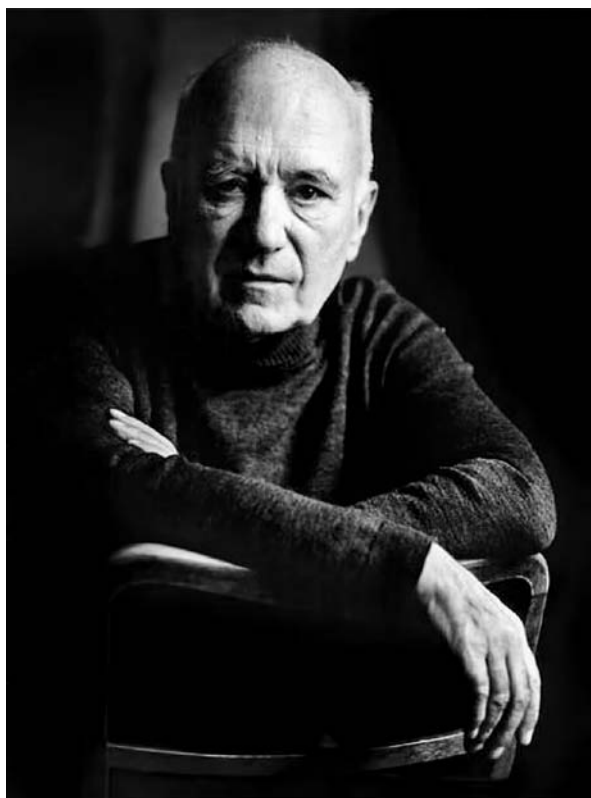
Академик Борис Раушенбах, один из основателей космонавтики, создавший научную школу космической навигации, обратился в конце жизни к изучению пространства иконы и математическим моделям, объясняющим Троичность Бога. Этот поворот не был случайным, к новым научным интересам ученый пришел через работу над оптикой космических аппаратов.

Автобиографию академик Б. В. Раушенбах начинает словами: «Я довольно редкий экземпляр царского еще «производства»: родился до революции». Его отец был родом с Волги, а мать из прибалтийских немцев. С детства будущий ученый «увлекался всем, что летает, участвовал во всех детских кружках, связанных с полетами». Будучи студентом Ленинградского института гражданского воздушного флота, Раушенбах занялся проектированием новых летательных аппаратов – бесхвостых самолетов и бесхвостых планеров. Однажды вместе с другом он приехал на испытания в Крым, где познакомился с Королевым, у которого начал работать по окончании учебы.

С началом Великой Отечественной войны Раушенбах приступил к работе над оборонными проектами, участвовал в разработке секретных реактивных минометов, знаменитых «Катюш». Однако, как немец по происхождению, вскоре был репрессирован.

В заключении ученый не переставал трудиться: окончил расчеты полета самонаводящегося зенитного снаряда. Это и спасло ему жизнь: работу высоко оценил авиаконструктор Виктор Федорович Болховитинов, по ходатайству которого непосильные каторжные работы Раушенбаху заменили работой по специальности – математикой. Освободили ученого в 1946 году, благодаря стараниям великого ученого-математика Мстислава Келдыша.

Будучи состоявшимся ученым, Раушен-

бах внезапно решает «начать все с нуля», заняться новым направлением: «Уже будучи профессором, уже имея возможность «отраснить пузо», я... всё бросил и начал всё сначала. Занялся новой тогда теорией управления космическими аппаратами. Еще никакого спутника и в помине не было, но я знал, что это перспективное направление». Затем исследователь вновь начал сотрудничать с Королевым и стал главным конструктором, разработавшим системы управления космическими аппаратами «Луна», «Венера», «Восток» и орбитальной станцией «Мир».

Борис Раушенбах был последним человеком, с которым общался перед полетом Гагарин: «Голова была забита тем, чтобы не отказал какой-нибудь прибор, чтобы не вышла из строя какая-либо система... Вот что занимало голову, а вовсе не то, что

происходит нечто эпохальное. И успокоение наступало только тогда, когда телеметрические приборы корабля из космоса передавали, что системы работают нормально. Когда я понял, что все прошло хорошо, то встал и перекрестился. К великому изумлению всех присутствовавших на командном пункте космодрома».

Разрабатывая проблему стыковки космических кораблей, Раушенбах задумался о том, как наиболее точно отобразить пространство на экране, ведь космонавт не может наблюдать стыковку непосредственно, а изображение на экране искажалось. В результате ученый разработал новую теорию перспективы. «До сих пор теория перспективы опиралась на работу глаза (если угодно, фотоаппарата), – писал ученый, – а на самом деле видимая человеком картина пространства создается мозгом. Изображение на сетчатке глаза всего лишь «полуфабрикат»».

Далее мысль исследователя обратилась к живописи. Он стал изучать памятники древнерусского искусства и был удивлен тем, как в них передавалось пространство. «В иконописи повсеместно используется странная «обратная перспектива», которая кажется абсолютно алогичной, противоречащей очевидным правилам, известным сегодня всем и подтвержденным практикой фотографии. Неужели это результат «неумения», как об этом писали многие? Почему вообще художники пишут так, а не иначе?.. Я пытался найти рациональные корни, для этого пришлось учесть работу не только глаза, но и мозга при зрительном восприятии. А это, в свою очередь, потребовало математического описания работы мозга. Оказалось, что «обратная перспектива» и многие другие странности совершенно естественны и даже неизбежны».

Однако пытливым ученым руководил не только сугубо научный интерес: «Повлияло и мое детство, когда меня водили в церковь, приобщали Святых Тайн, а детские впечатления – это не такая вещь, которая забывается и исчезает бесследно. Во все вре-

мена моей жизни мне была весьма неприятна антирелигиозная пропаганда, я всегда считал ее чушью и болел за религию...». Итогом стали четыре книги об искусстве, первая из которых вышла в 1975 году («Пространственные построения в древнерусской живописи»), последняя – в 1994-м. В своих работах академик «поверил алгеброй гармонию».

Что же привлекло внимание ученого в области иконописания? Многие античные и средневековые художники изображали предметы на картине так, будто они не изменяются при удалении – это так называемая параллельная перспектива, однако это не было связано с неумением рисовать, ведь еще в X – XI веках в Китае создавались вполне реалистические изображения, где предметы уменьшались по мере удаления от смотрящего. В эпоху Возрождения было разработано учение о классической перспективе, однако спустя некоторое время художники обнаружили, что точное, реалистическое изображение не всегда создает нужное зрительное впечатление. Грубо говоря, более значимые предметы иногда бывают написаны крупнее или же, чтобы композиция казалась целостной, удаленные друг от друга предметы волей художника изображаются ближе, чем на самом деле.

Что же такое «обратная перспектива»? И чем она отличается от прямой? В прямой перспективе есть только одна точка, откуда смотрит наблюдатель, и все видимые предметы уменьшаются по мере их удаления от смотрящего, приближаясь к общей «точке схода» на линии горизонта. А в обратной перспективе «точек наблюдения» может быть много, изображение имеет несколько горизонтов, предметы кажутся увеличивающимися по мере удаления от зрителя, словно центр схода линий находится не на горизонте, а внутри самого зрителя – кажется, что икона пытается заглянуть в самое сердце предстоящего перед ней.

От изучения иконы Раушенбах перешел к богословию, без которого невозможно понимание иконы. Последние его работы посвящены Святой Троице. Следует сказать,

что многие святые отцы пытались найти аналогии в мире, которые позволили бы объяснить, как три личности являются одним Богом. Святитель Василий Великий приводил в пример раду: «Один и тот же свет и непрерывен в самом себе, и многоцветен», а святитель Игнатий Брянчанинов – человеческие свойства: «Наш ум, слово и дух, по единовременности своего начала и по своим взаимным отношениям, служат образом Отца, Сына и Святого Духа». Раушенбах предложил сравнение из математики: «Я сказал себе: будем искать в математике объект, обладающий всеми логическими свойствами Троицы, и если такой объект будет обнаружен, то этим самым будет доказана возможность логической непротиворечивости структуры Троицы и в том случае, когда каждое Лицо является Богом. И, четко сформулировав логические свойства Тро-

ицы, сгруппировав их и уточнив, я вышел на математический объект, полностью соответствующий перечисленным свойствам, – это был самый обычный вектор с его ортогональными составляющими...».

Многих ученых удивляло, как человек науки может быть религиозен. На этот вопрос сам Раушенбах отвечал так: «Все чаще людям в голову приходит мысль: не назрел ли синтез двух систем познания, религиозной и научной? Хотя я не стал бы разделять религиозное и научное мировоззрение. Я бы взял шире – логическое, в том числе и научное, и внелогическое, куда входит не только религия, но и искусство – разные грани мировоззрения...».

*Юлия Линде,
аспирантка литературного института,
корреспондент журнала «Фома».*

«Я всегда был болельщиком Церкви...»

Беседа с Б. Раушенбахом

– Борис Викторович, Вам принадлежат слова, что «самые православные русские – это немцы»...

– Это шутка, но в ней есть доля правды. Понимаете, это очень просто объясняется психологически. Русскому не надо доказывать, что он русский и православный. С немцем сложнее. И если уж немец становится православным, то это не формально. Что касается моей семьи, то родители были лютеране и ходили в кирху – немецкую церковь апостола Петра на Невском, у Казанского собора. Учили меня молиться: «Фатер унзер дер ду бист им химмель...» – это «Отче наш» на немецком. Мой отец, из поволжских немцев, работал в Ленинграде на «Скороходе» техническим руководителем кожевенного завода. А поскольку немцы, руководители завода, были гугенотами, все служащие ходили в гугенотскую цер-

ковь. Меня тоже в ней крестили – так я стал гугенотом. Потом, после войны, когда я начал посещать службы, это очень меня выручало: у меня был заготовлен простой ответ на возможное негодование партийного начальства. Да, я хожу в православные храмы, но вы напрасно ко мне пристаёте: я же... гугенот! И они замолкали.

– Во времена атеизма Вы читали лекции об иконах?

– Да, для студентов физтеха. Это был целый цикл – десять лекций по два часа. Помню, тогда из Москвы в Долгопрудный приезжали люди с записывающими устройствами – не потому, конечно, что я такой умный, просто я говорил вещи, которые в те времена нельзя было услышать нигде. В этих лекциях не было ни одного слова, которое

могло бы покоробить верующего человека. А руководители физтеха мне потом сказали: «А вы знаете, как мы отчитываемся в райкоме о ваших лекциях? Мы их числим по разряду «антирелигиозная пропаганда»! И представляете, в райкоме их хвалили за хорошую постановку атеистической работы! На физтехе были умные люди, они много смеялись, когда это рассказывали.

– В одном интервью Вы сказали, что всегда были «болельщиком Церкви»...

– Дело в том, что я всегда болел за слабую команду. А Церковь была именно в положении слабой команды, ее все время били, преследовали и ругали. А что ее ругать – она хорошая организация! На приемах в Кремлевском Дворце в главном зале сидели партийные боссы, а в комнату поменьше отправляли людей «второго сорта» – епископов и Патриарха. К ним никто не подходил, зато иностранные гости могли видеть, что в СССР с религией все в порядке. Меня это как-то угнетало, и я демонстративно подходил и беседовал, мне было интересно. Иногда я даже выступал. Когда в Троице-Сергиевой лавре отмечалось трехсотлетие Духовной академии, меня попросили сказать какие-то слова. Я договорился с вице-президентом Академии наук Е. П. Велиховым, что не просто выступлю от себя, но буду поздравлять Церковь от Академии наук. И я такую речь сказал, и она была напечатана в Журнале Московской Патриархии. Мне довелось познакомиться с Патриархом Пименом, и я бывал у него в келье в Новодевичьем монастыре. Конечно, в те годы меня во многом спасало то, что я работал не по общественным наукам.

– А почему Вас заинтересовали иконы? В советское время считалось, что иконы – это для старушек...

– Насчет старушек, это, конечно, ерунда. Дело в том, что в Православной Церкви икона – это существенная часть богослужения. У католиков иначе, у них икона служит толь-

ко иллюстрацией к Священному Писанию. Поэтому католические иконописцы пишут Богоматерь с любой красивой женщины. Все их Мадонны – красавицы. А православные иконы похожи друга на друга, потому что восходят к первообразу – к Самой Божией Матери. И древние иконы у нас ценятся не потому, что они старые, а потому, что они ближе к подлиннику – Первообразу. Поначалу иконопись заинтересовала меня с математической точки зрения, а потом постепенно пришла и богословская линия. Начал я с того, что на иконах пространство изображается «неправильно». Мне показалось это странным, я стал изучать древнюю живопись. И я понял, что его всегда изображали правильно! Искусствоведы учили, что изобразительное искусство развивалось постепенно – раньше, мол, «не умели», рисовали наивно, неправильно, а в эпоху Возрождения все поняли, и молодцы. Ничего глупее нельзя придумать! Иконописцев, в отличие от художников Возрождения, не интересовало естественное восприятие. Их мало интересовало и пространство, их интересовал святой. Изображение было нужно для молитвы, с его помощью обращались к Первообразу. Поэтому святой помещался на передний план – на обресе рамы, как бы мы сейчас сказали. Перед ним уже никакого пространства, только сам молящийся. В Ренессансе пространство уже появилось: художники стали втаскивать наивный реализм туда, где ему совсем не было места. На самом деле на иконах не полагалось писать ничего, кроме золотого фона, передающего святость. Кроме того, на иконах святой изображается не по состоянию на земле, а в состоянии обожженной плоти. После Второго пришествия у нас у всех будет обожженная плоть, а святой – он уже обожженная плоть. И реализм тут действительно ни к чему. Отсюда все так называемые странности русской иконописи.

– Вы много писали об иконах «Успение» и о «Троице» Рублева...

– Я действительно неравнодушен к иконе «Успение». Пожалуй, это моя любимая икона, и если бы мне предложили выбрать из всех

икон одну, я бы выбрал «Успение». Конечно, в древнерусском стиле, а не в стиле какого-нибудь Дюрера. Его «Успение» – это кошмар с церковной точки зрения. Да, Дюрер был первоклассный художник, но ему не дано было писать так, как русские иконописцы школы Рублева и Феофана Грека... «Успение» – это икона, которой необходимо по сюжету изображение как нашего мира, так и потустороннего. Вот, например, «Рождество» – это только наш мир, а «Сошествие во ад» – только потусторонний. А чтоб и то, и другое на одной иконе – это «Успение». И посмотрите, как великолепно иконописцы решили эту проблему! Они, великие мастера, проявили, я бы сказал, невероятную ученость и, не зная современной математики, интуитивно все сделали совершенно правильно.

Что касается Рублева, то это гениальнейший иконописец, а его «Троица» – вершина иконописи. Я специально смотрел все дорублевские иконы на этот сюжет и установил, что не было постепенного нарастания – это был скачок, нечто взрывоподобное. После Рублева все стали повторять его «Троицу». Поскольку это был предел совершенства, все последующие повторения стали хуже. На своей иконе Рублев гениально воплотил догмат Церкви о единосущной и нераздельной Троице. Три ангела изображены совершенно однотипно, что передает их единосущность, а жертвенная чаша на престоле символизирует нераздельность. На иконе мы видим также гору, дерево и строение, которые передают, соответственно, Святость, Живоначалность и Божие Домостроительство.

– А чем догмат о Троице мог заинтересовать математика?

– Это вы о статье «Логика троичности»? Меня интересовал чисто теоретический вопрос: может ли формальная логика допустить существование Троицы. Вроде бы это абсурд: один объект – и вдруг три объекта. Но, к своей радости, я обнаружил, что подобное в математике есть. Вектор! Он имеет три компонента, но он один. И если кого-то удив-

ляет троичный догмат, то только потому, что он не знает математики. Три и один – это одно и то же! До сих пор не могу понять, как отец Павел Флоренский, наш замечательный богослов, который к тому же окончил математический факультет, этого не заметил. Он пишет, что идея Троицы непостижима. Нет, Бог непостижим, а идея Троицы постижима, триединность – это свойство природы, она буквально пронизывает природу. Снова повторю, что я не вдавался в богословие, но мне удалось лишний раз показать, что Отцы Церкви были правы, когда осуждали ереси. А еще был случай, когда один наш известный математик сказал что-то неуважительное о богословии: дескать, какая глупость, что три – это одно. «А как же вектор?» – спросил я. Он был просто поражен: «Господи, я об этом не подумал!»

– В свое время очень нашумела Ваша статья в «Коммунисте» – статья, которая прорвала завесу молчания, окружавшую Церковь...

– Да, это было в 1987 году. Мне позволили и попросили откликнуться на программу СОИ Рейгана. Тогда это было модно. Я сказал: чушь, не о том думаете. Наступает празднование тысячелетия Крещения Руси – вот о чем надо писать! На том конце провода помолчали и говорят: «Вы что, серьезно можете написать?» – «Могу». Дело в том, что наши атеисты предлагали им свои статьи, но в «Коммунисте» уже не хотели печатать этот бред. А я как раз за два года до того много читал о Древней Руси. И вот я приехал и рассказал им, что собираюсь написать. Они сказали: годится! Я сел и написал буквально за несколько дней, от руки, с пометками. Они перепечатали, причесали и пустили вне очереди. Это был страшный скандал! Первая неатеистическая публикация, причем где – в «Коммунисте»! Было возмущение, были звонки: да как вы могли, и тому подобное. А в журнале им отвечали: «Если вы не согласны – напишите, мы напечатаем». Но никто ничего так и не написал... Напротив, после той статьи начали появляться сочувствен-

ные публикации о Церкви. А я как-то сразу выдвинулся в специалисты по Крещению. Мне даже довелось прочитать доклад о Крещении Руси на сессии ЮНЕСКО в Париже.

– Но Вы не только писали о Крещении, но и строили космические аппараты. Один интерес не мешал другому?

– А почему он должен был мешать? Это в глупых книгах писали, что «наши космонавты туда летали и никакого Бога не видели». Такая постановка вопроса показывает прямо-таки дубовую неграмотность наших писателей-атеистов. Вот Ньютон был верующим человеком, но, обратите внимание, когда он строил Солнечную систему, он никуда не поместил Бога. Бог пребывает в мистическом пространстве, а не в нашем, и это прекрасно понимали такие люди, как Ньютон. Космонавты Его не встречали, но они и не должны были Его встречать. Когда говорят «иже еси на Небесах», это не значит, что Бог находится в 126 км от поверхности Земли.

– В своей последней книге Вы писали, что приняли православное крещение, но не считаете это изменой Богу, потому что Бог – един...

– В 1997 году я, действительно, крестился. Это было после неудачной операции, когда я уже совсем засобирался на тот свет. Священник, который пришел ко мне, долго выяснял, кто я. Почему-то он думал, что я католик, тогда было бы проще, но когда он узнал, что я гугенот, он схватился за голову. И меня крестили полным чином, как язычника. Все же я думаю, что я был христианином и остался христианином. Только я стал православным. Религия иррациональна по своей природе, но я считаю, что если хочешь принимать какое-то участие в религиозной жизни, нужно принадлежать к доминирующей в стране конфессии. Мне кажется, раз я живу в России, я не могу быть отрезан от Православной Церкви. А крещенный на немецкий лад, я был невольно от нее отрезан.

– Еще Вы писали, что пережили клиническую смерть...

– Да, это было на Каширке в феврале 1997 года, после операции. Врачи сказали: этой ночи я не переживу. Дочери и зять пришли все вместе, хотя до этого они дежурили по очереди. Я действительно умирал... Убедился ли я в существовании души? В каком-то смысле да, но, понимаете, я ведь и раньше не сомневался. Первое, что я установил, так сказать, экспериментально – умирать не страшно и даже, я бы сказал... приятно. Уже потом я прочитал книгу Моуди. Там был один случай, очень похожий на мой. Я видел коридор, видел в конце его свет. И я двигался по этому коридору, это было неприятно – знаете, как бывает на стадионе, когда идешь в толпе. Потом я шел один, по сводчатому коридору, и этот коридор выходил на луг. Я знал, что если я выйду на этот прекрасный луг – это все, я умру, там другой мир. У меня был выбор – луг или грязный, паршивый и заплеванный боковой коридор. И вот я стоял и выбирал. Впереди тишина, солнышко. Там приятно и хорошо. Но я выбрал трущобы, то есть коридор. И постепенно вернулся к жизни. И у меня осталось ощущение, что я походил по тому свету и вернулся на этот – чтобы доиграть игру.

– Сейчас Вы бываете в церкви?

– После операции это стало сложнее, и теперь, когда я бываю на службе и причащаюсь, в храме я сижу. Раньше всегда стоял, а теперь уже не могу. Впрочем, я не думаю, что это так уж важно – сидеть или стоять. Святитель Филарет на вопрос, можно ли больному ногами человеку сидеть, ответил так: «Пусть лучше сидит, но думает о Боге, чем стоит и думает о ногах». В своей жизни я бывал и в протестантских, и в католических храмах. Православное богослужение, конечно, наиболее впечатляющее. Недаром послы святого Владимира, впервые посетив византийский храм, «были как на небе». Православная религия более высокая, огромная, торжественная, золоченая. Протестантизм

другой, он сформировался как протест против изъятий католичества. Во времена антипапских выступлений движение за простоту в богослужении, вероятно, имело смысл. Но вообще-то красота в богослужении должна быть. В Православной Церкви она присутствует как ни в какой другой.

– В наше время Православной Церкви нелегко, появилась проблема сект...

– Понимаете, секты были всегда. Сейчас плохо то, что в школах не преподают Закон Божий. Когда раньше дети получали основы православной веры в школе, сектантам, чтобы пробивать свои учения, нужно было разрушать. А сейчас им легко работать, ничего разрушать не нужно. И вот они выдвинули какую-нибудь паршивую идею, и она начинает расти. Веру нужно воспитывать с детства, ведь религиозно одаренных людей только 15 процентов. Остальных нужно учить. И если эти люди вырастают в государстве, где вера считается делом достойным, где все ходят в церковь, они тоже ходят.

– Во времена демократии с этим, кажется, стало легче?

– Наверное. Но, видите ли, я вообще не очень-то люблю демократию. Все самые крупные преступления были совершены демократами. Например, Сократ был приговорен к смерти по самой демократической схеме – после всенародного обсуждения путем плебисцита. Что можно придумать демократичнее? Если посмотреть на самые гнусные смертоубийства в мировой истории, то, я думаю, в большинстве случаев вину за них несут не деспоты, а демократы. Это свойство демократии – реагировать на крики. Все очень демократично, люди собираются и начинают орать. А потом оказывается: что кричали, зачем кричали? Демократический вандализм присутствовал и в нашей революции, когда матросы собирались и решали мировые проблемы. Я не знаю идеального государственного устройства, но по ряду соображений монар-

хия лучше всего. Монарх заботится о стране, потому что собирается передать ее наследнику. Он не может ее разорить. А президенту плевать. Он думает: следующий за мной придет, вот пусть и разбирается...

– Что еще настораживает Вас в современной жизни?

– Воровство. У нас царство воров. Воруя начальники, подчиненные. Когда я бываю за границей и спрашиваю о впечатлениях о нашей стране, мне говорят, что такого воровства нет нигде, даже в Латинской Америке. Любого чиновника можно купить, единственное, что они в два раза дороже, чем в Европе. Это мнение о нашей богоспасаемой Отчизне. В современной жизни вообще много перекосов: например, то, что на смену Идее с большой буквы пришла «идея» заработать. Чтение газет и повышенное внимание к телевизионным новостям – тоже перекосяк. Дело в том, что стоящие новости занимают очень маленький процент от новостей вообще. Было бы лучше, если бы мы читали поменьше газет и больше читали серьезную литературу – не обязательно научную, даже художественную. И еще компьютеры, которыми сейчас увлекаются дети. С одной стороны, это вроде бы хорошо, они быстрее вживаются в нашу компьютеризированную реальность. С другой стороны, вместо представлений о порядочности и приличном поведении вводятся численные оценки. Но человек живет не только одной рациональной частью головы! Когда все заменяют компьютеры, это может быть плохо и даже опасно.

– Кто из русских святых Вам наиболее близок?

– Преподобный Сергей Радонежский, установивший на Руси праздник Троицы. С моей точки зрения, он величайший русский святой. И я считаю так не потому, что он, можно сказать, мой «домашний святой» (от моего дома можно пешком дойти до обители). Просто Сергей – это редкое совпадение святости и четкой практической

работы в политике. Другого подобного примера я не знаю. Святость требует отречения от всего, и Сергей с этого начал – поселился в лесу один, подружился с медведем... А потом, он фактически стал идейным руководителем и неофициальным главой Руси. Как он умудрился это делать – непостижимо, но это факт. Видно это из того, что все князья подчинялись ему. Сергей Радонежский мирил князей, когда начинались распри: приходил и укрощал. Он стал непререкаемым авторитетом, человеком, которому все одинаково доверяли. А ведь это было почти невозможно в средние века. Подумайте, его слушались все враждующие княжеские партии! Сергей был человек потрясающей воли и обладал полной, идеальной святостью.

– Борис Викторович, сейчас многие в России верят в различные оккультные доктрины, в «Бога вообще». Как Вы думаете, у нас есть шанс вернуться к отеческой вере?

– Безусловно, в том, что люди верят во что попало, хорошего нет. Но то, что произошло у нас, вполне понятно. Так и со стаканом воды – если его встряхнуть, взболтать, грязь со дна поднимется наверх. Потом грязь осядет, и вода очистится! Я думаю, должно пройти некоторое время – может быть, поколение должно смениться. Много, конечно, зависит от Церкви. Но, в конце концов, православие у нас тысячу лет, и такие вещи за год, за два и даже за семьдесят не меняются. В нас есть некая внелогическая величина, которая остается постоянной. И это дает мне основание считать, что не все потеряно. Думаю, русские люди будут возвращаться к православию. Сейчас нам очень нужен Сергей... Я давно говорил, что России нужен преподобный Сергей, человек его масштаба. Жаль, что история не повторяется...

Записал Д. БАСОВ.

*Я далеко не восторгаюсь всем,
что вижу вокруг себя;... но
клянусь честью, что
ни за что на свете я не хотел
бы переменить отечество или
иметь другую историю, кроме
истории наших предков,
такой, какой нам Бог её дал.*

А.С. Пушкин

Великие соотечественники об А.С. Пушкине

Федор Достоевский

Речь о Пушкине

Произнесена 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности.

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа», – сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть про-

рочество и указание. Я делю деятельность нашего великого поэта на три периода. Говорю теперь не как литературный критик: касаясь творческой деятельности Пушкина, я хочу лишь разъяснить мою мысль о пророческом для нас значении его и что я в этом слове разумею. Замечу, однако же, мимоходом, что периоды деятельности Пушкина не имеют, кажется мне, твердых между собою границ. Начало «Онегина», например, принадлежит, по-моему, еще к первому периоду деятельности поэта, а кончается «Онегин» во втором периоде, когда Пуш-

кин нашел уже свои идеалы в родной земле, воспринял и возлюбил их всецело своею любящею и прозорливою душой. Принято тоже говорить, что в первом периоде своей деятельности Пушкин подражал европейским поэтам, Парни, Андре Шенье и другим, особенно Байрону. Да, без сомнения, поэты Европы имели великое влияние на развитие его гения, да и сохраняли влияние это во всю его жизнь. Тем не менее даже самые первые поэмы Пушкина были не одним лишь подражанием, так что и в них уже выразилась чрезвычайная самостоятельность его гения. В подражаниях никогда не появляется такой самостоятельности страдания и такой глубины самосознания, которые явил Пушкин, например, в «Цыганах» – поэме, которую я всецело отношу еще к первому периоду его творческой деятельности. Не говорю уже о творческой силе и о стремительности, которой не явилось бы столько, если б он только лишь подражал. В типе Алеко, герое поэмы «Цыгане», сказывается уже сильная и глубокая, совершенно русская мысль, выраженная потом в такой гармонической полноте в «Онегине», где почти тот же Алеко является уже не в фантастическом свете, а в осязаемо реальном и понятном виде. В Алеко Пушкин уже отыскал и гениально отметил того несчастного скитальца в родной земле, того исторического русского страдальца, столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе нашем. Отыскал же он его, конечно, не у Байрона только. Тип этот верный и схвачен безошибочно, тип постоянный и надолго у нас, в нашей Русской земле, поселившийся. Эти русские бездомные скитальцы продолжают и до сих пор свое скитальчество и еще долго, кажется, не исчезнут. И если они не ходят уже в наше время в цыганские таборы искать у цыган в их диком своеобразном быте своих мировых идеалов и успокоения на лоне природы от сбивчивой и нелепой жизни нашего русского – интеллигентного общества, то всё равно ударяются в социализм, которого еще не было при Алеко, ходят с новою верой на другую ниву и работают

Федор Достоевский,
русский писатель, философ

на ней ревностно, веруя, как и Алеко, что достигнут в своем фантастическом делании целей своих и счастья не только для себя самого, но и всемирного. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтоб успокоиться: дешевле он не примирится, – конечно, пока дело только в теории. Это всё тот же русский человек, только в разное время явившийся. Человек этот, повторяю, зародился как раз в начале второго столетия после великой петровской реформы, в нашем интеллигентном обществе, оторванном от народа, от народной силы. О, огромное большинство интеллигентных русских и тогда, при Пушкине, как и теперь, в наше время, служили и служат мирно в чиновниках, в казне или на железных дорогах и в банках, или просто наживаются разными средствами деньги, или даже и науками занимаются, читают лекции – и всё это регулярно, лениво и мирно, с получением жалованья, с игрой в преферанс, безо всякого поползновения бежать в цыганские

таборы или куда-нибудь в места, более соответствующие нашему времени. Много-много что полиберальничают «с оттенком европейского социализма», но которому придан некоторый благодушный русский характер, – но ведь всё это вопрос только времени. Что в том, что один еще и не начинал беспокоиться, а другой уже успел дойти до запертой двери и об нее крепко стукнулся лбом. Всех в свое время то же самое ожидает, если не выйдут на спасительную дорогу смиренного общения с народом. Да пусть и не всех ожидает это: довольно лишь «избранных», довольно лишь десятой доли забеспокоившихся, чтоб и остальному огромному большинству не видать чрез них покоя. Алеко, конечно, еще не умеет правильно высказать тоски своей: у него всё это как-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природе, жалоба на светское общество, мировые стремления, плач о потерянной где-то и кем-то правде, которую он никак отыскать не может. Тут есть немножко Жан-Жака Руссо. В чем эта правда, где и в чем она могла бы явиться и когда именно она потеряна, конечно, он и сам не скажет, но страдает он искренно. Фантастический и нетерпеливый человек жаждет спасения пока лишь преимущественно от явлений внешних; да так и быть должно: «Правда, дескать, где-то вне его может быть, где-то в других землях, европейских, например, с их твердым историческим строем, с их установившеюся общественною и гражданскою жизнью». И никогда-то он не поймет, что правда прежде всего внутри его самого, да и как понять ему это: он ведь в своей земле сам не свой, он уже целым веком отучен от труда, не имеет культуры, рос как институтка в закрытых стенах, обязанности исполнял странные и безотчетные по мере принадлежности к тому или другому из четырнадцати классов, на которые разделено образованное русское общество. Он пока всего только оторванная, носящаяся по воздуху былинка. И он это чувствует и этим страдает, и часто так мучительно! Ну и что же в том, что, принадлежа, может быть, к родовому дворянству и, даже весьма

вероятно, обладая крепостными людьми, он позволил себе, по вольности своего дворянства, маленькую фантазийку прельститься людьми, живущими «без закона», и на время стал в цыганском таборе водить и показывать Мишку? Понятно, женщина, «дикая женщина», по выражению одного поэта, всего скорее могла подать ему надежду на исход тоски его, и он с легкомысленною, но страстною верой бросается к Земфире: «Вот, дескать, где исход мой, вот где, может быть, мое счастье здесь, на лоне природы, далеко от света, здесь, у людей, у которых нет цивилизации и законов!» И что же оказывается: при первом столкновении своем с условиями этой дикой природы он не выдерживает и обагрывает свои руки кровью. Не только для мировой гармонии, но даже и для цыган не пригодился несчастный мечтатель, и они выгоняют его – без отмщения, без злобы, величаво и простодушно:

*Оставь нас, гордый человек;
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним.*

Всё это, конечно, фантастично, но «гордый-то человек» реален и метко схвачен. В первый раз схвачен он у нас Пушкиным, и это надо запомнить. Именно, именно, чуть не по нем, и он злобно растерзает и казнит за свою обиду или, что даже удобнее, вспомнив о принадлежности своей к одному из четырнадцати классов, сам возопиет, может быть (ибо случилось и это), к закону, терзающему и казнящему, и призовет его, только бы отомщена была личная обида его. Нет, эта гениальная поэма не подражание! Тут уже подсказывается русское решение вопроса, «проклятого вопроса», по народной вере и правде: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудишься на родной ниве», вот это решение по народной правде и народному разуму. «Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя и себе, подчини себя себе, овладей собой – и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего

в своем собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя – и станешь свободен как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконец народ свой и святую правду его. Не у цыган и нигде мировая гармония, если ты первый сам ее недостойн, злобен и горд и требуешь жизни даром, даже и не предполагая, что за нее надобно заплатить». Это решение вопроса в поэме Пушкина уже сильно подсказано. Еще яснее выражено оно в «Евгении Онегине», поэме уже не фантастической, но осязательно реальной, в которой воплощена настоящая русская жизнь с такою творческою силой и с такою законченностью, какой и не бывало до Пушкина, да и после его, пожалуй.

Онегин приезжает из Петербурга – непременно из Петербурга, это несомненно необходимо было в поэме, и Пушкин не мог упустить такой крупной реальной черты в биографии своего героя. Повторяю опять, это тот же Алеко, особенно потом, когда он восклицает в тоске:

*Зачем, как тульский заседатель,
Я не лежу в параличе?*

Но теперь, в начале поэмы, он пока еще наполовину фат и светский человек и слишком еще мало жил, чтоб успеть вполне разочароваться в жизни. Но и его уже начинает посещать и беспокоить

Бес благородный скуки тайной.

В глуши, в сердце своей родины, он конечно не у себя, он не дома. Он не знает, что ему тут делать, и чувствует себя как бы у себя же в гостях. Впоследствии, когда он скитается в тоске по родной земле и по землям иностранным, он, как человек бесспорно умный и бесспорно искренний, еще более чувствует себя и у чужих себе самому чужим. Правда, и он любит родную землю, но ей не доверяет. Конечно, слышал и об родных идеалах, но им не верит. Верит лишь в полную невозможность

какой бы то ни было работы на родной ниве, а на верующих в эту возможность, – и тогда, как и теперь, немногих, – смотрит с грустною насмешкой. Ленского он убил просто от хандры, почему знать, может быть, от хандры по мировому идеалу, – это слишком по-нашему, это вероятно. Не такова Татьяна: это тип твердый, стоящий твердо на своей почве. Она глубже Онегина и, конечно, умнее его. Она уже одним благородным инстинктом своим предчувствует, где и в чем правда, что и выразилось в финале поэмы. Может быть, Пушкин даже лучше бы сделал, если бы назвал свою поэму именем Татьяны, а не Онегина, ибо бесспорно она главная героиня поэмы. Это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины, и ей предназначил поэт высказать мысль поэмы в знаменитой сцене последней встречи Татьяны с Онегиным. Можно даже сказать, что такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе – кроме разве образа Лизы в «Дворянском гнезде» Тургенева. Но манера глядеть свысока сделала то, что Онегин совсем даже не узнал Татьяну, когда встретил ее в первый раз, в глуши, в скромном образе чистой, невинной девушки, так оробевшей пред ним с первого разу. Он не сумел отличить в бедной девочке законченности и совершенства и действительно, может быть, принял ее за «нравственный эмбрион». Это она-то эмбрион, это после письма-то ее к Онегину! Если есть кто нравственный эмбрион в поэме, так это, конечно, он сам, Онегин, и это бесспорно. Да и совсем не мог он узнать ее: разве он знает душу человеческую? Это отвлеченный человек, это беспокойный мечтатель во всю его жизнь. Не узнал он ее и потом, в Петербурге, в образе знатной дамы, когда, по его же словам, в письме к Татьяне, «постигал душой все ее совершенства». Но это только слова: она прошла в его жизни мимо него не узнанная и не оцененная им; в том и трагедия их романа. О, если бы тогда, в деревне, при первой встрече с нею, прибыл туда же из Англии Чайльд-Гарольд или даже, как-нибудь, сам лорд Байрон и, заметив ее робкую, скромную прелесть, ука-

зал бы ему на неё, – о, Онегин тотчас же был бы поражен и удивлен, ибо в этих мировых страдальцах так много подчас лакейства духовного! Но этого не случилось, и искатель мировой гармонии, прочтя ей проповедь и поступив все-таки очень честно, отправился с мировой тоской своею и с пролитой в глупенькой злости кровью на руках своих скитаться по родине, не примечая ее, и, кипя здоровьем и силою, восклицать с проклятиями:

*Я молод, жизнь во мне крепка,
Чего мне ждать, тоска, тоска!*

Это поняла Татьяна. В бессмертных строфах романа поэт изобразил ее посетившему дом этого столь чудного и загадочного еще для нее человека. Я уже не говорю о художественности, недостижимой красоте и глубине этих строф. Вот она в его кабинете, она разглядывает его книги, вещи, предметы, старается угадать по ним душу его, разгадать свою загадку, и «нравственный эмбрион» останавливается наконец в раздумье, со странною улыбкой, с предчувствием раз решения загадки, и губы ее тихо шепчут:

Уж не пародия ли он?

Да, она должна была прошептать это, она разгадала. В Петербурге, потом, спустя долго, при новой встрече их, она уже совершенно его знает. Кстати, кто сказал, что светская, придворная жизнь тлетворно коснулась её души и что именно сан светской дамы и новые светские понятия были отчасти причиной отказа ее Онегину? Нет, это не так было. Нет, это та же Таня, та же прежняя деревенская Таня! Она не испорчена, она, напротив, удручена этою пышною петербургскою жизнью, надломлена и страдает; она ненавидит свой сан светской дамы, и кто судит о ней иначе, тот совсем не понимает того, что хотел сказать Пушкин. И вот она твердо говорит Онегину:

*Но я другому отдана
И буду век ему верна.*

Высказала она это именно как русская женщина, в этом ее апофеоза. Она высказывает правду поэмы. О, я ни слова не скажу про ее религиозные убеждения, про взгляд на таинство брака – нет, этого я не коснусь. Но что же: потому ли она отказалась идти за ним, несмотря на то, что сама же сказала ему: «Я вас люблю», потому ли, что она, «как русская женщина» (а не южная или не французская какая-нибудь), не способна на смелый шаг, не в силах порвать свои путы, не в силах пожертвовать обаянием чести, богатства, светского своего значения, условиями добродетели? Нет, русская женщина смела. Русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит, и она доказала это. Но она «другому отдана и будет век ему верна». Кому же, чему же верна? Каким это обязанностям? Этому-то старику генералу, которого она не может же любить, потому что любит Онегина, но за которого вышла потому только, что ее «с слезами заклинаний молила мать», а в обиженной, израненной душе ее было тогда лишь отчаяние и никакой надежды, никакого просвета? Да, верна этому генералу, ее мужу, честному человеку, ее любящему, ее уважающему и ею гордящемуся. Пусть ее «молила мать», но ведь она, а не кто другая, дала согласие, она ведь, она сама поклялась ему быть честною женой его. Пусть она вышла за него с отчаяния, но теперь он ее муж, и измена ее покроет его позором, стыдом и убьет его. А разве может человек основать свое счастье на несчастье другого? Счастье не в одних только наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа. Чем успокоить дух, если назади стоит нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок? Ей бежать из-за того только, что тут мое счастье? Но какое же может быть счастье, если оно основано на чужом несчастье? Позвольте, представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой. И вот представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое существо, мало того – пусть даже не столь достойное, смешное даже на иной взгляд существо, не Шекспира какого-нибудь, а про-

сто честного старика, мужа молодой жены, в любовь которой он верит слепо, хотя сердца ее не знает вовсе, уважает ее, гордится ею, счастлив ею и покоен. И вот только его надо опозорить, обесчестить и замучить и на слезах этого обесчещенного старика возвести ваше здание! Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии? Вот вопрос. И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которых вы строили это здание, согласились бы сами принять от вас такое счастье, если в фундаменте его заложено страдание, положим, хоть и ничтожного существа, но безжалостно и несправедливо замученного, и, приняв это счастье, оставшись навеки счастливыми? Скажите, могла ли решить иначе Татьяна, с ее высокою душой, с ее сердцем, столь пострадавшим? Нет; чистая русская душа решает вот как: «Пусть, пусть я одна лишусь счастья, пусть мое несчастье безмерно сильнее, чем несчастье этого старика, пусть, наконец, никто и никогда, а этот старик тоже, не узнают моей жертвы и не оценят ее, но не хочу быть счастливою, загубив другого!» Тут трагедия, она и совершается, и перейти предела нельзя, уже поздно, и вот Татьяна отсылает Онегина. Скажут: да ведь несчастен же и Онегин; одного спасла, а другого погубила! Позвольте, тут другой вопрос, и даже, может быть, самый важный в поэме. Кстати, вопрос: почему Татьяна не пошла с Онегиным, имеет у нас, по крайней мере в литературе нашей, своего рода историю весьма характерную, а потому я и позволил себе так об этом вопросе распространиться. И всего характернее, что нравственное разрешение этого вопроса столь долго подвергалось у нас сомнению. Я вот как думаю: если бы Татьяна даже стала свободною, если б умер ее старый муж и она овдовела, то и тогда бы она не пошла за Онегиным. Надобно же понимать всю суть этого характера! Ведь она же видит, кто он такой: вечный скиталец увидел вдруг женщину, которою прежде пренебрег, в новой блестящей недостижимой обстановке, – да ведь в этой обстановке-то, пожалуй, и вся суть дела. Ведь этой девочке, которую он чуть не презирал, теперь поклоняется свет – свет, этот

страшный авторитет для Онегина, несмотря на все его мировые стремления, – вот ведь, вот почему он бросается к ней ослепленный! Вот мой идеал, восклицает он, вот мое спасение, вот исход тоски моей, я проглядел его, а «счастье было так возможно, так близко!» И как прежде Алеко к Земфире, так и он устремляется к Татьяне ища в новой причудливой фантазии всех своих разрешений. Да разве этого не видит в нем Татьяна, да разве она не разглядела его уже давно? Ведь она твердо знает, что он в сущности любит только свою новую фантазию, а не ее, смиренную, как и прежде, Татьяну! Она знает, что он принимает ее за что-то другое, а не за то, что она есть, что не ее даже он и любит, что, может быть, он и никого не любит, да и не способен даже кого-нибудь любить, несмотря на то, что так мучительно страдает! Любит фантазию, да ведь он и сам фантазия. Ведь если она пойдет за ним, то он завтра же разочаруется и взглянет на свое увлечение насмешливо. У него никакой почвы, это былинка, носимая ветром. Не такова она вовсе: у ней и в отчаянии и в страдальческом сознании, что погибла ее жизнь, все-таки есть нечто твердое и незыблемое, на что опирается ее душа. Это ее воспоминания детства, воспоминания родины, деревенской глуши, в которой началась ее смиренная, чистая жизнь, – это «крест и тень ветвей над могилой ее бедной няни». О, эти воспоминания и прежние образы ей теперь всего драгоценнее, эти образы одни только и остались ей, но они-то и спасают ее душу от окончательного отчаяния. И этого немало, нет, тут уже многое, потому что тут целое основание, тут нечто незыблемое и неразрушимое. Тут соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею. А у него что есть и кто он такой? Не идти же ей за ним из сострадания, чтобы только потешить его, чтобы хоть на время из бесконечной любовной жалости подарить ему призрак счастья, твердо зная наперед, что он завтра же посмотрит на это счастье свое насмешливо. Нет, есть глубокие и твердые души, которые не могут сознательно отдать святыню свою на позор, хотя бы и из бесконечного сострадания. Нет, Татьяна не могла пойти за Онегиным.

Итак, в «Онегине», в этой бессмертной и недостижимой поэме своей, Пушкин явился великим народным писателем, как до него никогда и никто. Он разом, самым метким, самым прозорливым образом отметил самую глубь нашей сути, нашего верхнего над народом стоящего общества. Отметив тип русского скитальца, скитальца до наших дней и в наши дни, первый угадав его гениальным чутьем своим, с историческою судьбой его и с огромным значением его и в нашей грядущей судьбе, рядом с ним поставив тип положительной и бесспорной красоты в лице русской женщины, Пушкин, и, конечно, тоже первый из писателей русских, провел перед нами в других произведениях этого периода своей деятельности целый ряд положительно прекрасных русских типов, найдя их в народе русском. Главная красота этих типов в их правде, правде бесспорной и осязательной, так что отрицать их уже нельзя, они стоят, как изваянные. Еще раз напомним: говорю не как литературный критик, а потому и не стану разъяснять мысль мою особенно подробным литературным обсуждением этих гениальных произведений нашего поэта. О типе русского инока-летописца, например, можно было бы написать целую книгу, чтоб указать всю важность и всё значение для нас этого величавого русского образа, отысканного Пушкиным в русской земле, им выведенного, им изваянного и поставленного перед нами теперь уже навеки в бесспорной, смиренной и величавой духовной красоте своей, как свидетельство того мощного духа народной жизни, который может выделять из себя образы такой неоспоримой правды. Тип этот дан, есть, его нельзя оспорить, сказать, что он выдумка, что он только фантазия и идеализация поэта. Вы созерцаете сами и соглашаетесь: да, это есть, стало быть, и дух народа, его создавший, есть, стало быть, и жизненная сила этого духа есть, и она велика и необъятна. Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда за русского человека.

*В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни, —*

сказал сам поэт по другому поводу, но эти слова его можно прямо применить ко всей его национальной творческой деятельности. И никогда еще ни один русский писатель, ни прежде, ни после, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин. О, у нас есть много знатоков народа нашего между писателями, и так талантливо, так метко и так любовно писавших о народе, а между тем, если сравнить их с Пушкиным, то, право же, до сих пор, за одним, много что за двумя исключениями из самых позднейших последователей его, это лишь «господа», о народе пишущие. У самых талантливых из них, даже вот у этих двух исключений, о которых я сейчас упомянул, нет-нет, а и промелькнет вдруг нечто высокомерное, нечто из другого быта и мира, нечто желающее поднять народ до себя и осчастливить его этим поднятием. В Пушкине же есть именно что-то сроднившееся с народом взаправду, доходящее в нем почти до какого-то простодушнейшего умиления. Возьмите Сказание о медведе и о том, как убил мужик его боярыню-медведицу, или припомните стихи: «Сват Иван, как пить мы станем», и вы поймете, что я хочу сказать. Все эти сокровища искусства и художественного прозрения оставлены нашим великим поэтом как бы в виде указания для будущих грядущих за ним художников, для будущих работников на этой же ниве. Положительно можно сказать: не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов. По крайней мере, не проявились бы они в такой силе и с такою ясностью, несмотря даже на великие их дарования, в какой удалось им выразиться впоследствии, уже в наши дни. Но не в поэзии лишь одной дело, не в художественном лишь творчестве: не было бы Пушкина, не определились бы, может быть, с такою непоколебимою силой (в какой это явилось потом, хотя всё еще не у всех, а у очень лишь немногих) наша вера в нашу русскую самостоятельность,

наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы, а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение в семье европейских народов. Этот подвиг Пушкина особенно выясняется, если вникнуть в то, что я называю третьим периодом его художественной деятельности.

***

Еще и еще раз повторю: эти периоды не имеют таких твердых границ. Некоторые из произведений даже этого третьего периода могли, например, явиться в самом начале поэтической деятельности нашего поэта, ибо Пушкин был всегда цельным, целокупным, так сказать, организмом, носившим в себе все свои зачатки разом, внутри себя, не воспринимая их извне. Внешность только будила в нем то, что было уже заключено во глубине души его. Но организм этот развивался, и периоды этого развития действительно можно обозначить и отметить, в каждом из них, его особый характер и постепенность вырождения одного периода из другого. Таким образом, к третьему периоду можно отнести тот разряд его произведений, в которых преимущественно засияли идеи всемирные, отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении. Некоторые из этих произведений явились уже после смерти Пушкина. И в этот-то период своей деятельности наш поэт представляет собою нечто почти даже чудесное, неслыханное и невиданное до него нигде и ни у кого. В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении – Шекспиров, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейше, он и народный поэт. Самые величайшие из европейских поэтов никогда не могли воплотить в себе с такой силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними народа, дух его, всю затаенную глубину это-

го духа и всю тоску его призвания, как мог это проявлять Пушкин. Напротив, обращаясь к чужим народностям, европейские поэты чаще всего перевоплощали их в свою же национальность и понимали по-своему. Даже у Шекспира его итальянцы, например, почти сплошь те же англичане. Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность. Вот сцены из «Фауста», вот «Скупой рыцарь» и баллада «Жил на свете рыцарь бедный». Перечтите «Дон Жуана», и если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец. Какие глубокие, фантастические образы в поэме «Пир во время чумы»! Но в этих фантастических образах слышен гений Англии; эта чудесная песня о чуме героя поэмы, эта песня Мери со стихами:

*Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса...*

Это английские песни, это тоска британского гения, его плач, его страдальческое предчувствие своего грядущего. Вспомните странные стихи:

*Однажды странствуя среди долины
дикой...*

Это почти буквальное переложение первых трех страниц из странной мистической книги, написанной в прозе, одного древнего английского религиозного сектатора, – но разве это только переложение? В грустной и восторженной музыке этих стихов чувствуется самая душа северного протестантизма, английского ересиарха, безбрежного мистика, с его тупым, мрачным и непреодолимым стремлением и со всем безудержем мистического мечтания. Читая эти странные стихи, вам как бы слышится дух веков реформации, вам понятен становится этот воинственный огонь начинавшегося протестантизма, понятна становится, наконец, самая история, и не мыслью только, а как будто вы сами там были, прошли мимо вооруженного стана сектантов, пели с ними их

гимны, плакали с ними в их мистических восторгах и веровали вместе с ними в то, во что они поверили. Кстати: вот рядом с этим религиозным мистицизмом религиозные же строфы из Корана или «Подражания Корану»: разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная кровавая сила ее? А вот и древний мир, вот «Египетские ночи», вот эти земные боги, севшие над народом своим богами, уже презирающие гений народный и стремления его, уже не верящие в него более, ставшие впрямь уединенными богами и обезумевшие в отъединении своем, в предсмертной скуке своей и тоске тешащие себя фантастическими зверствами, сладострастием насекомых, сладострастием пауковой самки, съедающей своего самца. Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось. Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего, тащущегося уже в настоящем, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности? Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк.

В самом деле, что такое для нас петровская реформа, и не в будущем только, а даже и в том, что уже было, произошло, что уже явилось воочию? Что означала для нас эта реформа? Ведь не была же она только для нас усвоением европейских костюмов, обычаев, изобретений и европейской науки. Вникнем, как дело было,

поглядим пристальнее. Да, очень может быть, что Петр первоначально только в этом смысле и начал производить ее, то есть в смысле ближайше утилитарном, но впоследствии, в дальнейшем развитии им своей идеи, Петр несомненно повиновался некоторому затаенному чутью, которое влекло его, в его деле, к целям будущим, несомненно огромнейшим, чем один только ближайший утилитаризм. Так точно и русский народ не из одного только утилитаризма принял реформу, а несомненно уже ощутив своим предчувствием почти тотчас же некоторую дальнейшую, несравненно более высшую цель, чем ближайший утилитаризм, — ощутив эту цель, опять-таки, конечно, повторяю это, бессознательно, но, однако же, и непосредственно и вполне жизненно. Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому! Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, с полной любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и наклонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода. Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. О, всё это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей. Если захотите вникнуть в нашу историю после петровской реформы, вы найдете уже следы

и указания этой мысли, этого мечтания моего, если хотите, в характере общения нашего с европейскими племенами, даже в государственной политике нашей. Ибо, что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой? Не думаю, чтоб от неумения лишь наших политиков это происходило. О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и воссоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову Евангельскому закону! Знаю, слишком знаю, что слова мои могут показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что их высказал. Этому надлежало быть высказанным, но особенно теперь, в минуту торжества нашего, в минуту чествования нашего великого гения, эту именно идею в художественной силе своей воплощавшего. Да и высказывалась уже эта мысль не раз, я ничуть не новое говорю. Главное, всё это покажется самонадеянным: «Это нам-то, дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой земле такой удел? Это нам-то предназначено в человечестве высказать новое слово?» Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки?

Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, из всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю «в рабском виде исходил благословляя» Христос. Почему же нам не вместить последнего слова Его? Да и сам Он не в яслях ли родился? Повторяю: по крайней мере, мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность его гения. Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные. В искусстве, по крайней мере, в художественном творчестве, он проявил эту всемирность стремления русского духа неоспоримо, а в этом уже великое указание. Если наша мысль есть фантазия, то с Пушкиным есть, по крайней мере, на чем этой фантазии основаться. Если бы жил он дольше, может быть, явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям, привлек бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть, успел бы им разъяснить всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь, стали бы нас предугадывать, перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, как теперь еще смотрят. Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем.

Иван Ильин

Пророческое призвание Пушкина

(Отрывок)

Пушкин, как никто до него, видел Россию до глубины. Он видел ее по-русски. А видеть по-русски – значит видеть сердцем. И он сам знал это; потому и написал: «Нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви» (20). Но именно силою любви он и мог разрешить свое великое задание.

Это задание состояло в том, чтобы духовно наполнить и оформить русскую душевную свободу, – и тем оправдать ее религиозно и исторически, и тем указать ей ее пути, и тем заложить основу ее воспитания, и тем пророчески указать русскому народу его жизненную цель.

Вот она, эта цель: жить в глубочайшей цельности и искренности – божественными содержаниями – в совершенной форме...

Кто, кроме Пушкина, мог поднять такое задание? И чем, если не боговдохновенным вдохновением, возможно разрешить его? А Пушкин принял его, разрешил и совершил.

Свобода – вот воздух России, которым она дышит и о котором русский человек всюду тоскует, если он лишен его. Я разумею не тягу к анархии, не соблазн саморазнуздания, и не политическую свободу. Нет, это есть та свобода, которая уже присуща русскому человеку, изначально данная ему Богом, природою, славянством и верою, – свобода, которую надо не завоевывать, а достойно и творчески нести, духовно наполнять, осуществлять, освящать, оформлять... Я разумею свободу как способ быть и действовать; как уклад души и инстинкта; как живой стиль чувства и его проявления, – естественного, непосредственного, откровенного в личном и искреннего в великом. Я разумею свободу как ритм дыхания, речи, песни и походки, как размах души и полет духа; как живой способ подходить ко всему и вступать со всеми вещами и людьми – в отношение и общение.

Иван Ильин,
русский философ

Русский человек чувствует ее в себе и в другом; а в ком он ее не чувствует, тем он тяготится. А западные народы доселе не постигают ее в нас; и доселе, когда замечают ее, дают ей неподходящие или даже пренебрежительные названия; и осуждают ее и нас за нее, – пока не побывают у нас в здоровой России (21); а побывав, вкусив ее, насладившись ею, часто любят на всю жизнь эту русскую свободу, – и нас за нее...

Пушкин сам дышал этой свободой, упоенно наслаждался ею и постепенно нашел пути к ее верному употреблению, к верному, идеальному, классически-совершенному наполнению ее и пользованию ею. И потому он стал русским национальным учителем и пророком.

Эта внутренняя, жизненно-душевная свобода выражается в чертах, свойственных рус-

скому характеру и русскому общественному укладу. Таковы эти черты: душевного простора, созерцательности, творческой легкости, страстной силы, склонности к дерзновению, опьянения мечтою, щедрости и расточительности, и, наконец, это искусство прожигать быт смехом и побеждать страдание юмором.

Эти национально-русские черты таят в себе великие возможности и немалые опасности. В них расцвел талант и гений Пушкина. И, расцветши в них, – он ими овладел, их наполнил, оформил и освятил. И именно поэтому он стал русским национальным воспитателем и предвозвестителем.

И вот, эта русская душевная свобода выражается, прежде всего, в особом просторе души, в ее объемности и всеоткрытости. Это есть способность вместить в себя все пространства земли и неба, все диапазоны звуков, все горизонты предметов, все проблемы духа – объять мир от края и до края.

Опасность этой душевной открытости в том, что душа останется пустою, незаселенною, беспредметною или же начнет заселяться всем без разбора и без качественного предпочтения. Начнется провал в дурную бездну пустыни, в ложную и праздную проблематичность, или же в хаос всесмешения. Для того, чтобы этого не случилось, нужна способность неутомимо «брать», воспринимать, трудиться, учиться – способность духовно голодать и, духовно напиваясь, никогда не насыщаться. И еще – способность отличать главное от неглавного, предпочитать во всем главное, предметное, Божественное, и Им заселять себя и свои просторы.

Вся душа Пушкина была как бы отверстым алканием. Он жил из своего глубокого, абсолютно отзывчивого чувствилища, – всему открытый, подобно самой русской земле, на все отзываясь, подобно воспетому им «эхо». Вся жизнь его проходила в восприятии все новых миров и новых планов бытия, в вечном, произвольно-творческом чтении Божиих иероглифов. В юности все, что ему посылала жизнь, затопляло его наводнением, засыпало его лавиною, не встре-

чая властного, качественного отбора. Душа его захлебывалась, содрогалась, металась, – великое мешалось с пустяком, священное с шалостью, гениальное с беспутным. И друзьям его казалось подчас, что он «весь исшалился», (22) что им не удастся «образумить» эту «беспутную голову (23)».

Но гений мужал и вдохновение побороло. Опыт жизни дарил ему обиды и муки; разочарования и испытания рано несли ему мудрую горечь и науку качественного выбора. Радостно следить, как Пушкин год за годом все более преодолевает свою и общерусскую опасность всесмешения в свободе; как «духовная жажда» побеждает все; как вдохновенно он заселяет свои духовные просторы, – и наши. Гений наполнял и обуздывал игру таланта. В ребенке зрел пророк.

Эта всеоткрытость души делает ее восприимчивою и созерцательною, в высшей степени склонною к тому, что Аристотель называл «удивлением», т. е. познавательным дивованием на чудеса Божьего мира. Русская душа от природы созерцательна и во внешнем опыте, и во внутреннем, и глазом души, и оком духа. Отсюда ее склонность к странничеству, паломничеству и бродяжеству, к живописному и духовному «взиранию».

Опасность этой созерцательной свободы состоит в пассивности, в бесплодном наблюдении, в сонливой лени. Чтобы эта опасность не одолела, созерцательность должна быть творческою, а лень – собиранием сил или преддверием вдохновения...

Пушкин всю жизнь предавался внешнему и внутреннему созерцанию, и воспевал «лень»; но чувствовал, что он имел право на эту «лень», ибо вдохновение приходило к нему именно тогда, когда он позволял себе свободно и непринужденно пастись в полях и лугах своего созерцания. И, Боже мой, что это была за «лень»! Чем заполнялась эта «пассивная», «праздная» созерцательность! Какие плоды она давала!

Вот чему он предавался всю жизнь, вот куда его влекла его «кочующая лень», его всежизненное, всероссийское бродяжество:

*По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусства и вдохновенья
Безмолвно утопать в восторгах умиления –
Вот счастье! вот права!..*

Прав был Аристотель, отстаивая право на досуг для тех, в ком живет свободный дух! Прав был Пушкин, воспевая свободное созерцание и творческое безделье! Он завещал каждому из нас – заслужить себе это право, осмыслить национально-русскую созерцательность творчеством и вдохновением.

Далее, эта русская душевная свобода выражается в творческой легкости, подвижности, гибкости, легкой приспособляемости. Это есть некая эмоциональная текучесть и певучесть, склонность к игре и ко всякого рода импровизации. Это – основная черта русскости, русской души. Опасность ее – в пренебрежении к труду и упражнению, к духовной «науке» – в беспочвенной самонадеянности, в чрезмерной надежде на «авось» и «как-нибудь»...

Пушкин был весь – игра, весь – творческая легкость, весь – огонь импровизации. Не за это ли друзья его – Жуковский, Вяземский, Дельвиг – прозвали его «Сверчком»? И вот, на протяжении всей своей жизни он учится духовной концентрации, предметному вниманию, сосредоточенному медитированию. Вот что означают его признания:

«Учусь удерживать вниманье долгих дум».(24)

«Иль думы долгие в душе моей питаю».(25)

*«И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине».*(26)

И на протяжении всей своей жизни он требует от своего импровизаторского дара – совершенной формы. Строгость его требований к себе была неумолимой. Он всегда чувствовал, что он «должен» сказать, и чего он «не властен» и «не смеет» сказать. (27) За несколько лет до смерти он пишет о себе: «Прозой пишу я гораздо неправильнее (чем

стихами), а говорю еще хуже...» (28)

Итак, вот его завещание русскому народу: гори, играй, импровизируй, но всегда учись сосредоточенному труду и требуй от себя совершенной формы.

Эта русская душевная свобода есть, далее, некая внутренняя сила, сила страсти, сила жизненного заряда, темперамента, – для которой русский народный эпос имеет два описания: «а сила-то по жилочкам так живчиком и переливается...», и еще: «от земли стоял столб бы до небушки, ко столбу было б золото кольцо, за кольцо бы взял – Святорусску поворотил...»

Опасность этой страсти – в ее бездуховности и противоразумности, в ее личном своекорыстии, в ее духовной беспредметности, в ее чисто азиатском безудерже... Кто не знает этой русской страстности, грозящего ей разлива, ее гона, ее скачки, ее неистовства, ее гомона, – «Пугачевского», – сказал Пушкин, «Карамазовского», – сказал Достоевский, «Дядю Ерошку» назвал Лев Толстой, – тот, поистине, не знает Россию. Но и обратно скажу: кто не знает духовного, религиозного, разумного и государственного преображения этой русской страстности, – прежде всего наших православных святых, и далее, Мономаха, Невского, Скопина-Шуйского, Гермогена, Петра Великого, Ломоносова, Достоевского и других, вплоть до наших черных дней, – тот тоже не знает Россию...

В ряду этих русских великанов страсти и духа – Пушкину принадлежит свое особое место. Один из его современников, поэт Ф.Н. Глинка, пишет о нем: «Пушкин был живой вулкан, внутренняя жизнь была из него огненным столбом (29)». И этому через край уходящему кипению души, этому страстному извержению соответствовали – пронизывающая сила острого ума, неосшибающийся эстетический вкус, качественное благородство души и способность трепетом и умилением отвечать на все Божественное.

И вот здесь мы касаемся одной из великих тайн Пушкина и его пророческого духа. Именно: страсть, озаренная до глубины разумом, есть новая страсть – сила духовной очевидности. Разум, насыщенный страстью из глубины, есть новый разум –

буря глубокомыслия. Страсть, облеченная в художественный вкус, есть сила поэтического вдохновения. Страсть, изливающаяся в совестное благородство, есть сразу: совесть, ответственная свобода духа и беззаветное мужество души. Страсть, сочетающаяся с религиозной чуткостью, есть дар прозрения и пророчества. В орле парении страсти рождается новый человек. В страстном насыщении духа новый человек возносится к Богу. Молния пробуждает вулкан, и вулкан извергает «сокровенная и тайная»...

Так возникает перед нами сияющий облик Пушкина – поэта и пророка. Отсюда рождались его вдохновеннейшие создания: «Пророк», «Поэт», «Вакхическая Песнь», «Чернь», «Поэту», «Монастырь на Казбеке» и другие, неисчислимы.

И голос этого пророческого зова, обращенного к России, не забудется, пока русский народ будет существовать на земле: – Страсть есть сила, Богом даруемая; не в ней грех, а в злоупотреблении ею. Ищи ее одухотворения, русский человек, и ты создашь великое. И на твой безудерж есть совершенная мера благородства, вкуса, разума и веры...

Вот почему эта свобода является свободой дерзновения. Пушкин, как настоящий русский человек, жил в формах отваги и мужества: не только политического, но и общественного; не только общественного, но и личного, не только бытовою храбростью, но и духовным дерзанием.

Остро и чутко испытывая вопросы личной чести, он был готов в любой момент поставить свое мужество на публичное испытание. В этом смысл его дуэлей. Идти к барьеру, вызвать на дуэль, послать противнику картель – не затрудняло его. И под пулю противника он стоял с тем же потрясающим спокойствием, с каким он мчался на Кавказе в атаку против горцев.

С тем же рыцарственным мужеством он заявил Императору Николаю Павловичу, при первом же свидании, что он по-прежнему любит и уважает декабристов и что только случай спас его от участия в демонстрации на площади.

С такою же легкою и отважною беспечностью он совершал по всей России свои бесчисленные шалости, которые потом передавались из уст в уста, волнуя сердца обывателей (30).

А когда это дерзновение творчески осмысливалось и духовно углублялось – тогда оно приводило его в искусстве к граням жизни и смерти, к пределам мистического опыта и запредельного мира. Смерть не страшила его, а звала его, говоря его сердцу «о тайнах вечности и гроба». Вот откуда родился этот гимн, звучащий исповедью:

*Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении чумы!
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья –
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог...*

Пушкин жил в некой изумительной уверенности, что грань смерти не страшна и удобопереступаема; что телесная жизнь и телесная мука не существенны; что земная жизнь не есть конец личного бытия и что общение с умершими возможно в силу таинственных, от Бога установленных законов мироздания. Вот откуда возникли такие дерзающие и ужасные творения его, как «Заклинание», «Для берегов отчизны дальней», «Люблю ваш сумрак неизвестный», «Герой», «Строфы к Родригу», «Утопленник», «Каменный Гость», «Пиковая Дама», «Пир во время чумы», «Русалка», «Медный всадник».

С тою же величавою простотою и скромным мужеством он ушел и сам из жизни, повергнув в трепет своих друзей и в умиление – своего духовного отца. Он жил и ушел из жизни, как человек дивного мужества, как

поэт дерзающего вдохновения, как рыцарь и прозорливец. Он жил и умер, как человек всегда пребывавший одною и притом существовавшей частью своего существа в потустороннем мире. И, уходя, он завещал русскому народу: свободен тот, кто не дорожит земною жизнью, кто властно дерзает перед земною смертью, не полагая ее своим концом. Свободен тот, кто, творя по совестному вдохновению волю Божию (31), помышляет не о судьбе своей земной личности, а лишь о духовной верности своих свершений. Таков Арион, сей «таинственный певец», полный «беспечной веры» и верный своим «гимнам». Он – в руке Божией, ибо

*Наперснику богов не страшны бури злые:
Над ним их промысел высокий и святой...
(32)*

Именно из этого метафизического самочувствия возникло и окрепло у Пушкина великое доверие к своему художественному воображению. Свобода мечты, – столь характерная для русской души, была присуща ему в высшей степени.

Опасность этой свободы, отмеченная Пушкиным в Онегине, Гоголем – в образе Манилова, Гончаровым – в образе Обломова, Достоевским и Чеховым во множестве образов, – состоит в духовной беспредметности и жизненной беспочвенности мечтания, в его сердечном холоде, в безответственной пассивности, в личной пустоте и пошлой незначительности. Мечтательность есть великий дар и великий соблазн русского человека. Через нее он вкушает призрачную свободу, а сам остается в мнимости и ничтожестве. Это есть своего рода душевное «пианство», которое слишком часто ведет к бытовому пьянству и завершается запоем...

Пушкин, хорошо знавший налеты этого пианственного буйа, сам же и противопоставил ему классическую силу духовного трезвения. И вот, блуждания мечты повели его к духовной реальности – не к бытовому «реализму» или «натурализму», не к безмерной фантастике романтизма, и не к пустотам сен-

тиментального идеализма, но к истинным высотам искусства... Все, самые противоположные опасности современной ему литературы, – от Фон-Визинского быта до отвлеченного идеализма Батюшкова, от французской «позы» и «фразы» до сентиментальности Жуковского, от субъективной прихоти Байрона, а иногда и Гете, до безмерной фантастики Гофмана, – все были преодолены классической мерою и зорко-утонченным вкусом Пушкина, энергией его чудного стиха и скромной точностью его прозы. Здесь эмпирическая правда быта соблюдена, но насыщена духовной глубиной и символикой. Полет фантазии остается свободным, но нигде не преступает меру правдоподобия. Все насыщено чувством, но мера чувства не допускает ни сентиментальности, ни аффектации. Это искусство показывает и умудряет, но не наставляет и не доктринерствует. В нем нет «тенденции» или «нравоучения», но есть углубление видения и обновление души. После этого искусства напыщенность и ходульность оказались скомпрометированными навсегда; «феатральность», ложный пафос, поза и фраза – стали невыносимы.

Пианство мечты было обуздано предметною трезвостью. Простота и искренность стали основой русской литературы. Пушкин показал, что искусство чертится алмазом; что «лишнее» в искусстве нехудожественно; что духовная экономия, мера и искренность составляют живые основы искусства и духа вообще. «Писать надо, – сказал он однажды, – вот так: просто, коротко и ясно (33)». И в этом он явился не только законодателем русской литературы, но и основоположником русской духовной свободы; ибо он установил, что свободное мечтание должно быть сдержано предметностью, а пианство души должно проникнуться духовным трезвением...

Такою же мерою должна быть скована русская свобода и в ее расточаемом обилии.

Свободен человек тогда, когда он располагает обилием и властен расточить его. Ибо свобода есть всегда власть и сила; а эта свобода есть власть над душою и над вещами, и сила в щедрой отдаче их. Обилие

ем искони славилась Россия; чувство его налагало отпечаток на все русское; но увы, новые поколения России лишены его... Кто не знает русского обычая дарить, русских монастырских трапез, русского гостеприимства и хлебосољства, русского нищелюбия, русской жертвенности и щедрости, – тот, поистине, не знает России. Отсутствие этой щедрой и беспечной свободы ведет к судорожной скупости и черствости («Скупой Рыцарь»). Опасность этой свободы – в беспечности, бесхозяйности, расточительности, мотовстве, в способности играть и проигрываться...

Как истинный сын России Пушкин начал свое поэтическое поприще с того, что расточал свой дар, сокровища своей души и своего языка – без грани и меры. Это был, поистине, поэтический вулкан, только что начавший свое извержение; или гейзер, мечущий по ветру свои сверкающие брызги: они отлетали, и он забывал о них, другие подхватывали, повторяли, записывали и распространяли... И сколько раз впоследствии сам поэт с мучением вспоминал об этих шалостях своего дара, клял себя самого и уничтожал эти несчастные обрывки... (34)

Уже в «Онегине» он борется с этой непредметной расточительностью и в пятой главе предписывает себе

*...Эту пятую тетрадь
От отступлений очищать.*

В «Полтаве» его гений овладел беспечным юношей: талант уже нашел свой закон; обилие заковано в дивную меру; свобода и власть цветут в совершенной форме. И так обстоит во всех зрелых созданиях поэта (35): всюду царит некая художественно-метафизическая точность, – щедрость слова и образа, отмеренная самим эстетическим предметом. Пушкин, поэт и мудрец, знал опасности Скупого Рыцаря и сам был совершенно свободен от них, – и поэтически, силою своего гения, и жизненно, силою своей доброты, отзывчивости и щедрости, которая доньше еще не оценена по достоинству.

Таково завещание его русскому народу, в искусстве и в историческом развитии: добротою и щедростью стоит Россия; властною мерою спасается она от всех своих соблазнов.

Укажем, наконец, еще на одно проявление русской душевной свободы – на этот дар прожигать быт смехом и побеждать страдание юмором. Это есть способность как бы ускользнуть от бытового гнета и однообразия, уйти из клещей жизни и посмеяться над ними легким, преодолевающим и отмечающим смехом.

Русский человек видел в своей истории такие беды, такие азиатские тучи и такую европейскую злобу, он поднял такие бремена и перенес такие обиды, он перетер в порошок такие камни, что научился не падать духом и держаться до конца, побеждая все страхи и мороки. Он научился молиться, петь, бороться и смеяться...

Пушкин умел, как никто, смеяться в пении и петь смехом, и не только в поэзии. Он и сам умел хохотать, шалить, резвиться как дитя и вызывать общую веселость. Это был великий и гениальный ребенок, с чистым, простодушно-доверчивым и прозрачным сердцем, – именно в том смысле, в каком Дельвиг писал ему в 1824 году: «Великий Пушкин, маленькое дитя. Иди как шел, т. е. делай, что хочешь...».

В этом гениальном ребенке, в этом поэтическом предметовидце – веселие и мудрость мешались в некий чистый и крепкий напиток. Обида мгновенно облекалась у него в гневную эпиграмму, а за эпиграммой следовал взрыв смеха. Тоска преодолевалась юмором, а юмор сверкал глубокомыслием. И – черта чисто русская – этот юмор обращался и на него самого, сверкающий, очистительный и, когда надо, покаянный.

Пушкин был великим мастером не только философической элегии, но и освобождающего смеха, всегда умного, часто наказующего, в стихах – всегда меткого, иногда беспощадного, в жизни – всегда беззаветно-искреннего и детского. В мудрости своей он умел быть как дитя. И эту русскую дет-

скость, столь свойственную нашему народу, столь отличающую нас от западных народов, серьезничающих не в меру и не у места, Пушкин завещал нам как верный и творческий путь.

Кто хочет понять Пушкина и его восхождение к вере и мудрости, должен всегда помнить, что он всю жизнь прожил в той непосредственной, прозрачной и нежно-чувствующей детскости, из которой молится, поет, плачет и пляшет русский народ; он должен помнить Евангельские Слова о близости детей к Царству Божьему.

Вот каков был Пушкин. Вот чем он был для России и чем он останется навеки для русского народа.

Единственный по глубине, ширине, силе и царственной свободе духа, он дан был нам для того, чтобы создать солнечный центр нашей истории, чтобы сосредоточить в себе все богатство русского духа и найти для него неумирающие слова. Он дан был нам как залог, как обетование, как благодатное удостоверение того, что и на наш простор, и на нашу страсть может быть найдена и создана совершающая и завершенная форма. Его дух, как великий водоем, собрал в себя все подпочвенные воды русской истории, все живые струи русского духа. И к целебным водам этой вдохновенно возмущенной купели будут собираться русские люди, пока будет звучать на земле русский язык, – чтобы упиться этой гармонией бытия и исцелиться от смуты, от застоя и брожения страстей.

Пушкин есть начало очевидности и радости в русской истории. В нем русский дух впервые осознал и постиг себя, явив себя – и своим, и чужим духовным очам; здесь он впервые утвердил свое естество, свой уклад и свое призвание; здесь он нашел свой путь к самоодолению и самопросветлению. Здесь русское древнее язычество (миф) и русская светская культура (поэзия) встретились с благодатным дыханием русского Православия (молитва) и научились у него трезвению и мудрости. Ибо Пушкин не почерпнул очевидность

в вере, но пришел к вере через очевидность вдохновенного созерцания. И древнее освятилось; и светское умудрилось. И русский дух познал радость исцеленности и радость цельности. И русский пророк совершил свое великое дело.

Все бремя нашего существования, все страдания и трудности нашего прошлого, все наши страсти, – все принято Пушкиным, умудрено, очищено и прощено в глаголах законченной солнечной мудрости. Все смутное прояснилось. Все страдания осветились изнутри светом грядущей победы. Оформились, не умаляясь, наши просторы; и дивными цветами зацвели горизонты нашего духа. Все нашло себе легкие законы неощутимо-легкой меры. И самое безумие явилось нам в образе прозрения и вещающей мудрости. Взоры русской души обратились не к больным и бесплодным запутанностям, таящим соблазн и гибель, а в глубины солнечных пространств. И дивное глубокочувствие и ясномыслие сочеталось с поющей и играющей формой... С тех пор в России есть спасительная традиция Пушкина: что пребывает в ней, то ко благу России; что не вмещается в ней, то соблазн и опасность. Ибо Пушкин учил Россию видеть Бога и этим видением утверждать и укреплять свои сокровенные, от Господа данные национально-духовные силы. Из его уст раздался и был пропет Богу от лица России гимн радости сквозь все страдания, гимн очевидности сквозь все пугающие земные страхи, гимн победы над хаосом. Впервые от лица России и к России была сказана эта чистая и могучая «Осанна», осанна искреннего, русским Православием вскормленного миропрятия и Богоблагословения, осанна поэта и пророка, мудреца и ребенка, о которой мечтали Гераклит, Шиллер и Достоевский.

А русская история была такова, что народ наш имел особую потребность и особое право на это радостное самоутверждение в Боге. И потому этот радостный и чудный певец, этот совершитель нашего духовного акта, этот основоположник рус-

ского слова и русского характера был дарован нам для того, чтобы стать солнечным центром нашей истории.

Пушкин, наш шестикрылый серафим, отверзший наши зеницы и открывший нам и горнее, и подводное естество мира, вложивший нам в уста жало мудрой змеи и завещавший нам превратить наше трепетное и неуравновешенное сердце в огненный уголь, – он дал нам залог и удостоверение нашего национального величия, он дал нам осязать блаженство завершённой

формы, её власть, её зиждущую силу, её спасительность. Он дал нам возможность, и основание, и право верить в призвание и в творческую силу нашей родины, благословлять её на всех её путях и прозревать её светлое будущее, – какие бы ещё страдания, лишения или унижения ни выпали на долю русского народа.

Ибо иметь такого поэта и пророка – значит иметь свыше великую милость и великое обетование.

Примечания И. Ильина

- (1) См. «Дневник Писателя» за 1880 год.
- (2) Срв.: «Домовому» (1819), «Еще одной высокой, важной песни» (1829), «Евгений Онегин» глава 8, «Два чувства» (1831) и др.
- (3) История Русского народа, сочинение Николая Полевого. 1830.
- (4) Исторические замечания (1822).
- (5) Там же.
- (6) О русской литературе...
- (7) История Русского народа (1830).
- (8) О русской литературе...
- (9) О русской литературе...
- (10) Даль В. И. Воспоминания о Пушкине. См.: Вересаев. Пушкин в жизни. III. С. 112.
- (11) Исторические замечания (1822).
- (12) Там же.
- (13) Мысли на дороге (1833-1834).
- (14) Исторические замечания.
- (15) Там же.
- (16) Отрывки (1827).
- (17) О народном воспитании (1826).
- (18) О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова (1825).
- (19) Письмо к Чаадаеву. (1836).
- (20) Александр Радищев (1836).
- (21) Ср. у Пушкина: «Разговор с англичанином». «Я. – Что поразило вас более всего

в русском крестьянине? Он. – Его опрятность и свобода». Из «Мыслей на дороге» (1833-1834).

(22) Письмо А. И. Тургенева к Вяземскому от 28 авг. 1818 г.

(23) Письмо Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву от 19 апреля 1820 г.

(24) »Чаадаеву» (1821).

(25) »Осень» (1830). «Еще одной высокой, важной песни» (1829).

(26) »Деревня» (1819).

(27) См. его письмо к Вяземскому (1823).

(28) »Вот уже 16 лет, как я печатаю» (1828).

(29) Письмо к Ивановскому от 27 ноября 1827. См. Вересаев. II, 107.

(30) »Шалости, обнаруживающие смелость и пылкость характера» («Метель»).

(31) »Веленью Божию, о Муза, будь послушна...»

(32) Дельвигу (1817).

(33) Миллер П. И. Встреча с Пушкиным. См. Вересаев. Пушкин в жизни. III, 67.

(34) Срв. отрывок: «Кстати. Начал я писать» (1830).

(35) Исключением является «Домик в Коломне» (1830).

МУЖ ПОБЕДЫ

«Это был один из самых необыкновенных людей века...»

А.Ф. Ланжерон

Военные теоретики до сих пор ломают голову над непростой задачей, которую задал на все времена А. В. Суворов: за 40 лет военной карьеры он выиграл более 60 крупных сражений и не допустил ни одного поражения. Противник ни разу не владел инициативой на поле боя там, где командовал А. В. Суворов.

Недоуменные вопросы возникают при рассмотрении почти каждого сражения под командованием А. В. Суворова. Например, взятие крепости Измаил. Это была одна из самых неприступных крепостей того времени. Её пытались штурмовать и генерал-фельдмаршал Н. В. Репнин, и генерал-фельдмаршал И. В. Гудович, и П. С. Потёмкин. Но только А. В. Суворов смог овладеть неприступной крепостью в численном меньшинстве. Как смог он это сделать, потеряв при этом своих солдат в 7 раз меньше, чем противник?

А как возможно было провести плохо экипированное войско в составе 20 тыс. человек через альпийские горы и в результате сохранить больше половины своих солдат да ещё захватить около 1,5 тыс. пленных?

Таких риторических вопросов в отношении военного гения Суворова задают множество. И ответа на них нет. Кроме, может быть, одного, который дал сам А. В. Суворов: «Бог нас водит. Он наш генерал».

Но о военных достижениях Суворова мы поговорим в других статьях. А сейчас хотелось бы обратиться к его личности. Какими путями достигают таких успехов? Что особенного должно быть в человеке, чтобы пользоваться безграничным доверием солдат, которые, не раздумывая, всегда шли за ним – атаки суворовских отрядов всегда были неожиданными, стремительными и неизменно успешными? На этот вопрос тоже есть ответ, его дал Д. В. Давыдов, леген-

Александр Васильевич Суворов

дарный командир партизанского движения во время Отечественной войны 1812 г., отец которого служил под командованием Суворова: «Он положил руку на сердце солдата и изучил его биение». Но, не зная многих обстоятельств жизни Суворова, эти слова можно посчитать красивой метафорой. На самом же деле всё было действительно так: начиналось с азов, с самого начала. А начало в героической биографии этого человека – жизнь простого солдата.

«Научись повиноваться...»

15-летним юношей будущий генералиссимус поступает рядовым в лейб-гвардии Семёновский полк и проходит весь курс

казарменного быта, строевой выучки и караульных нарядов. Он сам этого страстно желал и поэтому 10 лет такой жизни были ему в радость.

Всем ведь известно, что Суворов рос слабым, часто болел, поэтому отец готовил его на гражданскую службу.

Но недаром мальчика назвали Александром в честь Александра Невского. С детских лет Суворов проявил тягу к военному делу, он перечитал богатейшую отцовскую военную библиотеку, самостоятельно изучал артиллерию, фортификацию, военную историю. Он с раннего детства решил стать военным: начал закаляться и заниматься физическими упражнениями. Но вряд ли отец пошёл бы навстречу своему тщедушному сыну, если бы на него не повлиял генерал Абрам Ганнибал – друг семьи Суворовых и прадед А. С. Пушкина. Заметив страстное увлечение мальчика военным делом, он уговорил Суворова-старшего не мешать сыну идти по пути выбранного им жизненного поприща.

Несмотря на дворянское происхождение, Суворов никогда не избегал черновой работы, никому не доверял заботу о личном оружии и амуниции. Его мало интересовали театры, балы и товарищеские пирушки. Его друзьями были книги по истории, философии, физике и военному делу. Он сам говорил о себе: «У меня много старых друзей: Цезарь, Ганнибал, Вобан, Кегорн, Фолард, Тюренн, Монтекукули, Роллен... и всех не вспомню. Старым друзьям грешно изменять на новых». Изучая биографии великих полководцев, Суворов уже в ранней юности понял, что, каким бы ни был гениальным полководец и какими бы он ни обладал гениальными стратегиями, в бой идут всё-таки простые солдаты, именно от них зависит исход баталии. Изучению простого русского солдата и его жизни в армии и были посвящены годы службы Суворова в нижних чинах.

Поднимался он до рассвета, обливался ледяной водой и занимался гимнастикой – так постепенно из тщедушного и хилого парня он превратился в одного из выносливейших бойцов полка.

«Научись повиноваться, прежде чем повелевать другими» – вот с чего он начинал сам и чему учил молодых офицеров. А солдаты отвечали ему взаимной преданностью: «Да он отец наш был, он все наше положение знал, жил между нами, о нем у нас каждый день только и речи было, он у нас с языка не сходил. Суворов был солдатский генерал!».

Одним из главных секретов непобедимости Суворова была его передовая система воспитания и обучения войск. В её основе лежало убеждение, что человек является решающим фактором победы. Он был врагом бесцельной и бессмысленной муштры, воспитывал в солдатах чувство национального самосознания и любовь к Родине, приучал их к смелым, инициативным и искусным действиям в самых разнообразных условиях боевой обстановки. Главное внимание он обращал на обучение войск тому, что нужно на войне. Суворов уделял большое внимание быту и обеспечению солдат, в результате резко сократились различные заболевания, которые были «бичом» армий XVIII в. Безграничное доверие и любовь армии он завоевал неустанной заботой о солдатах, их быте и нуждах, а также тем, что всегда разделял с ними все тяготы походной жизни.

«Генералу необходимо непрерывное самообразование...»

Важным А. В. Суворов считал постоянное самообразование. Он владел шестью иностранными языками, в совершенстве изучил военную историю, а также изучал богословие, философию, физику. Выписывал основные периодические издания Европы и России, вел переписку со многими видными военными и политическими деятелями, цитировал по памяти литературные произведения своего времени. Храбрость и мужество, необходимые в военном деле, он не ставил выше знаний. «Генералу необходимо непрерывное самообразование себя науками, нужна непрестанная наука из чтений; только беспрестанное изощрение взгляда

сделает великим полководцем...», – писал он в одном из своих писем.

В местах постоянного базирования своих войск Суворов строил школы для дворянских и солдатских детей и сам в них преподавал. Он написал учебник по началам арифметики, солдатский молитвенник и краткий катехизис. А его книгу «Наука побеждать» знали наизусть и цитировали как поговорки: «Учение – свет, неученье – тьма», «тяжело в ученье – легко в бою», «за одного ученого трех неученых дают», «побеждай противника сначала мыслью, потом делом».

Суворова называли «Пушкиным военной культуры». Все его приказы и наставления отличаются простотой, ясностью и живостью. Такими же простыми и эффективными методами он учил своих солдат.

«Неправильной войной» во времена Суворова называли партизанские действия, но полководец и такие действия брал на вооружение. Он никогда не стеснялся перенимать удачный опыт у своих противников. И они, в свою очередь, ценили Суворова за его разносторонние знания и действия. О Суворове оставил заметки французский офицер Габриэль-Пьер Гильоманш-Дюбокаж: «Нужно ли после этого удивляться о причинах непобедимости войска Суворова? Последний из солдат, попавший в сферу его влияния, узнавал и практически, и теоретически боевое дело лучше, чем теперь его знают в любой европейской армии... Для его солдата не было неожиданностей в бою, ибо он испытывал в мирное время самые тяжелые из боевых впечатлений; не могло быть ничего непонятного из того, что делалось в бою, ибо во всем военном деле он имел основательное теоретическое представление. А если человек выдержан так, что его ничем удивить невозможно, если он при этом знает, что делать в своей скромной сфере, – он не может быть побежден, он не может не победить».

Большими поклонниками Суворова были британский адмирал Горацио Нельсон и его российский коллега – святой Ф. Ф. Уша-

ков. Оба они многое взяли из суворовской системы обучения. И оба не проиграли ни одного сражения.

Суворов, несмотря на то, что всю жизнь провел при армии, хорошо разбирался и в сельском хозяйстве и следил, чтобы в его поместьях оно велось грамотно: «Лень рождается от изобилия». Он имел в виду нежелание некоторых крестьян удобрять землю навозом.

«Весьма щадить жен, детей и обывателей...»

А. В. Суворов был очень верующим человеком. Во время Швейцарского похода он говорил: «Помощи теперь нам ждать не от кого; одна надежда на Бога, другая – на величайшую храбрость и на высочайшее самоотвержение войск, нами предводимых. Это одно остается нам. Нам предстоит труды величайшие, небывалые в мире: мы на краю пропасти. Но мы русские. С нами Бог!».

«Молись Богу: от Него победа», – учил Александр Васильевич Суворов. «Будь христианин; Бог Сам даст и знает, что когда дать», – наставлял он. Ни одно сражение не начинал он без войсковой молитвы, всякий бой заканчивал благодарственным молебном. «Безверное войско учить – что перегорелое железо точить», – говорил он. Каждый его воин обязательно должен был знать молитвы «Пресвятая Богородица, спаси нас!», «Святителю отче Николае Чудотворче, моли Бога о нас!» – «без сей молитвы оружия не обнажай, ружья не заряжай, ничего не начинай!».

Но как может вера в Бога сосуществовать со смертью, убийством? Ведь одна из заповедей гласит: «Не убий». Суворов думал и размышлял об этом: «...я проливал кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближнего. Во всю жизнь мою никого не сделал несчастным. Ни одного приговора на смертную казнь не подписал. Ни одно насекомое не погибло от руки моей...».

Но одновременно он был уверен в том, что «человек, любящий своих ближних,

человек, ненавидящий войну, должен добить врага, чтобы вслед за одной войной не началась другая». Однако во время войны приказывал «весьма щадить жен, детей и обывателей...», «безоружных, женщин и детей не трогать», «не обижай обывателя: он тебя поит и кормит», «солдат не разбойник».

В мирное время Суворов поддерживал старые и строил новые храмы, говоря: «Я и всех своих оброков на этот предмет не жалею». Только после его смерти стало известно, что ежегодно перед Пасхой он перечислял в петербургскую городскую тюрьму по несколько тысяч рублей на выкуп неимущих должников. Никто, даже самые близкие люди, не знали об этом.

За его полком всегда следовала полковая церковь, довольно благоустроенная.

Всем нам он оставил завещание: «Потомство мое прошу брать мой пример. Всякое дело начинать с благословения Божия. До издыхания быть верным государю и Отечеству; убегать роскоши, корыстолюбия и искать через истину и добродетель славу!».

***«Над ним шутили в штабе иногда,
а он брал сходу города»***

(Д. Байрон)

Великий полководец был в обычной жизни чудачком. Причём чудачество это было нарочитым и часто его выручало. Зато вышедший свет воспринимал его иногда не только за чудака, но и за полусумасшедшего. Например, он привык спать на сене, накрывшись шинелью, вместе с солдатами. И эту привычку не оставлял даже в царских покоях, где ему приходилось гостить. Рассказывают, что однажды Екатерина II спросила, чем его наградить. Суворов ответил:

- Оплати счёт за квартиру.
- А разве много? – удивилась она.
- Много, матушка: три рубля с полтиной, – вполне серьезно ответил Суворов.

Такие причуды иногда вводили придворных в полное замешательство, но зато

он мог высказывать свое мнение на любую тему и на любом уровне. «Я бывал при дворе, но не придворным, а Эзопом, Лафонтеном: шутками и звериным языком говорил правду. Подобно шуту Балакиреву, который был при Петре I и благодетельствовал России, кривлялся и корчился. Я пел петухом, пробуждая сонливых, угомонял буйных врагов Отечества», – говорил он о себе.

Были у него и другие чудачества. Он любил ходить среди солдат в своей серенькой солдатской шинели и всегда радовался, когда его не узнавали. Однажды к нему обратился сержант с бумагами:

– Эй, старик! Скажи, где пристал Суворов?

– А черт его знает, – ответил «старик».

– Как! – взмутился сержант. – У меня от генерала к нему бумаги.

– Не отдавай, – заговорщицки сказал «старик». – Он теперь или мертвецки пьян, или горланит петухом.

Сержант от возмущения замахнулся палкой:

– Моли Бога, старикашка, за свою старость: не хочу руки марать! Ты, видно, не русский, что так ругаешь нашего отца и благодетеля!

Через час узнавший его сержант упал на колени, но главнокомандующий, обняв его, сказал:

– Ты доказал любовь к начальнику на деле: хотел поколотить меня за меня же...

Уже упомянутый нами Дюбокаж так писал о внешности Суворова: «Наружность фельдмаршала как нельзя лучше соответствовала оригинальности его личности. Это был маленький человек слабого сложения, но одаренный природою могучим и чрезвычайно нервным темпераментом... Не похоже, чтобы он когда-либо, даже в молодости, обладал красивой внешностью. У него был большой рот и черты лица малоприятные, но его взгляд был полон огня, живой и необыкновенно пронизательный: казалось, он все пронизывал и исследовал глубину вашей души, когда останавливался на вас внимательно. Я встречал не много людей,

у которых чело было бы больше изрезано морщинами, и морщинами настолько выразительными, что лицо его как бы говорило без помощи слов. Характер у него был живой и нетерпеливый: когда он бывал чем-либо глубоко возмущен и рассержен, лицо его становилось суровым, грозным, даже ужасным – оно выражало все чувства, волновавшие его в эту минуту. Но эти минуты были редки и всегда вызваны основательными причинами, а его суровость никогда не переходила в несправедливость, хотя порой он и бывал чрезмерно едок и язвителен. Проходило возмущение, и черты его лица вновь принимали выражение обычной доброты, следуя за состоянием его души».

***«Кто любит свое Отечество,
тот подает лучший пример
любви к человечеству»***

Вот слова истинного патриота. Он верил в то, что «против храброго русского гренадера никакое в свете войско устоять не может», но в то же время сам презирал всевозможное бахвальство и пренебрежение к врагу: «Никогда не презирайте вашего неприятеля, каков бы он ни был. И хорошо узнавайте его

оружие, его образ действовать и сражаться. Знай, в чем его сила и в чем слабость».

Военный гений Суворова был настолько признан, что поражение от него не считалось поражением. Об этом писал французский маршал Жак Макдональд: «Я был очень молод во время сражения при Треббии; эта неудача могла бы иметь пагубное влияние на мою карьеру; меня спасло лишь то, что победителем моим был Суворов».

Своему сыну Александру он завещал: «Будь чистосердечен с друзьями твоими, умерен в своих нуждах и бескорыстен в своих поступках; проявляй пламенную ревность к службе своему государю; люби истинную славу; отличай честолюбие от гордости и кичливости; с юных лет приучайся прощать проступки ближнего и никогда не прощай своих собственных; тщательно обучай подчиненных тебе солдат и подавай им пример...».

Будучи последователем Петра I и учеником П. А. Румянцева, Суворов сам воспитал много замечательных русских полководцев и военачальников, среди которых наиболее выдающимися были М. И. Кутузов и П. И. Багратион. На идеях Суворова были воспитаны многие известные русские военные деятели.

Даниил Ильченко

Сергей Алексеев

Из «Рассказов о Суворове и русских солдатах»

Бить, а не считать

Впервые Суворов попал на войну совсем молодым офицером. Россия в то время воевала с Пруссией. И русские, и прусские войска растянулись широким фронтом. Армии готовились к грозным боям, а пока мелкими набегам «изучали» друг друга.

Суворову выделили сотню казаков и поручили наблюдать за противником. В сорока верстах от корпуса, в котором слу-

жил Суворов, находился прусский городок Ландсберг.

Городок небольшой, но важный. Стоял он на перепутье проезжих дорог. Охранял его хорошо вооруженный отряд прусских гусар.

Ходил Суворов несколько раз со своей сотней в разведку, исколесил всю округу, но, как назло, даже издали ни одного пруссака не увидел.

А что же это за война, если даже не видишь противника!

И вот молодой офицер решил учинить настоящее дело, попытать счастья и взять Ландсберг. Молод, горяч был Суворов.

Поднял он среди ночи сотню, приказал седлать лошадей.

– Куда это? – заволновался казачий сотник.

– Вперёд! – кратко ответил Суворов.

До рассвета прошла суворовская сотня все сорок вёрст и оказалась на берегу глубокой реки, как раз напротив прусского города.

Осмотрелся Суворов – моста нет. Сожгли пруссаки для безопасности мост. Оградили себя от неожиданных нападений.

Постоял Суворов на берегу, подумал и вдруг скомандовал:

– В воду! За мной! – И первым бросился в реку.

Выбрались казаки на противоположный берег у самых стен вражеского города.

– Город наш! Вперёд! – закричал Суворов.

– В городе же прусские гусары, – попытался остановить Суворова казачий сотник.

– Помилуй Бог, так это и хорошо! – ответил Суворов. – Их как раз мы и ищем.

Понял сотник, что Суворова не остановишь.

– Александр Васильевич, – говорит, – прикажите хоть узнать, много ли их.

– Зачем? – возразил Суворов. – Мы пришли бить, а не считать.

Казаки ворвались в город и разбили противника.

Переход

Двигается суворовская армия, совершает стремительный переход. День, второй, третий... десятый. Каждый день – шестьдесят верст. То ли солнце палит, то ли грязь, непогода – идут колонны одна за другой, совершают дальний поход.

Измучились солдаты в пути. Пообтрепались башмаки на дорогах. Гудят от волдырей и усталости ноги.

Изнемогли солдаты. Нет солдатских сил идти дальше. А идти надо. Нельзя не идти.

Догоняет Суворов заднюю из колонн. Делает вид, что не замечает солдатской усталости.

– Богатыри! Ребята! – кричит Суворов. – Орлы! Да за вами и конному не угнаться! Так, верно, молодцы – шире шаг: отдавите передним пятки!

Догоняет Суворов среднюю из колонн:

– Богатыри! Братцы! Неприятель от вас

дрожит. Вперед! Вперед! Нога ногу подкрепляет – раз, два, левой, левой... Рука руку усиляет – раз, два, левой, левой! Шибче! Шибче! Задние пятки отдавят!

Догоняет Суворов первую из колонн:

– Дети! Орлы! Неприятель без вас скучает. Вперед! Вперед! Теснее ряд, выше голову, грудь навывкат! Ух, махни, головой тряхни, удаль солдатскую покажи! Барабаны! Музыка! Песни!

Затрубили трубачи и горнисты, ударили барабаны, разнеслась над войсками песня. Повеселели, подтянулись солдаты. Сбилась от четкого солдатского шага дорожная пыль столбом.

Едет впереди своих войск Суворов – доволен. Не остановилась русская армия – движется. Забыли солдаты про ссадины на ногах и усталость. Идут колонны одна за другой, совершают стремительный переход.

Мишка

Не везло Суворову на лошадей. Одной неприятельское ядро оторвало голову. Вторую ранило в шею, и ее пришлось пристрелить. Третья лошадь оказалась просто-напросто глупой.

Но вот донские казаки подарили Суворову Мишку. Глянул фельдмаршал: уши торчком, землю скребет копытом. Не конь, а огонь.

Подошел Суворов слева, подошел справа. И Мишка повел головой то в одну, то в дру-

гую сторону, как бы присматриваясь, достойным ли будет седок. Понравился Суворову Мишка. И Мишке, видать, Суворов пришелся по вкусу. Сдружились они и понимали друг друга без слов.

Хорошее настроение у Суворова – и у Мишки хорошее, играет, мчит во весь опор. Огорчен, опечален Суворов – и Мишка насупится, шагом идет, медленно и осторожно, чтобы лишний раз хозяина не потревожить.

Лихим оказался Мишка в бою. Ни ядер, ни пуль, ни кривых турецких сабель – ничего не боялся. У Рымника на Мишке Суворов громил Юсуф-пашу. На нем приехал под Измаил.

Но и у лошади жизнь солдатская. В одном из сражений Мишку ранило в ногу. Конь захромал и к дальнейшей службе оказался негоден.

Суворов бранился, кричал на докторов и коновалов, требовал, чтобы те излечили Мишку. Коню делали припарки, извлекли пулю, наложили ременный жгут. Не помогло. От хромоты конь не избавился.

Пришлось Суворову расстаться с верным товарищем. Простился фельдмаршал с конем, приказал отправить его к себе в имение, в село Кончанское. Старосте написал, что конь «за верную службу переведен в отставку и посажен на пенсию», и наказал, чтобы Мишку хорошо кормили, чистили и выводили гулять.

Староста каждый месяц должен был писать Суворову письма и сообщать, как живет в «отставке» Мишке.

Фельдмаршал часто вспоминал лихого донца. И после Мишки у Суворова побывало немало коней, да лучше Мишки все-таки не было.

Дерзость

В бою под Фокшанами турки расположили свою артиллерию так, что с тыла, за спиной, у них оказалось болото. Позиция для пушек – лучше не сыщешь: сзади неприятель не подойдет, с флангов не обойдет. Спокойны турки.

Однако Суворов не побоялся болота. Прогнали суворовские богатыри через топи и, как гром среди ясного неба, – на турецкую артиллерию сзади. Захватил Суворов турецкие пушки.

И турки, и австрийцы, и сами русские сочли маневр Суворова за рискованный, дерзкий.

Хорошо, что прошли через топи солдаты, а вдруг не прошли бы?!

– Дерзкий так дерзкий, – усмехнулся Суворов. – Дерзость войскам не помеха.

Однако мало кто знал, что, прежде чем пустить войска через болота, Суворов отрядил бывалых солдат, и те вдоль и поперек излазили топи и выбрали надежный путь для своих товарищей. Суворов берег солдат и действовал наверняка.

Месяц спустя в новом бою с турками пол-

ковник Илловайский решил повторить дерзкий маневр Суворова.

Обстановка была схожей: тоже турецкие пушки и тоже болото.

– Суворову повезло, – говорил Илловайский. – А я что, хуже? И мне повезет.

Только Илловайскому не повезло. Повел полковник солдат, не зная дороги. Завязли солдаты в болоте. Стали тонуть. Поднялся шум, крики. Поняли турки, в чем дело. Развернули свои пушки и расстреляли русских солдат. Много солдат погибло. Илловайский, однако, спасся.

Суворов разгневался страшно. Кричал и ругался до хрипоты.

– Так я же хотел, как вы, чтобы дерзость была, – оправдывался Илловайский.

– «Дерзость»! – кричал Суворов. – Дерзость есть, а где же умение?!

За напрасную гибель солдат Суворов разжаловал полковника в рядовые и отправил в обозную команду.

– Ему людей доверять нельзя, – говорил Суворов. – При лошадях он безопаснее.

Первый

Вечером после победы у Рымника Суворов шел по русскому лагерю.

Смотрит – у одной из палаток собрались офицеры, шумят, спорят, кто первым ворвался в турецкий лагерь.

Остановился Суворов, прислушался.

– Я первым ворвался, – говорит поручик Синицкий.

– Нет, я, – уверяет капитан Мордюков.

– Первым был я, – доказывает секунд-майор граф Калачинский.

Спорят офицеры, не уступают друг другу. Знают, что первому будет награда.

Покачал головой Суворов, двинулся дальше. Смотрит – у костра собрались солдаты и тоже о том же спорят. Остановился Суворов, прислушался.

– Первым ворвался в турецкий лагерь гренадер Гагин, – говорит один из солдат.

– Не Гагин, а Хотин, – поправляет его второй.

– И не Гагин, и не Хотин, а Знамов, – уверяет третий.

Решили солдаты вызвать и Гагина,

и Хотина, и Знамова – пусть скажут сами. Заинтересовался Суворов. Решил подождать. Приходят солдаты.

– Ты был первым? – спрашивают у Гагина.

– Нет, – отвечает Гагин. – Первым был Хотин.

– Нет, не я, – отвечает Хотин. – Первым был Знамов.

– Братцы, – воскликнул Знамов, – так я же и третьим не был! Первым был Гагин. За Гагиным – Хотин.

Порадовался Суворов солдатской скромности, подошел он к гренадерам.

– Дети! Чудо-богатыри! Все вы были первыми. Все вы герои!

Потом Суворов вернулся к офицерской палатке. А там дело чуть не до драки. Офицеры по-прежнему спорят, друг другу первенство не уступают.

Разозлился Суворов.

– Марш спать! – прикрикнул на офицеров. – Никто из вас первым не был. Нет среди вас истинного героя.

Родительская шинель

В наследство от отца Суворову досталась шинель. Была она старая, местами латаная. Но Суворов гордился родительской шинелью. Брал ее с собою во все походы и, как наступали холода, никакой другой одежды не признавал.

И вот суворовская шинель попала в руки противника. Дело было летом. Хранилась шинель в армейском обозе. Как-то на обоз налетел турецкий разъезд, перебил охрану и увез ее вместе с другими вещами.

Фельдмаршал опечалился страшно. Места себе не находил. Осунулся. Лишился доброго аппетита.

– Да мы вам, ваше сиятельство, – успокаивали его армейские интенданты, – новую шинель сошьем. Лучшую.

– Нет, нет, – отвечал Суворов. – Не видать

мне подобной шинели. Нет ей цены. Нет ей замены.

О пропаже суворовской шинели узнали и солдаты Фанагорийского полка. Договорились они во что бы то ни стало вернуть от турок фельдмаршальскую шинель.

Во главе с поручиком Троицким и капра-лом Иваном Книгой солдаты пошли в разведку. Но неудачно: шинели не нашли. Зато взяли в плен турка. Стали допытывать, но тот про шинель ничего не знал.

На следующий день снова ходили в разведку, снова взяли турка, но и этот турок нового ничего не сказал.

Две недели солдаты упорно ходили в разведку. Изловили за это время шесть турецких солдат, и лишь седьмой оказался из тех, что принимали участие в наскоке на русский обоз.

Пленник долго не мог вспомнить, была ли шинель и что с ней стало. Наконец вспомнил, что досталась она при дележе захваченного имущества старому турку по имени Осман.

– А где он? Жив тот Осман? – заволновались солдаты.

Осман оказался жив. Только вот задача – пойди излови Османа.

Тогда поручик Троицкий решил отпустить пленного турка и наказал: если тот принесет в русский лагерь суворовскую шинель, то и остальные шесть будут отпущены.

На следующий день турок вернулся, принес шинель.

Узнал Суворов, как попала к русским шинель, страшно разгневался.

– Людьми рисковать! Из-за шинелишки солдатские головы под турецкие пули! – кричал он на поручика Троицкого.

Смутился поручик.

– Так они, ваше сиятельство, сами.

– «Сами»! – пробурчал Суворов, однако уже не так строго.

Потом взял шинель в руки, глянул на потертые полы, на залатанный борт и вдруг заплакал.

– Чего это наш фельдмаршал? – спрашивали не знавшие, в чем дело, солдаты.

– Шинель, – отвечал Иван Книга.

– Ну так что?

– Родительская, – с нежностью пояснял капрал.

«Как дела у вас в Париже?»

Поручик Козодубов во всем подражал французам. Манеры французские. Говорил по-французски. Книги читал французские. Особенно поручик любил болтать о Париже: и во что там народ одевается, и что ест, и что пьет, и как время проводит. И все-то ему у французов нравится. И все-то ему у русских нехорошо. И хотя сам Козодубов во Франции и Париже ни разу не был, да получалось из его слов, что чуть ли он не рожден в Париже, что вовсе и не русский он, а француз.

Прожужжал поручик своим товарищам о французах и о Париже все уши.

Вот как-то встретил Суворов Козодубова, взглянул, спрашивает:

– Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

– Так матушка у меня в Питере и батюшка в Питере, – ответил удивленный поручик.

– Ах, прости, прости! – извинился Суворов. – Я-то думал, ты из французских.

Ничего не понял поручик. По-прежнему нахваливает все французское, а русских ругает.

Прошло несколько дней. Встретил снова Суворов поручика, опять с вопросом:

– Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

– Так, ваше сиятельство, я уже говорил, матушка у меня в Питере и батюшка в Питере. А рожден я во Пскове.

– Ах, прости, прости старика, запомню.

Не может понять поручик, в чем дело. Стал он жаловаться товарищам на Суворова: мол, стар фельдмаршал, мол, память уже никуда и речи порой непонятные, странные.

Видит Суворов, что поручик и теперь ничего не понял.

Происходило это как раз во время войны с французами. Наступил перерыв в боях. Предложили французы обменяться пленными офицерам. Суворов согласился. Составили штабные офицеры списки.

Просмотрел Суворов.

– Тут не все, – говорит.

– Все, ваше сиятельство, – докладывают офицеры.

– Нет, не все, – повторяет фельдмаршал. – Тут еще один французиска не указан...

Рассмеялись офицеры. Поняли шутку фельдмаршала. Рассказали поручику. Бросился тот со всех ног к Суворову.

– Ваше сиятельство! – кричит. – Ваше

сиятельство, ошибка! Русский я! Я же вам говорил.

– Нет ошибки, – отвечает фельдмаршал. – Не русский ты.

– Русский, – утверждает поручик. – Русский. И матушка у меня русская, и батюшка русский. И фамилия у меня Козодубов. И во Пскове рожден.

– Мало что во Пскове рожден. Мало что

матушка да батюшка русские, – говорит Суворов. – Да ты-то не русский. Душа у тебя не русская.

Дошло наконец до неумной головы, в чем дело. Упал он на колени, просит простить. Подумал Суворов, сказал:

– Ладно, так уж и быть – оставайся. Только ступай с моих глаз долой. Иди думай. Гордись, дурак, что ты россиянин!

«Без уважения к прошлому нет будущего»

Николай Михайлович Соковнин (9 ноября 1811 г. – 6 февраля 1894 г.) – вице-адмирал, участник Крымской войны, изобретатель в области воздухоплавания, комендант г. Феодосия. Потомок одного из древнейших родов Германии и прадед 35 Президента США – Джона Ф. Кеннеди. Первый почетный член Русского общества воздухоплавания.

Обедневшие дворяне Соковнины отдали своего четырнадцатилетнего сына Николая в Морской кадетский корпус, закрытое привилегированное учебное заведение, выпускавшее офицеров флота. 27 декабря 1827 года Соковнин был произведен в гардемарины. Летом следующего года он стажировался на корабле «Святой Андрей» в крейсерском плавании по Балтийскому морю. С производством в мичманы был оставлен для продолжения учебы в офицерском классе корпуса, в который зачислялись только лучшие по наукам и поведению выпускники корпуса. Офицерские классы, созданные по проекту И. Ф. Крузенштерна, были, по сути, высшим учебным заведением русского флота (позже преобразованы в Академический курс морских наук, а затем, в 1877 году, по случаю пятидесятилетия основания офицерского класса курс получил название Морской академии).

При выпуске из класса Н. М. Соковнин стал лейтенантом и получил право носить серебряный аксельбант. Служба выпускника офицерских классов на военном транспорте «Кит» сразу началась с участия в боевых операциях Черноморского флота в ходе египетско-турецкой войны, в которой Россия выступила в качестве союзника Турции. В дальнейшем Соковнин служил на фрегате «Архипелаг», линейном корабле «Адрианополь», корветах «Мисемврия» и «Ифигения», фрегатах «Штандарт» и «Браилов». За дозорную службу на «Агатополе» под

Николай Михайлович Соковнин

командованием адмирала Е. В. Путятина Николай Михайлович Соковнин был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.

В 1837 году российским правительством было принято решение о создании Черноморской береговой линии от Тамани до Поти. Начальником и ответственным за строительство береговых укреплений был назначен генерал Николай Николаевич Раевский-младший (1801-1843), участник наполеоновских и кавказских войн. Главному командиру Черноморского флота Михаилу Петровичу Лазареву было поручено тщательно изучить побережье Кавказа и подобрать удобное место для высадки десанта и стро-

ительства фортов. В составе Геленджикской эскадры лейтенант Соковнин участвовал в нескольких операциях. В этой кампании он сблизился не только с Раевским и Лазаревым, но и с адъютантом Раевского штабс-капитаном Львом Сергеевичем Пушкиным (1805-1852), братом великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. О его смерти Лев Сергеевич узнал только на Кавказе в марте 1837 года (дуэль состоялась 27 января). Он с горечью писал: «Сам я получил только контузию, будучи вечно под пулями; бедный же брат мой погиб в это время от одной, ему обреченной».

Все новые знакомые Соковнина отличались удалью и бесстрашием. О секунданте А. С. Пушкина в роковой дуэли с бароном Георгом Геккереном (Дантесом) Константи́не Карловиче Данзасе (1801-1870), командире Тенгинского пехотного полка, «маршале Субаши», как его называли местные жители, участник кавказских войн Н. И. Лорер вспоминал: «Подобной храбрости и хладнокровия, каким обладал Данзас, мне не случалось встречать в людях, несмотря на мою долговременную военную службу».

В боевых операциях у Кавказских берегов принимал участие фрегат «Брайлов», которым командовал капитан-лейтенант Федор Федорович Матюшкин (1799-1872), лицейский товарищ А. С. Пушкина.

«За отличную храбрость, оказанную при высадке десантного отряда у р. Шапсухо», лейтенант Соковнин был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью: «За храбрость».

В годы Крымской (Восточной) войны (1853-1856) Николай Михайлович Соковнин защищал позиции левого фланга 4-го бастиона – Язоновский редут и батареи, в то время как его родной «Херсонес» под командованием капитан-лейтенанта Ф. Ф. Руднева из Северной бухты поддерживал артиллерийским огнем защитников 1-го и 2-го бастионов.

В донесении главнокомандующего генерал-адъютанта князя А. С. Меншикова сказано, что «...44-го флотского экипа-

жа капитан 2-го ранга Соковнин, находясь на батарее, действуя днем и ночью против неприятеля и подвергая себя убийственному огню, постоянно оказывает пример отличной храбрости».

В Севастополе Николай Михайлович был ранен и контужен. 1 мая 1855 года его увезли в Херсонский морской госпиталь, где он пробыл два месяца, а затем был отправлен в полугодовой отпуск «для продолжения излечения болезни, происшедшей от контузии в голову». За оборону Севастополя Соковнин награжден орденами Св. Владимира 4-й степени с бантом и Св. Анны 2-й степени с мечами. 30 марта 1855 года за отличия по службе был произведен в капитаны 1-го ранга, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (№ 9877 от 26.11.1855). В июне 1855 года он, находясь на излечении после контузии, был введен в состав Морского ученого комитета, учреждения, в котором сосредотачивались сведения о развитии, новейших успехах и открытиях в области мореходных наук и общее заведование учебными заведениями морского ведомства. На заседании комитета рассматривались проекты, изобретения и различные предложения по всем отраслям морского дела. Комитет ведал Морской библиотекой и издавал журнал «Морской сборник», в котором печатался Н. М. Соковнин, бывший к этому времени уже автором двух книг («Записки о Балтийском море» и «Записки об Азовском море»). Впервые на заседание комитета он попал в апреле 1856 года на обсуждение проекта «воздушного шара для военных надобностей», предложенного немецким изобретателем Любеком. На этом же заседании комитет поручил изучить степень развития воздухоплавания в мире члену Морского ученого комитета полковнику Константину Ивановичу Константинову, крупному специалисту в области боевой ракетной техники и артиллерии, будущему начальнику Николаевского ракетного заведения (завода). Статью «Воздухоплавание» К. И. Константинов опубликовал в «Морском сборнике»

(1856, № 8). Она произвела впечатление на Н. М. Соковнина, который в это время был увлечен идеей управляемого полета. В следующем номере сборника появилась его работа «Примечания к статье «Воздухоплавание».

Ставший в 1858 году председателем Морского ученого комитета Федор Федорович Матюшкин поощрял участие своего друга в разрешении задачи управления аэростатами. В марте 1859 года Николай Михайлович был назначен комендантом г. Феодосии. Уже через год после вступления в новую должность он был награжден императорской короной на орден Св. Анны 2-й степени с мечами «за отличную усердную службу и особые труды по переводу общенародных сигналов». Вскоре за успехи по службе произведен в контр-адмиралы (1864), награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами (1866).

Несмотря на крайнюю занятость обязанностями коменданта, Николай Михайлович начал непосредственно работать над проектом дирижабля собственной конструкции. Основные положения проекта Соковнин изложил в виде научно-популярной статьи, которую послал на рассмотрение Морского ученого комитета, нашедшего его труд интересным. Произвести необходимые расчеты ему помог Карл Христович Кнорре (1801-1883), астроном, первый директор Николаевской морской (позднее астрономической) обсерватории. Результаты своей работы адмирал обобщил в книге, которую назвал «Воздушный корабль». Напечатана она была в 1866 году в Петербургской типографии Департамента уделов, второе и третье издание появились, соответственно, в 1871 и 1874 годах в Феодосии. Заслуга Н. М. Соковнина состоит в том, что он разработал проект управляемого аэростата-дирижабля с реактивным двигателем, действующим реакцией струи сжатого воздуха, сформулировал требования к аэродинамическим качествам дирижабля и впервые ввел плоскостной руль высоты.

После поражения в Крымской войне Российской империи запрещалось иметь на Черном море военный флот, а на его берегах – военные крепости и арсеналы. Следствием этого явилось и упразднение в 1867 году Феодосийского комендантского управления. А сам комендант, произведенный в вице-адмиралы, был уволен в отставку «с мундиром и пенсионом». В 1869 году он был избран почетным мировым судьей, а затем – председателем съезда мировых судей Феодосийского уезда. После отмены статей Парижского мирного договора Николай Михайлович Соковнин вновь на службе. В мае 1877 года его назначили помощником начальника приморской службы Севастополя.

В 1882 году вице-адмирал Н. М. Соковнин состоял при управляющем Морским министерством И. А. Шестакове. Но петербургский период его службы был недолгим. 20 мая 1885 года, заслужив у подхалимов прозвище «сумасшедший адмирал» за прямоту и честность, он вышел в отставку, числясь до конца дней своих «по флоту» в Первом Черноморском флотском Его Императорского Высочества генерал-адъютанта Константина Николаевича экипаже.

А вот научная деятельность развивалась довольно успешно. В декабре 1879 года Николай Михайлович был приглашен на VI Всероссийский съезд естествоиспытателей и врачей. Воздухоплавательная секция съезда приняла решение издавать специальный еженедельный журнал, который стал выходить с 1880 года под названием «Воздухоплаватель». Не менее важным было решение съезда об учреждении Русского общества воздухоплавания с целью поиска «наивыгоднейшего способа передвижения по воздуху, осуществлению проектов летательных снарядов, популяризации и распространения в обществе науки и искусства воздухоплавания при помощи печати, публичных опытов и покровительства изобретателям приборов для передвижения по воздуху». 1 ноября 1880 года в «Воздухоплавателе» появилось сообщение: «Еще нельзя предвидеть состав Русского общества воздухопла-

вания, но основатели этого общества уже согласились признать первым почетным членом в Париже – доктора медицины Ироде-Вильнева, бывшего президента (ныне вице-президента) Французского общества воздухоплавания и редактора «Аэронавта» и первым почетным членом в России – вице-адмирала Николая Михайловича Соковнина, автора книги «Воздушный корабль»».

После выхода в отставку Н. М. Соковнин вернулся в Феодосию, в свой дом на Итальянской улице. Сам Николай Михайлович и его семья играли значительную роль в общественной и культурной жизни города.

Адмирал был почетным попечителем Феодосийского уездного училища. Супруга Николая Михайловича – Любовь Петровна, урожденная Папенгут. Благодаря ее деятельному участию в деле женского образования 14 сентября 1866 года в Феодосии было открыто женское училище 1-го разряда, преобразованное позже в гимназию, имеющую к 1916 году 7 основных, приготовительный и дополнительный классы, в которых обучалось 400 учениц. Л. П. Соковнина была активным членом Феодосийского благотворительного общества. В 1868 году она передала свой капитал для учреждения стипендий в женской гимназии. В 50-летний юбилей гимназии в актовом зале был помещен большой портрет Любови Петровны работы Ивана Константиновича Айвазовского.

4 февраля 1894 года Николай Михайлович Соковнин скончался от кровоизлияния в мозг. Губернская газета «Крым» сообщала: «7 февраля в г. Феодосии в три часа пополудни был вынос тела адмирала Николая Михайловича Соковнина. При выносе тела была отдана покойному воинская честь всеми войсками, находившимися в Феодосии. Штаб и батальон Виленского 52 пехотного полка в парадной форме с музыкой проводил тело покойного в Александро-Невский собор, а оттуда до Феодосийско-Джанкойской железной дороги. Причт всех церквей г. Феодосии сопровождал тело покойного и отслужил три литии... Все время тело

Николая Михайловича сопровождали учащие и учащиеся старших классов мужской и женской гимназий, представители правительственных и общественных учреждений и тысячи народа г. Феодосии».

Траурный вагон доставил гроб с телом адмирала в Инкерман, а оттуда – в некрополь Георгиевского мужского монастыря Таврической епархии, расположенный южнее Севастополя на крутой скале у мыса Фиолент. Похоронили Николая Михайловича здесь, согласно его завещанию. Любовь Петровна покоится здесь же. Умерла она ранее в Германии, где лечилась долгое время от тяжелой болезни.

Безжалостное время не сохранило ни дом на Итальянской улице (сгорел в годы Великой Отечественной войны), ни Александро-Невский собор, где крестили, венчали, отпевали членов семьи Соковниных (разобран в 30-е годы XX века), ни семейный склеп в некрополе Георгиевского мужского монастыря, ни одного экземпляра прижизненного издания книги «Воздушный корабль».

За многие десятилетия после кончины Соковнина обстоятельства сложились так, что время безжалостно отобрало у потомков следы тридцатилетнего пребывания этого выдающегося человека в Феодосии. Дом Соковнина сгорел во время Великой Отечественной войны. Был утрачен архив ученого моряка, не осталось ни одного экземпляра его книги. Много лет буквально по крупицам собирались факты биографии адмирала и его научные труды. Последовавшая за этим серия публикаций в местной прессе, а затем выход в свет первого издания «Воздушного корабля адмирала» (1997 г.) положили начало возрождению у феодосийцев памяти о своем неординарном земляке.

Но пока это было как бы духовное возвращение Николая Михайловича в родной город. Физически же он стал осязаем благодаря известному в Феодосии скульптору Валерию Зеноновичу Замаховскому, который в герое книги «Воздушный корабль адмирала» увидел сильную личность –

человека с независимым характером, целеустремленного, глубоко порядочно-го, доблестного в сражениях, признанного в научном мире, истинного патриота города и радетеля за его будущее, – и загорелся мечтой о памятнике Соковнину.

В инициативном порядке скульптор приступил к работе над памятником. Вылепленный бюст долгое время стоял в мастерской скульптора, пока не был увиден феодосийским мэром В. А. Шайдеровым. Он одобрил работу ваятеля и сразу стал горячим сторонником идеи памятника Н. М. Соковнину. Как человек практичный, он понимал, что для Феодосии – это не просто новый, украшающий город, монумент, а дань уважения выдающемуся земляку, и еще один шаг к тому, чтобы полнее открылось богатейшее прошлое города, являющегося крупным туристическим центром Крыма. За подписью мэра появилось решение о сооружении памятника вице-адмиралу Н. М. Соковнину в центральной части города.

30 сентября 2002 года в торжественной обстановке, в присутствии премьер-министра Автономной Республики Крым, памятник был открыт. Все выступавшие на митинге говорили, что без уважения к прошлому нет будущего и только традиции делают народ по-настоящему сильным. Как отмечалось в прессе, прекрасным заключительным аккордом церемонии стали стихи феодосийской поэтессы Елены Поляковой «На открытие памятника Соковнину»:

*Жуковский, Райты, Цеппелин...
Известны имена,
И к ним земляк наш Соковнин
Шагнул сквозь времена.
Вглядитесь в линии лица –
Серьезен и могуч,
Был честным в жизни до конца,
И взял немало круч.
Он город древний наш любил
И славил русский флот.
Слова делами он крепил
И был семьи оплот.*

И все-таки этот материал хотелось бы закончить строками из стихотворения нашего великого соотечественника А. С. Пушкина, с братом которого, Львом Сергеевичем, был хорошо знаком Н. М. Соковнин.

*Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Не правда ли, дивны слова об отеческих гробах? И как хотелось бы, чтобы могила нашего выдающегося соотечественника была обретаена и приведена в порядок, как это и должно быть в соответствии с нашими русскими православными традициями. И тем самым, нами был бы исполнен наш гражданский и человеческий долг перед Николаем Михайловичем Соковниным и его фамилией.

Впрочем, любая могила не должна находиться в состоянии запустения или поругания. Даже если это могила никому не известного человека.

*Пономарева Е.В.
Из Книги «Легендарные имена. Соковнины»*

Монах Лазарь (Афанасьев)

Мирской старец

Когда 9 ноября 1844 года великий наш баснописец Иван Андреевич Крылов скончался, гроб его был поставлен в Исаакиевском соборе в Санкт-Петербурге. Над ним совершались панихиды и литии при стечении огромного количества народа всех сословий. Оттуда его перенесли в сопровождении многолюдной процессии в Александро-Невскую Лавру, где после литургии отпевание покойного совершили владыка Антоний, митрополит Санкт-Петербургский, Новгородский, Эстляндский и Финляндский, викарный епископ Иустин и владыка Афанасий, епископ Винницкий. Весь высший аристократический и чиновный Петербург был здесь. Поэта погребли возле могил Н. М. Карамзина и Н. И. Гнедича. Вся Россия молитвенно вздохнула о Крылове. Он еще при жизни сделался народным поэтом.

Иван Андреевич жил в Петербурге, почти не покидая его, служил главным библиотекарем в Императорской Публичной библиотеке по отделению русских книг (там же трудился его друг поэт Николай Гнедич), квартира его располагалась тут же, в одном из библиотечных корпусов, во втором этаже, выходя окнами на Гостиный двор (Гнедич жил над ним). Казалось, весь быт его был нараспашку: кто только из писателей к нему не заходил и где только не бывал он сам... Шли десятилетия. Выходили книги его басен, принесших ему заслуженную славу. Его узнавали простые люди на улице, показывали детям: «Вон идет дедушка Крылов!»

Он ни с кем ни разу не поссорился, но ни с кем и не подружился, – исключением был сосед его Гнедич, который и собирался написать о нем книгу, но рано, в 1833 году, умер. И вдруг оказалось, что о Крылове мало чего известно, что и самая личность великого сочинителя басен – «загадка»!

Иван Андреевич Крылов

В 1845 году в «Современнике» появилась большая статья П. А. Плетнева «Иван Андреевич Крылов». Это первая биография баснописца. «Трудно найти человека, – пишет он, – которого жизнь была бы до такой степени обогащена анекдотическими событиями, как жизнь Крылова...

Если бы можно было собрать в одну книгу все эти случаи и сопровождавшие их явления, она составила бы в некотором смысле энциклопедию русского быта и русского человека – в виде Крылова».

В дальнейшем в печати появилось множество статей, где такие случаи клались в основу воспоминаний: Крылов-де – феноменальный обжора, неряха, лентяй, – его поведение удивляло, смешило, ставило в тупик, а то и отталкивало людей от него. Но все, однако, его уважали, – знаменитого, мудрого, действительно загадочного. По сути его не знал никто. Он не был женат.

У его прислуги была дочь, и злая молва приписала ее Крылову, будто бы отцу этой девочки. У него был брат, Лев Андреевич, военный, звавший его в письмах «тятенькой», так как Иван Андреевич был старшим, а родителей уже не было в живых. Но и брат ничего не знал о нём, да и почти никогда его не видел.

Мемуары (собранные в одну книгу и изданные в Москве в 1982 году) трудно читать из-за обилия пустяков и домыслов. Но кое-что, однако, можно и здесь выловить. «Каждую Пасху Крылов встречал в Казанском соборе, – пишет Л. Н. Трефолев. – Большого труда стоило ему пробраться через густую толпу. Однажды тучное тело баснописца особенно страдало от толчков, но когда полиция это заметила и сказала: «Раздайтесь, ведь это Иван Андреевич Крылов!» – народ с уважением уступил дорогу».

Почти ни в одной писательской биографии того времени не встретишь подобного. Вспоминали и такой случай. Когда хоронили Н. И. Гнедича, граф Д. И. Хвостов во время отпевания и панихиды раздавал свои стихи, написанные в память покойного (а граф был обер-прокурором Святейшего Синода), и разговаривал во весь голос. В конце службы Крылов (как свидетельствует Плетнев) сказал ему: «Вас было слышнее, чем Евангелие!».

Михаил Евстафьевич Лобанов, сослуживец Крылова по библиотеке, также написал его биографию. Там наиболее подробно освещена «добасенная» жизнь поэта. Укажу некоторые факты, в биографии отмеченные мимоходом, так как и здесь, как и у других авторов, совершенно обойдена духовная сторона личности Ивана Андреевича, русского православного человека, верующего по-церковному, не в пример многим своим интеллигентным современникам.

Отец его был штабс-капитаном, оборонявшим от пугачевского войска городок Яицк, затем служил председателем магистрата в Твери. Умер он в 1778 году, оставив

вдову с двумя малолетними детьми (Ивану было около 11 лет). Мать его, как писали, была почти неграмотной женщиной, но это сомнительно, так как она, по словам биографа (Лобанова), улавливала на слух ошибки во французских упражнениях сына-отрока. Из мемуаров можно узнать, что в доме были русские книги – «частью духовные, частью исторические, также и словари». Семья была явно православной, но об этом почти никто не пишет.

Вот о патриотизме Крылова и его русскости все биографы пишут много. Лобанов: «Уже и на двадцать четвертом году его жизни везде решительно выказывался патриотизм и русская душа его, неколебимая в своих правилах и думах, не изменившаяся в течение почти семидесятилетней жизни ни от каких посторонних влияний и прививок иноземных, везде и всегда искала пользы своему отечеству».

Плетнев: «В Крылове мы видели перед собой верный, чистый, совершенный образ Русского. Его индивидуальную духовность всего точнее можно уподобить слитку самородного золота, нигде не проникнутого даже песчинкой постороннего минерала».

Жуковский даже высказал пожелание, чтобы был написан роман о Крылове, роман о русском человеке. Самым типичным русским человеком Жуковский считал именно Крылова. А какой же русский – без Православия?

Вот еще важный случай. Многие мемуаристы вспоминают, что Крылов якобы побился об заклад с Гнедичем, переводчиком «Илиады», что он выучит древнегреческий язык (а ему было уже за пятьдесят). Лобанов пишет: «Он начал по ночам читать Библию на греческом языке, сличая с славянским переводом, которого близость делала даже и словари ненужными. Потом купил полное собрание греческих классиков и всех прочел. Это продолжалось два года – он глубоко изучил древний греческий и никто не был участником его тайны».

Плетнев: «О замечательной способности Крылова к иностранным языкам я заметил уже выше. Когда-то разговорились у Оленина (Алексей Николаевич Оленин – директор Публичной библиотеки, президент Академии художеств, хозяин салона, который, по свидетельству современника, «соединял в себе всё, что было замечательного в Петербурге по части литературы и искусства»), как трудно в известные лета начать изучение древних языков. Крылов не был согласен с этим мнением и оспаривал его против Гнедича. Желая представить когда-нибудь несомненное доказательство своих слов, он дома шутя принялся за греческий язык. Без помощи учителя, в несколько месяцев узнал все грамматические правила. После, с лексиконом, прочитал он некоторых авторов, менее трудных; наконец, восходя от легкого всё выше и выше, он уже не затруднялся в чтении Гомера». И далее: «Сколько в старости положил он трудов на греческий, без всякой цели, кроме удовольствия минутной прихоти».

Как тут не удивиться, не изумиться!.. «Шутя»... «Ради прихоти»... Когда у Олениных как бы случайно устроили экзамен Крылову в греческом языке, он свободно читал любой предлагавшийся ему текст, безмерно поражая свидетелей этого случая, а их было много тогда в гостиной Оленина. Но посмотрите: Лобанов говорит о двух переводах Библии. Несомненно, была и грамматика – как же без нее. Такое параллельное чтение Библии было тогда методом не новым. Так, сидя в крепости, изучал греческий язык В. К. Кюхельбекер. Но Крылов, значит, хорошо знал и церковнославянскую грамоту! Разве она проста? И ведь ясно становится, что Крылов издавна, с отрочества умел читать по-церковнославянски, конечно, и на службах в церкви он был в своей родной стихии. Иначе ничего не будешь знать. И опять же – какой он был бы русский без Церкви.

Крылов нередко бывал в богатых домах, не только писательских.

Его приглашали наперебой разные вельможи. Его не могли не уважать, но, случалось, пытались сделать из него шута: как бы застольный спектакль с феноменальным поглотителем пищи... Он всегда выходил из этих обстоятельств спокойно, проявляя столько остроумия и чувства собственного достоинства, что фарса не получалось. Он не считался с условностями. Не хотелось ему отвечать на глупые вопросы – он дремал в кресле, не обращая ни на кого внимания. Надо было уйти – уходил. «На одном литературном обеде, – пишет Лобанов, – на который был зван Иван Андреевич и который начался залпами эпиграмм некоторых людей против некоторых лиц, Иван Андреевич, не кончивши супу, исчез. Я взглянул – место его пусто!.. Резкие выходки прекратились, обед продолжался мирно». Потом Лобанов спросил Крылова, почему он ушел. Оказалось – не хотел слышать злословия! «Все-таки лучше быть подальше от зла, – сказал Иван Андреевич. – Ведь могут подумать: он там был, стало быть, делит их образ мыслей».

Двести басен Крылова... Много или мало? Нет, не так много, всего только небольшая книжка. Но это – классика мирового уровня. Обычно примечания исследователей к басням занимают столько же, если не больше, места. Крылов задал им работы, так как нередко заимствовал сюжеты у всех известных баснописцев всех времен и народов – Эзопа, Федра, Лессинга, Лафонтена и других. Да и те заимствовали друг у друга. У Лафонтена, например, французский покрыв всего им писанного.

У Крылова – русский. Он творил чудеса. Он словно бы брал пальму или лавр, пересаживал на родную себе почву, и они вдруг становились елкой или березой... У Крылова в баснях всё настолько русское, что о происхождении сюжета не нужно и вспоминать. Сравнивали исследователи одну и ту же басню: у Лафонтена одно, у Крылова совсем другое, хотя сюжет один. Басни Крылова – кладезь народной мудро-

сти. В советское время писали, что Крылов «способствовал самопознанию нации», что «он создал свой вариант историко-философского истолкования России, русской нации в целом» (См.: Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества. Л.: Наука, 1975, С. 220, 223). Нельзя не согласиться. Но это истолкование с легкой руки Белинского стали понимать не по-крыловски... Гоголь сказал, что басни Крылова есть «достояние народное и составляет книгу мудрости самого народа». Да и Белинский о том же: Крылов, говорит он, выразил в своих баснях «целую сторону русского национально-го духа».

Что такое басня? Вот сжатое определение в академическом издании: «Басня. Короткий, чаще стихотворный нравоучительный рассказ, в иносказательной форме изображающий людей и их поступки» (Словарь русского языка. АН СССР. Ин-т русского языка. 2-е изд. М., 1981. Т. 1. С. 64). Так и всегда определялся жанр басни, он не может быть иным. Крыловская басня поучала и поучает. Многие мысли (выводы из рассказанного) обратились в пословицы. Кто их не знает? «А ларчик просто открывался», «А Васька слушает да ест» и т. п. Народ чувствовал, что поучения Крылова духовны, что он хорошему учит.

Архимандрит Агапит (Беловидов) в своем жизнеописании преподобного старца Амвросия Оптинского пишет, что в хибарке старца всегда лежала на виду книга басен Крылова. Батюшка Амвросий часто среди дня, во время приема множества людей, делал небольшой перерыв: наскоро обедал. При этом просил прочитать себе одну-две басни Крылова. Читали те, кто присутствовал здесь в это время. «Батюшка любил басни Крылова, находя их вполне нравственными, и часто для преподавания своих мудрых советов прибегал к ним». Так, – вспоминает отец Агапит, – он велел одной посетительнице, монахине из Шамордина, прочесть вслух «басню под заглавием «Ручей». Лобанов

пишет: «Иван Андреевич по какой-то особенной причине преимущественно любил свою басню «Ручей». Правда, изобретение ее обличает глубокого мудреца, а исполнение, плавность стиха, чистота языка – великого художника, и кажется, она создана более сердцем, нежели умом». Это басня о ложном смирении. Ложное смирение ведет к осуждению и греху. Ручей, маленький и прозрачный, осуждал реку, в которую впадал, за то, что она «алчно поглотила» многие «жертвы»... Но вот разлился ливень, ручей разлился, закипел и наделал бед еще более, чем река. Вот конец басни: «Как много ручейков текут так смирно, гладко// И так журчат для сердца сладко// Лишь только оттого, что мало в них воды!».

Видно, той монахине необходимо было прочесть именно это.

В 1877 году преподобный Анатолий Оптинский (Зерцалов) писал одной из своих духовных чад: «Вспомни молодого коня Крылова: не только других, но и себя-то не мог понимать. А как начало подталкивать делом-то – то в бок, то в зад, – ну и показал сноровку, за которую и заплатились хозяйские горшки». Это конь из басни «Обоз». Молодой конь, видя, как старая лошадь с возом осторожно спускается с горы, упрекнул ее в нерешительности, похвастался, что он так «махнет», что «минуты не потратит». Помчался быстро вниз, а воз раскатился и стал на него напирать, сбивать с бега, а потом и вовсе опрокинулся в овраг, где и горшки разбились, и сам конь погиб.

В другой раз преподобный Анатолий пишет в Елец одной юнице, бывшей его духовным чадом и собиравшейся в монастырь: «Вчера или третьего дня о. М. сказал, что ты там всё пляшешь. Я ему советовал указать тебе басню Крылова «Стрекоза и муравей». К тебе она подходит. Та тоже любила масленицу и не жаловала поста – всё плясала. Говорю это не в укор тебе, а чтобы ты знала настоящее положение вещей и при случае не теряла головы,

то есть помнила бы, что за сладостью – расслабление, за мирскою весёлостью – скука, за пресыщением – тяжесть и даже болезнь следуют, как тень за телом». И далее: «Святая Церковь наша учительница, поет: «Кая сладость бывает печали непричастна? Кая ли слава стоит на земли непреложна? Вся сени немощнейша! Вся соний прелестнейша!» И Крылов, светский писатель, сказал свою «Стрекозу» не тебе одной и не мне, а всему свету, то есть кто пропляшет лето, тому худо будет зимою. Кто во цвете лет не хочет заняться собою, тому нечего ждать при оскудении сил и при наплыве немощей и болезней».

Кстати отметим, что басни «Ручей» и «Обоз» – полностью «изобретены» Крыловым. А сюжет «Стрекозы и Муравья» – из Эзопа, только у древнегреческого мудреца она называлась «Кузнечик и Муравей».

Здесь я останавлиюсь, чтобы вернуться к затронутому вопросу о жанре басни. Белинский задал свой демократический тон, сказав, что «басня как нравоучительный род поэзии в наше время действительно ложный род; если она для кого-нибудь годится, так разве для детей... Но басня как сатира есть истинный род поэзии». Неверы-демократы, видимо, полагали, что они нравственно безупречны и учиться им нечему да и стыдно... Советский литературовед Н. Л. Степанов подхватывает: «Именно такую басню, как сатиру, и создал Крылов, пользуясь басенным жанром и басенным иносказательным языком как средством для преодоления цензурных рогаток. В условиях правительственного гнета басня давала возможность сказать горькую правду о вопиющих противоречиях и несправедливостях тогдашней жизни» (Крылов И. А. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Правда, 1969. С. 18).

Тот же автор через три страницы пишет иное: «Выступая в защиту народа, Крылов тем не менее не смог преодолеть боязни революционных потрясений. Этим объясняется наличие среди басен Крылова таких,

как «Конь и Всадник», «Колос», «Сочинитель и Разбойник», «Безбожники», в которых баснописец осуждает революционные порывы и стремления».

Автор, однако, привел слишком короткий список не укладывающихся в сатирические рамки басен Крылова. Они преобладают. Стали бы оптинские старцы зачитывать у себя в келлии какие-то там сатиры, да на кого – на Государя, на Самодержавие...

Произведения любого писателя нельзя толковать произвольно, но должно рассматривать в духе того мировоззрения, которое выработал у себя автор. Крылов, конечно же, никогда не был революционером. Он как мирской старец, имевший авторитет у народа, преподавал всем, и прежде всего взрослым, а не детям (хотя дети всегда любили и любят его басни), те нравственные истины, которые содержатся в евангельском учении и заложены были в душу русского народа Православной Церковью. Он порицал пороки и грехи, несовместимые с жизнью во Христе. Поэтому если православный человек читает басню Крылова «Петух и жемчужное зерно», то он вспоминает при этом евангельского купца: «Паки подобно есть Царствие Небесное человеку купцу, ищущу добрых бисер: иже обрет един многоценен бисер, шед продаде вся, елика имяше, и купи его» (Мф. 13: 46). Бисер – жемчуг. Здесь многоценен бисер – Царствие Небесное.

Басня «Безбожники» совсем прозрачна по смыслу. Кстати, говоря о «богах», наш баснописец прибегает чаще всего к персонажам античного пантеона «божеств» (Зевс, Артемида и т. п.), так как святотатственно было бы заставлять действовать и говорить – как бы на сцене – Бога или Его святых. Отчасти это допустимо в «высоких» поэтических жанрах, а в басне нет. Вот как оканчивается басня «Безбожники»: «Плоды неверия ужасны таковы; // И ведайте, народы, вы, // Что мнимых мудрецов кощунства толки смелы, // Чем против Божества вооружают вас, // Погибельный ваш прибли-

жают час, // И обратятся все В громовые вам стрелы».

Нельзя не вспомнить слов из Евангелия от Луки: «Идеже бо есть сокровище ваше, ту и сердце ваше будет» (Мф. 6:21.), прочитав басню «Откупщик и Сапожник». Подробно пересказать ее трудно, а кратко фабула ее такова: богатый откупщик вольготно и весело жил, но плохо спал и был беспокоен. А сосед его сапожник, бедняк, не унывал, пел песни, мешая тем ему под утро уснуть. И вот богач подарил бедняку мешок с деньгами... И что же? Сапожник вернул откупщику его подарок, так как потерял покой: «Вот твой мешок, возьми его назад: я до него не знал, как худо спят».

А вот пример из монастырской жизни того же времени: оптинский иеродиакон Палладий, «строгий блюститель подвижнических правил», в келлии которого «ничего не было, кроме самого необходимого для монаха», вдруг получил в подарок от богатого богомольца дорогие карманные часы... «Отец Палладий взял их, но вечером он никак не мог от их стуканья заснуть; завернул их в тряпку, накрыл горшком и заснул. Пошел к утрени, но... «Помысл замучил меня, – говорил отец Палладий, – как бы их не украли». Вспомнил слова Спасителя: «Идеже бо есть сокровище ваше, ту и сердце ваше будет» и поскорей отнес их к своему благодетелю, сказав: «Возьми, пожалуйста, их назад, они нарушают мой покой»». (Архимандрит Леонид Кавелин. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. 1875. С. 226).

Есть оптинский отзвук и к басне Крылова «Цветы». Речь в ней о том, что цветы поддельные испортились от дождя и их выбросили. Оптинский старец преподобный Варсонофий в одной из бесед с духовными чадами говорил: «Видали ли вы искусственные цветы прекрасной французской работы? Сделаны они так хорошо, что, пожалуй, не уступят по красоте живому растению. Но это пока рассматриваем оба цветка невооруженным слабым глазом.

Возьмем сильное увеличительное стекло – и что увидим тогда? Вместо одного цветка – нагромождение канатов, грубых и некрасивых узлов, вместо другого – пречудное по красоте и изяществу создание. И чем сильнее стекло, тем яснее выступает разница между прекрасным творением рук Божиих и жалким подражанием людским. Чем больше вчитываемся мы в Евангелие, тем более выясняется разница между ним и лучшими произведениями величайших человеческих умов».

Крылов не раз пишет в своих баснях о сетях, в которые попадают то обезьяны, то медведь... Сеть – образ коварных действий искуателя-сатаны, старающегося уловить души людей, совратить их в грех и гибель. Это образ библейский, евангельский, святоотеческий.

В басне «Бочка» – предостережение от «ученья вредного с юных дней», которое трудно выветривается. В другой басне лягушка лопнула от зависти, пытаясь раздуться до размеров вола... По святоотеческому учению зависть – зло весьма губительное. Так же и усердие не в меру приносит больше зла, чем добра («Пустынный и Медведь»). Немалый грех и «трубить перед собой» о своих делах, пусть и добрых, напрашиваясь на славу, домогаясь известности в миру («Две бочки»).

О том же «Водопад и Ручей»: «Кипящий Водопад, свергаясь со скал, // Целебному ключу с надменностью сказал // (Который под горой едва лишь был приметен, // Но силой славился лечебной своей): // «Не странно ль это? Ты так мал, водой так беден, // А у тебя всегда премножество гостей? // Немудрено, коль мне приходит кто дивиться; // К тебе зачем идут?» – «Лечиться», – // Смиренно прожурчал Ручей».

Глубокая христианская мысль заключена в басне «Сочинитель и Разбойник», где Сочинитель получил в аду большее наказание, нежели грабитель с большой дороги. Греховные дела Разбойника закончились с его смертью, а Сочинитель через

Иван КРЫЛОВ

свои душевредные романы и после своей кончины продолжал развращать души людей. Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал, что «талант человеческий во всей своей силе и несчастной красоте развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, бледен, натянут... Когда усвоится таланту евангельский характер, – а это сопряжено с трудом и внутреннею борьбою, – тогда художник озарится вдохновением Свыше, только тогда он может говорить свято, петь свято, живописать свято... Чтобы мыслить, чувствовать и выражаться духовно, надо доставить духовность и уму, и сердцу, и самому телу. Недостаточно воображать добро или иметь о добре правильное понятие: должно вселить его в себя, проникнуться им».

Крылов очень хорошо понимал, что по-настоящему положительного героя не видно в литературных произведениях его современников. Как, впрочем, и позднее читателю предлагалась масса «сочинений явно греховных, исполненных сладострастия», как отметил еще святитель Игнатий. Он же сказал по этому поводу: «Чтение романов возбуждает помыслы неверия, разных недоумений и сомнения относительно веры».

Разве не преступнее разбойников все эти авторы? «Горе человеку тому, имже соблазн приходит» (Мф. 18: 7), – учил Господь.

Но Крылов не из числа этих сочинителей. Христианский мудрец, «истинно народный» – по выражению Пушкина – писатель, он с доброй усмешкой, с сердечным участием говорил людям о вечном – о евангельских истинах, о губительной силе порока, о нужности противостояния греховным помыслам, о смысле жизни, о том некрадомом богатстве, которым может обладать каждый – старый и молодой, умный и не очень, простец и вельможа... Богатство это – Царство Божие.

Вот она, разгадка тайны Крылова. Его православное мировоззрение, как в зеркале, отразилось в его баснях.

Старик и трое молодых

Старик садить сбирался деревцо.
«Уж пусть бы строиться; да как садить в те лета,
Когда уж смотришь вон из света! –
Так, Старику смеясь в лицо,
Три взрослых юноши соседних рассуждали. –
Чтоб плод тебе твои труды желанный дали,
То надобно, чтоб ты два века жил.
Неужли будешь ты второй Мафусаил?
Оставь, старинушка, свои работы:
Тебе ли затевать толь дальние расчёты?
Едва ли для тебя текущий верен час?
Такие замыслы простительны для нас:
Мы молоды, цветём и крепостью и силой,
А старику пора знакомиться с могилой».

«Друзья! – смиренно им отвечает Старик, –
Издетства я к трудам привык;
А если оттого, что делать начинаю,
Не мне лишь одному я пользы ожидаю,
То, признаюсь,
За труд такой ещё охотнее берусь.
Кто добр, не всё лишь для себя трудится,
Сажая деревцо, и тем я веселюсь,
Что если от него сам тени не дождусь,

То внук мой некогда сей тенью насладится,
И это для меня уж плод.
Да можно ль и за то ручаться наперёд,
Кто здесь из нас кого переживёт?
Смерть смотрит ли на молодость, на силу,
Или на прелесть лиц?
Ах, в старости моей прекраснейших девиц
И крепких юношей я провожал в могилу!
Кто знает: может быть, что ваш и ближе час
И что сыра земля покроет прежде вас».

Как им сказал Старик, так после то и было.
Один из них в торги пошёл на кораблях;
Надеждой счастье сперва ему польстило;
Но бурю корабль разбило, –
Надежду и пловца – всё море поглотило.
Другой в чужих землях,
Предавшись порока власти,

За роскошь, негу и за страсти
Здоровьем, а потом и жизнью заплатил.
А третий – в жаркий день холодного испил
И слёг: его врачам искусным поручили,
А те его до смерти залечили.
Узнавши о кончине их,
Наш добрый Старичок оплакал всех троих.

Вельможа

Какой-то в древности Вельможа
С богато убранного ложа
Отправился в страну, где царствует Плутон.
Сказать простее – умер он;
И так, как встарь велось, в аду на суд явился.
Тотчас допрос ему: «Чем был ты? где родился?»

«Родился в Персии, а чином был сатрап;
Но так как, живучи, я был здоровьем слаб,
То сам я областью не правил,
А все дела секретарю оставил». «Что ж делал ты?» – «Пил, ел и спал
Да всё подписывал, что он ни подавал».

«Скорей же в рай его!» –
«Как! где же справедливость?» –
Меркурий тут вскричал,
Забывши всю учтивость
«Эх, братец! – отвечал Эак, –
Не знаешь дела ты никак.
Не видишь разве ты? Покойник был дурак!
Что, если бы с такою властью
Взялся он за дела, к несчастью, –
Ведь погубил бы целый край!..
И ты б там слёз не обобрался!
Затем-то и попал он в рай,
Что за дела не принимался».

Вчера я был в суде и видел там судью.
Ну, так и кажется, что быть ему в раю!

Два мальчика

«Сенюша, знаешь ли, покамест, как баранов,
Опять нас не погнали в класс,
Пойдём-ка да нарвём в саду себе каштанов!»
«Нет, Федя, те каштаны не про нас!
Хоть, кажется, они и недалёко,
Ты знаешь ведь, как дерево высоко:
Тебе, ни мне туда не влезть,
И нам каштанов тех не есть!»
«И, милой, да на что ж догадка!
Где силой взять нельзя, там надобна ухватка.
Я всё придумал: погоди!
На ближний сук меня лишь подсади.
А там мы сами умудримся –
И досыта каштанов наедемся».

Вот к дереву друзья со всех несутся ног,
Тут Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтел, весь потом обливался
И Феде, наконец, вскарабкаться помог.
Взобрался Федя на приволье:
Как мышке в закроме, вверху ему раздолье!
Каштанов там не только всех не съесть, –
Не перечесть!
Найдётся чем и поживиться,
И с другом поделиться.

Что ж! Сене от того прибыток вышел мал:
Он, бедный, на низу облизывал лишь губки;
Федюша сам вверху каштаны убирал,
А другу с дерева бросал одни скорлупки.

Видал Федюш на свете я,
Которым их друзья
Вскарабкаться наверх усердно помогали,
А после уж от них – скорлупки не видали!

Лягушка и Вол

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:
Она завистлива была.
И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?» –
Подруге говорит. «Нет, кумушка, далеко!» –
«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.

Ну, каково?
Пополнилась ли я?» – «Почти что ничего». –
«Ну, как теперь?» – «Все то же». Пыхтела да пыхтела
И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнявшись с Воллом,
С натуги лопнула и – околела.

Собачья дружба

У кухни под окном
На солнышке Полкан с Барбосом, лёжа, грелись.
Хоть у ворот перед двором
Пристойнее б стеречь им было дом;
Но как они уж понаелись –
И вежливые ж псы притом
Ни на кого не лают днём –
Так рассуждать они пустились вдвоём
О всякой всячине: о их собачьей службе,
О хude, о добре и, наконец, о дружбе.

«Что может, – говорит Полкан, – приятней быть,
Как с другом сердце к сердцу жить;
Во всём оказывать взаимную услугу;
Не спать без друга и не съесть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И, наконец, в глаза глядеть друг другу,
Чтоб только улучшить счастливый час,
Нельзя ли друга чем потешить, позабавить
И в дружном счастье всё своё блаженство ставить!
Вот если б, например, с тобой у нас
Такая дружба завелась:
Скажу я смело,
Мы б и не видели, как время бы летело».

«А что же, это дело! –
Барбос отвечает ему. –

Давно, Полканушка, мне больно самому.
Что, бывши одного двора с тобой собаки,
Мы дня не проживём без драки;
И из чего? Спасибо господам:
Ни голодно, ни тесно нам!
Притом же, право, стыдно:
Пёс дружества слывёт примером с давних дней,
А дружбы между псов, как будто меж людей,
Почти совсем не видно».
«Явим же в ней пример мы в наши времена! –
Вскричал Полкан, – дай лапу!» – «Вот она!»
И новые друзья ну обниматься,
Ну целоваться;
Не знают с радости, к кому и приравняться:
«Орест мой!» – «Мой Пилад!» Прочь свары,
зависть, злость!
Тут повар на беду из кухни кинул кость.
Вот новые друзья к ней взапуски несутся:
Где делся и совет и лад?
С Пиладом мой Орест грызутся, –
Лишь только клочья вверх летят:
Насилу, наконец, их розлили водою.
Свет полон дружбою такою.

Про нынешних друзей лезья молвить, не греша,
Что в дружбе все они едва ль не одинаки:
Послушать, кажется, одна у них душа, –
А только кинь им кость, так что твои собаки!

Петух и Жемчужное зерно

Навозну кучу разрывая,
Петух нашёл Жемчужное зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!

Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну Ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:
В чём толку не поймут, то всё у них пустяк.

Прохожие и собаки

Шли два приятеля вечернею порой
И дельный разговор вели между собой,
Как вдруг из подворотни
Дворяжка тявкнула на них;
За ней другая, там ещё две-три, и вмиг
Со всех дворов Собак сбежалось с полсотни.
Один было уже Прохожий камень взял.
«И, полно, братец! – тут другой ему сказал, –
Собак ты не уймёшь от лаю,
Лишь пуще всю раздразишь стаю;
Пойдём вперёд: я их натуру лучше знаю». –
И подлинно, прошли шагов десятков пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконец, совсем их не слышать.

Завистники, на что ни взглянут,
Подымут вечно лай;
А ты себе своей дорогою ступай:
Полают да отстанут.

Лисица и Осёл

«Отколе, умная, бредёшь ты, голова?» –
Лисица, встретясь с Ослом, его спросила.
«Сейчас лишь ото Льва!
Ну, кумушка, куда его девалась сила:
Бывало, зарычит, так стонет лес кругом,
И я, без памяти, бегом,
Куда глаза глядят, от этого уroda;
А ныне в старости и дряхл и хил.
Совсем без сил,
Валяется в пещере, как колода.

Поверишь ли, в зверях
Пропал к нему весь прежний страх,
И поплатился он старинными долгами!
Кто мимо Льва ни шёл, всяк вымещал ему
По-своему:
Кто зубом, кто рогами...»
«Но ты коснуться Льву, конечно, не дерзнул?» –

Лиса Осла перерывает.
«Вот-на! – Осёл ей отвечает. –
А мне чего робеть? и я его лягнул:

Пускай ослиные копыта знает!»
Так души низкие, будь знатен, силен ты,
Не смеют на тебя поднять они и взгляды;
Но упади лишь с высоты,
От первых жди от них обиды и досады.

Чиж и Голубь

Чижа захлопнула злодейка-западня:
Бедняжка в ней и рвался и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался.
«Не стыдно ль, – говорит, – средь бела дня
Попался!
Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело». –
Ан, смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!
Вперёд чужой беде не смейся, Голубок.

Две собаки

Дворовый, верный пёс
Барбос,
Который барскую усердно службу нёс,
Увидел старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушке, на окне.
К ней ласться, как будто бы к родне,
Он с умиленья чуть не плачет,
И под окном
Визжит, вертит хвостом
И скачет.

«Ну, что, Жужутка, как живёшь,
С тех пор, как господа тебя в хоромы взяли?
Ведь, помнишь: на дворе мы часто голодали.
Какую службу ты несёшь?»

«На счастье грех роптать, – Жужутка отвечает, –
Мой господин во мне души не чаёт;
Живу в довольстве и добре,
И ем, и пью на серебре;
Резвлюся с барином; а ежели устану,
Валяюсь по коврам и мягкому дивану.

Ты как живёшь?» – «Я, – отвечал Барбос,
Хвост плетью опустья и свой повеса нос, –
Живу по-прежнему: терплю и холод,
И голод,
И, сберегаячи хозяйский дом,
Здесь под забором сплю и мокну под дождём;
А если невпопад залаю,
То и побои принимаю.

Да чем же ты, Жужу, в случай попал,
Бессилен бывши так и мал,
Меж тем как я из кожи рвусь напрасно?
Чем служишь ты?» – «Чем служишь!
Вот прекрасно!
С насмешкой отвечал Жужу. –
На задних лапках я хожу».

Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!

Осёл

Был у Крестьянина Осёл.
И так себя, казалось, смирно вёл,
Что мужику нельзя им было нахвалиться;
А чтобы он в лесу пропасть не мог –
На шею прицепил мужик ему звонок.
Надулся мой Осёл: стал важничать, гордиться
(Про ордена, конечно, он слышал),
И думает, теперь большой он барин стал;
Но вышел новый чин Ослу, бедняжке, боком
(То может не одним Ослам служить уроком).

Сказать вам должно наперёд:
В Осле не много чести было;
Но до звонка ему всё счастливо сходило:
Зайдёт ли в рожь, в овёс иль в огород, –
Наестся дóсыта и выйдет тихомолком.
Теперь пошло иным всё толком:
Куда ни сунется мой знатный господин,
Без умолку звенит на шее новый чин.

Глядят: хозяин, взяв дубину,
Гоняет то со ржи, то с гряд мою скотину;
А там сосед, в овсе услыша звук звонка,
Ослу колом ворочает бока.
Ну, так что бедный наш вельможа

До осени зачах,
И кости у Осла остались лишь да кожа.

И у людей в чинах
С плутами та ж беда: пока чин мал и беден,
То плут не так ещё приметен;
Но важный чин на плуте, как звонок:
Звук от него и громок и далёк.

Собака и Лошадь

У одного крестьянина служа,
Собака с Лошадью считается как-то стали.
«Вот, – говорит Барбос, – большая госпожа!
По мне хоть бы тебя совсем с двора согнали.
Велика вещь возить или пахать!
Об удалстве твоём другого не слышать:
И можно ли тебе равняться в чём со мною?
Ни днём, ни ночью я не ведаю покою:
Днём стадо под моим надзором на лугу,
А ночью дом я стерегу».
«Конечно, – Лошадь отвечала, –
Твоя правдива речь;
Однако же, когда б я не пахала,
То нечего б тебе здесь было и стеречь».

Муха и Пчела

В саду, весной, при лёгком ветерке,
На тонком стебельке
Качалась Муха, сидя,
И, на цветке Пчелу увидя,
Спесиво говорит: «Уж как тебе не лень
С утра до вечера трудиться целый день!
На месте бы твоём я в сутки захирела.
Вот, например, моё
Так, право, райское житьё!
За мною только лишь и дела:
Лететь по балам, по гостям;
И молвить, не хвалясь, мне в городе знакомы
Вельмож и богачей все дома.
Когда б ты видела, как я пирую там!
Где только свадьба, именины, –
Из первых я уж верно тут.
И ем с фарфоровых богатых блюд,

И пью из хрусталём блестящих сладки вины,
И прежде всех гостей
Беру, что вздумаю, из лакомых сластей;
Притом же, жалуя пол нежной,
Вкруг молодых красавиц व्यюсь
И отдыхать у них сажусь
На щёчке розовой иль шейке белоснежной».

«Всё это знаю я, – отвечает Пчела. –
Но и о том дошли мне слухи,
Что никому ты не мила,
Что на пирах лишь морщатся от Мухи,
Что даже часто, где покажешься ты в дом,
Тебя гоняют со стыдом».
«Вот, – Муха говорит, – гоняют! Что ж такое?
Коль выгонят в окно, так я влечу в другое».

Волк и Кот

Волк из лесу в деревню забежал,
Не в гости, но живот спасая;
За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гончих стая.
Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре.
Вот видит Волк мой на заборе
Кота
И молит: «Васенька, мой друг! скажи скорее,
Кто здесь из мужичков добрее,
Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?
Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов!
Всё это ведь за мной». – «Проси скорей Степана;
Мужик предобрый он», – Кот Васька говорит.
«То так; да у него я ободрал барана». –
«Ну, попытайся ж у Демьяна». –
«Боюсь, что на меня и он сердит:
Я у него унёс козлёнка». –
«Беги ж, вон там живёт Трофим». –
«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним:
Он на меня с весны грозит за ягнёнка!» –
«Ну плохо ж! Но авось тебя укроет Клим!» –
«Ох, Вася, у него зарезал я телёнка!» –

«Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил, –
Сказал тут Васька Волку, –
Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
Нет, в наших мужичках не столько мало толку,
Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы, – сам себя вини:
Что ты посеял – то и жни».

Овцы и Собаки

В каком-то стаде у Овец,
Чтоб Волки не могли их более тревожить,
Положено число Собак умножить.
Что ж? Развелось их столько, наконец,
Что Овцы от Волков, то правда, уцелели,
Но и Собакам надо ж есть.
Сперва с Овечек сняли шерсть,
А там, по жеребью, с них шкурки полетели,
А там осталось всего Овец пять-шесть,
И тех Собаки съели.

Николай Семенович Лесков
(1831-1895),
русский писатель и публицист,
мемуарист.

Жемчужное ожерелье

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В одном образованном семействе сидели за чаем друзья и говорили о литературе – о вымысле, о фабуле. Сожалели, отчего все это у нас беднеет и бледнеет. Я припомнил и рассказал одно характерное замечание покойного Писемского, который говорил, будто усматриваемое литературное оскудение прежде всего связано с размножением железных дорог, которые очень полезны торговле, но для художественной литературы вредны. «Теперь человек проезжает много, но скоро и безобидно, – говорил Писемский и оттого у него никаких сильных впечатлений не набирается, и наблюдать ему нечего и некогда, – все скользит. Оттого и бедно. А бывало, как едешь из Москвы в Кострому «на долгих», в общем тарантасе или «на сдаточных», – да и ямщик-то тебе попадет подлец, да и соседи нахалы, да и постоянный дворник шельма, а «куфарка» у него неопрятище, – так ведь сколько разнообразия насмотришься. А еще как сердце не вытерпит, – изловишь какую-нибудь гадость во щах да эту «куфарку» обругаешь, а она тебя на ответ – вдесятеро иссрамит, так от впечатлений-то просто и не отделаешься. И стоят они в тебе густо, точно суточная каша преет, – ну, разуме-

ется, густо и в сочинении выходило; а нынче все это по-железнодорожному – бери тарелку, не спрашивай; ешь – пожевать некогда; динь-динь-динь и готово: опять едешь, и только всех у тебя впечатлений, что лакей сдачей тебя обсчитал, а обругаться с ним в свое удовольствие уже и некогда».

Один гость на это заметил, что Писемский оригинален, но неправ, и привел в пример Диккенса, который писал в стране, где очень быстро ездят, однако же видел и наблюдал много, и фабулы его рассказов не страдают скудостью содержания.

– Исключение составляют разве только одни его святочные рассказы. И они, конечно, прекрасны, но в них есть однообразие; однако в этом винить автора нельзя, потому что это такой род литературы, в котором писатель чувствует себя невольником слишком тесной и правильно ограниченной формы.

От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера – от Рождества до Крещения, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец – чтобы он оканчивался непременно весело. В жизни таких событий бывает немного,

и потому автор неволит себя выдумывать и сочинять фабулу, подходящую к программе. А через это в святочных рассказах и замечается большая деланность и однообразие.

– Ну, я не совсем с вами согласен, – отвечал третий гость, почтенный человек, который часто умел сказать слово кстати. Потому нам всем и захотелось его слушать.

– Я думаю, – продолжал он, – что и святочный рассказ, находясь во всех его рамках, все-таки может видоизменяться и представлять любопытное разнообразие, отражая в себе и свое время и нравы.

– Но чем же вы можете доказать ваше мнение? Чтобы оно было убедительно, надо, чтобы вы нам показали такое событие из современной жизни русского общества, где отразился бы и век и современный человек, и между тем все бы это отвечало форме и программе святочного рассказа, то есть было бы и слегка фантастично, и искореняло бы какой-нибудь предрассудок, и имело бы не грустное, а веселое окончание.

– А что же? Я могу вам представить такой рассказ, если хотите.

– Сделайте одолжение! Но только помните, что он должен быть истинное происшествие!

– О, будьте уверены, – я расскажу вам происшествие самое истиннейшее, и притом о лицах мне очень дорогих и близких. Дело касается моего родного брата, который, как вам, вероятно, известно, хорошо служит и пользуется вполне им заслуженною доброю репутациею. Все подтвердили, что это правда, и многие добавили, что брат рассказчика действительно достойный и прекрасный человек.

– Да, – отвечал тот, – вот я и поведу речь об этом, как вы говорите, прекрасном человеке.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Назад тому три года брат приехал ко мне на святки из провинции, где он тогда служил, и точно его какая муха укусила – приступил ко мне и к моей жене с неотступною просьбою: «Жените меня».

Мы сначала думали, что он шутит, но он серьезно и не с коротким пристает: «Жените, сделайте милость! Спасите меня от невыносимой скуки одиночества! Опостылела холостая жизнь, надоели сплетни и вздоры провинции, – хочу иметь свой очаг, хочу сидеть вечером с дорогою женою у своей лампы. Жените!»

– Ну да постой же, – говорим, – все это прекрасно и пусть будет по-твоему, – Господь тебя благослови, – женись, но ведь надобно же время, надо иметь в виду хорошую девушку, которая бы пришлась тебе по сердцу и чтобы ты тоже нашел у нее к себе расположение. На все это надо время. А он отвечает:

– Что же – времени довольно: две недели святок венчаться нельзя, – вы меня в это время сосватайте, а на Крещение вечерком мы обвенчаемся и уедем.

– Э, – говорю, – да ты, любезный мой, должно быть немножко с ума сошел от скуки. (Слова «психопат» тогда еще не было у нас в употреблении.) Мне, – говорю, – с тобой дурачиться некогда, я сейчас в суд на службу иду, а ты вот тут оставайся с моей женою и фантазируй. Думал, что все это, разумеется, пустяки или, по крайней мере, что это затея очень далекая от исполнения, а между тем возвращаясь к обеду домой и вижу, что у них уже дело созрело. Жена говорит мне:

– У нас была Машенька Васильева, просила меня съездить с нею выбрать ей платье, и пока я одевалась, они (то есть брат мой и эта девица) посидели за чаем, и брат говорит: «Вот прекрасная девушка! Что там еще много выбирать – жените меня на ней!».

Я отвечаю жене:

– Теперь я вижу, что брат в самом деле одурел.

– Нет, позволь, – отвечает жена, – отчего же это непременно «одурел»? Зачем же отрицать то, что ты сам всегда уважал?

– Что это такое я уважал?

– Безотчетные симпатии, влечения сердца.

– Ну, – говорю, – матушка, меня на это не подденешь. Все это хорошо вовремя и кстати, хорошо, когда эти влечения выте-

кают из чего-нибудь ясно сознанным, из признания видимых превосходств души и сердца, а это – что такое... в одну минуту увидел и готов обрешетиться на всю жизнь.

– Да, а ты что же имеешь против Машеньки? – она именно такая и есть, как ты говоришь, – девушка ясного ума, благородного характера и прекрасного и верного сердца. Притом и он ей очень понравился.

– Как! – воскликнул я, – так это ты уж и с ее стороны успела заручиться признанием?

– Признание, – отвечает, – не признание, а разве это не видно? Любовь ведь – это по нашему женскому ведомству, – мы ее замечаем и видим в самом зародыше.

– Вы, – говорю, – все очень противные свахи: вам бы только кого-нибудь женить, а там что из этого выйдет – это до вас не касается. Побойся последствий твоего легкомыслия.

– А я ничего, – говорит, – не боюсь, потому что я их обоих знаю, и знаю, что брат твой – прекрасный человек и Маша – премилая девушка, и они как дали слово заботиться о счастье друг друга, так это и исполнят.

– Как! – закричал я, себя не помня, – они уже и слово друг другу дали?

– Да, – отвечает жена, – это было пока иносказательно, но понятно. Их вкусы и стремления сходятся, и я вечером поеду с твоим братом к ним, – он, наверно, понравится старикам, и потом...

– Что же, что потом?

– Потом – пускай как знают; ты только не мешайся.

– Хорошо, – говорю, – хорошо, – очень рад в подобную глупость не мешаться.

– Глупости никакой не будет.

– Прекрасно.

– А будет все очень хорошо: они будут счастливы!

– Очень рад! Только не мешает, – говорю, – моему братцу и тебе знать и помнить, что отец Машеньки всем известный богатый сквалыжник.

– Что же из этого? Я этого, к сожалению, и не могу оспаривать, но это нимало не меша-

ет Машеньке быть прекрасною девушкой, из которой выйдет прекрасная жена. Ты, верно, забыл то, над чем мы с тобою не раз останавливались: вспомни, что у Тургенева – все его лучшие женщины, как на подбор, имели очень непочтенных родителей.

– Я совсем не о том говорю. Машенька действительно превосходная девушка, а отец ее, выдавая замуж двух старших ее сестер, обоих зятьев обманул и ничего не дал, – и Маше ничего не даст.

– Почему это знать? Он ее больше всех любит.

– Ну, матушка, держи карман шире: знаем мы, что такое их «особенная» любовь к девушке, которая на выходе. Всех обманет! Да ему и не обмануть нельзя – он на том стоит, и состоянию-то своему, говорят, тем начало положил, что деньги в большой рост под залоги давал. У такого-то человека вы захотели любви и великодушия доискаться. А я вам то скажу, что первые его два зятя оба сами пройды, и если он их надул и они теперь все во вражде с ним, то уж моего братца, который с детства страдал самою утрированной деликатностью, он и подавно оставит на бобах.

– То есть как это, – говорит, – на бобах?

– Ну, матушка, это ты дурачишься.

– Нет, не дурачусь.

– Да разве ты не знаешь, что такое значит «оставить на бобах»? Ничего не даст Машеньке, – вот и вся недолга.

– Ах, вот это-то!

– Ну, конечно.

– Конечно, конечно! Это быть может, но только я, – говорит, – никогда не думала, что по-твоему – получить путную жену, хотя бы и без приданого, – это называется «остаться на бобах». Знаете милую женскую привычку и логику: сейчас – в чужой огород, а вам по соседству шпильку в бок...

– Я говорю вовсе не о себе...

– Нет, отчего же?..

– Ну, это странно, ma chere!

– Да отчего же странно?

– Оттого странно, что я этого на свой счет не говорил.

– Ну, думал.
– Нет – совсем и не думал.
– Ну, воображал.
– Да нет же, черт возьми, ничего я не воображал!

– Да чего же ты кричишь?!
– Я не кричу.
– И «черти»... «черт»... Что это такое?
– Да потому, что ты меня из терпения выводешь.

– Ну вот то-то и есть! А если бы я была богата и принесла с собою тебе приданое...
– Э-ге-ге!..

Этого уже я не выдержал и, по выражению покойного поэта Толстого, «начав – как бог, окончил – как свинья». Я принял обиженный вид, – потому, что и в самом деле чувствовал себя несправедливо обиженным, – и, покачав головою, повернулся и пошел к себе в кабинет. Но, затворяя за собою дверь, почувствовал неодолимую жажду отмщения – снова отворил дверь и сказал:

– Это свинство!

А она отвечает:

– Mersi, мой милый муж.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Черт знает, что за сцена! И не забудьте – это после четырех лет самой счастливой и ничем ни на минуту не возмущенной супружеской жизни!.. Досадно, обидно – и непременно! Что за вздор такой! И из-за чего!.. Все это набаламутил брат. И что мне такое, что я так кипячусь и волнуюсь! Ведь он в самом деле взрослый, и не вправе ли он сам обсуждать, какая особа ему нравится и на ком ему жениться?.. Господи – в этом сыну родному нынче не укажешь, а то чтобы еще брат брата должен был слушаться... Да и по какому, наконец, праву?.. И могу ли я, в самом деле, быть таким провидцем, чтобы утвердительно предсказывать, какое сватовство чем кончится?.. Машенька действительно превосходная девушка, а моя жена разве не прелестная женщина?.. Да и меня, слава Богу, никто негодяем не называл, а между тем вот мы с нею, после четырех лет счастливой,

ни на минуту ничем не смущенной жизни, теперь разобрались, как портной с портнихой... И все из-за пустяков, из-за чужой шутовской прихоти...

Мне стало ужасно совестно перед собою и ужасно ее жалко, потому что я ее слова уже считал ни во что, а за все винил себя, и в таком грустном и недовольном настроении уснул у себя в кабинете на диване, закутавшись в мягкий ватный халат, выстеганный мне собственными руками моей милой жены... Подкупающая это вещь – носильное удобное платье, сработанное мужу жениными руками! Так оно хорошо, так мило и так вовремя и не вовремя напоминает и наши вины, и те драгоценные ручки, которые вдруг захочется расцеловать и просить в чем-то прощения.

– Прости меня, мой ангел, что ты меня, наконец, вывела из терпения. Я вперед не буду.

И мне, признаться, до того захотелось поскорее идти с этой просьбой, что я проснулся, встал и вышел из кабинета. Смотрю – в доме везде темно и тихо. Спрашиваю горничную:

– Где же барыня?

– А они, – отвечает, – уехали с вашим братцем к Марьи Николаевны отцу. Я вам сейчас чай приготовлю.

«Какова! – думаю, – значит, она своего упорства не оставляет, – она таки хочет женить брата на Машеньке... Ну пусть их делают как знают, и пусть их Машенькин отец надует, как он надул своих старших зятьев. Да даже еще и более, потому что те сами жохи, а мой брат – воплощенная честность и деликатность. Тем лучше, – пусть он их надует – и брата и мою жену. Пусть она обожжется на первом уроке, как людей сватать!».

Я получил из рук горничной стакан чаю и уселся читать дело, которое завтра началось у нас в суде и представляло для меня немало трудностей.

Занятие это увлекло меня далеко за полночь, а жена моя с братом возвратились в два часа и оба превеселые. Жена говорит мне:

– Не хочешь ли холодного ростбифа и стакан воды с вином? А мы у Васильевых ужинали.

– Нет, – говорю, – покорно благодарю.

– Николай Иванович расщедрился и отлично нас покормил.

– Вот как!

– Да – мы превесело провели время и шампанское пили.

– Счастливы! – говорю, а сам думаю: «Значит, эта бестия, Николай Иванович, сразу раскусил, что за теленок мой брат, и дал ему пошла недаром. Теперь он его будет ласкать, пока там жениховский рученец кончится, а потом – быть бычку на обрывочку».

А чувства мои против жены снова озлобились, и я не стал просить у нее прощения в своей невинности. И даже если бы я был свободен и имел досуг вникать во все перипетии затеянной ими любовной игры, то не удивительно было б, что я снова не вытерпел бы – во что-нибудь вмещался, и мы дошли бы до какой-нибудь психозы; но, по счастью, мне было некогда. Дело, о котором я вам говорил, заняло нас на суде так, что мы с ним не чаяли освободиться и к празднику, а потому я домой являлся только поесть да выспаться, а все дни и часть ночей проводил пред алтарем Фемиды.

А дома у меня дела не ждали, и когда я под самый Сочельник явился под свой кров, довольный тем, что освободился от судебных занятий, меня встретили тем, что пригласили осмотреть роскошную корзину с дорогими подарками, подносимыми Машеньке моим братом.

– Это что же такое?

– А это дары жениха невесте, – объяснила мне моя жена.

– Ага! так вот уже как! Поздравляю.

– Как же! Твой брат не хотел делать формального предложения, не переговорив еще раз с тобою, но он спешит своей свадьбой, а ты, как назло, сидел все в своем противном суде. Ждать было невозможно, и они помолвлены.

– Да и прекрасно, – говорю, – незачем было меня и ждать.

– Ты, кажется, остришь?

– Нисколько я не острою.

– Или иронизируешь?

– И не иронизирую.

– Да это было бы и напрасно, потому что, несмотря на все твое карканье, они будут пресчастливы.

– Конечно, – говорю, – уж если ты ручаешься, то будут... Есть такая пословица: «Кто думает три дни, тот выберет злыдни». Не выбирать – вернее.

– А что же, – отвечает моя жена, закрывая корзинку с дарами, – ведь это вы думаете, будто вы нас выбираете, а в существе ведь все это вздор.

– Почему же это вздор? Надеюсь, не девушки выбирают женихов, а женихи к девушкам сватаются.

– Да, сватаются – это правда, но выбора, как осмотрительного или рассудительного дела, никогда не бывает.

Я покачал головою и говорю:

– Ты бы подумала о том, что ты такое говоришь. Я вот тебя, например, выбрал – именно из уважения к тебе и сознавая твои достоинства.

– И врешь.

– Как вру?!

– Врешь – потому что ты выбрал меня совсем не за достоинства.

– А за что же?

– За то, что я тебе понравилась.

– Как, ты даже отрицаешь в себе достоинства?

– Нимало – достоинства во мне есть, а ты все-таки на мне не женился бы, если бы я тебе не понравилась.

Я чувствовал, что она говорит правду.

– Однако же, – говорю, – я целый год ждал и ходил к вам в дом. Для чего же я это делал?

– Чтобы смотреть на меня.

– Неправда – я изучал твой характер.

Жена расхохоталась.

– Что за пустой смех!

– Нисколько не пустой. Ты ничего, мой друг, во мне не изучал и изучать не мог.

– Это почему?

– Сказать?
– Сделай милость, скажи!
– Потому, что ты был в меня влюблен.
– Пусть так, но это мне не мешало видеть твои душевные свойства.

– Мешало.
– Нет, не мешало.
– Мешало, и всегда всякому будет мешать, а потому это долгое изучение и бесполезно. Вы думаете, что, влюбившись в женщину, вы на нее смотрите с рассуждением, а на самом деле вы только глазеее с воображением.

– Ну... однако, – говорю, – ты уж это как-то... очень реально. А сам думаю: «Ведь это правда!». А жена говорит:

– Полно думать, худа не вышло, а теперь переодевайся скорее и поедem к Машеньке: мы сегодня у них встречаем Рождество, и ты должен принести ей и брату свое поздравление.

– Очень рад, – говорю.

И поехали.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Там было подношение даров и принесение поздравлений, и все мы порядочно упились веселым нектаром Шампани. Думать и разговаривать или отговаривать было уже некогда. Оставалось только поддерживать во всех веру в счастье, ожидающее обрученных, и пить шампанское. В этом и проходили дни и ночи то у нас, то у родителей невесты. В этакom настроении долго ли время тянется?

Не успели мы оглянуться, как уже налетел и канун Нового года. Ожидания радостей усиливаются. Свет целый желает радостей, – и мы от людей не отстали. Встретили мы Новый год опять у маменькиных родных с таким, как деды наши говорили, «мочимордием», что оправдали дедовское речение: «Руси есть веселие пити». Одно было не в порядке. Машенькин отец о приданом молчал, но зато сделал дочери престранный и, как потом я понял, совершенно непозволительный и зловещий подарок. Он сам надел на нее при всех за ужином богатое жемчужное ожерелье... Мы, мужчины, взглянув

на эту вещь, даже подумали очень хорошо.

«Ого-го, мол, сколько это должно стоить? Вероятно, такая штучка припасена с оных давних, благих дней, когда богатые люди из знати еще в ломбарды вещей не посылали, а при большой нужде в деньгах охотнее вверяли свои ценности тайным ростовщикам вроде Машенькиного отца». Жемчуг крупный, окатистый и чрезвычайно живой. Притом ожерелье сделано в старом вкусе, что называлось рефидью, ряснами, – назади начато небольшим, но самым скатным кафимским зерном, а потом все крупней и крупнее бурмицкое, и, наконец, что далее книзу, то пошли как бобы, и в самой середине три черные перла поражающей величины и самого лучшего блеска. Прекрасный, ценный дар совсем затмевал сконфуженные перед ним дары моего брата. Словом сказать – мы, грубые мужчины, все находили отцовский подарок Машеньке прекрасным, и нам понравилось также и слово, произнесенное стариком при подаче ожерелья. Отец Машеньки, подав ей эту драгоценность, сказал: «Вот тебе, доченька, штучка с наговором: ее никогда ни тля не истлит, ни вор не украдет, а если и украдет, то не обрадуется. Это – вечное».

Но у женщин ведь на все свои точки зрения, и Машенька, получив ожерелье, заплакала, а жена моя не выдержала и, улучив удобную минуту, даже сделала Николаю Ивановичу у окна выговор, который он по праву родства выслушал. Выговор ему за подарок жемчуга следовал потому, что жемчуг знаменует и предвещает слезы. А потому жемчуг никогда для новогодних подарков не употребляется.

Николай Иванович, впрочем, ловко отшутился.

– Это, – говорит, – во-первых, пустые предрассудки, и если кто-нибудь может подарить мне жемчужину, которую княгиня Юсупова купила у Горгубуса, то я ее сейчас возьму. Я, сударыня, тоже в свое время эти тонкости проходил и знаю, чего нельзя дарить. Девушке нельзя дарить бирюзы, потому что бирюза, по понятиям персов, есть кости людей,

умерших от любви, а замужним дамам нельзя дарить аметиста *avec fleches d'Amour*¹, но тем не менее я пробовал дарить такие аметисты, и дамы брали...

Моя жена улыбнулась. А он говорит:

– Я и вам попробую подарить. А что касается жемчуга, то надо знать, что жемчуг жемчугу рознь. Не всякий жемчуг добывается со слезами. Есть жемчуг персидский, есть из Красного моря, а есть перлы из тихих вод – *d'eau douce*², тот без слезы берут. Сентиментальная Мария Стюарт только такой и носила *perle d'eau douce*, из шотландских рек, но он ей не принес счастья. Я знаю, что надо дарить, – то я и дарю моей дочери, а вы ее пугаете. За это я вам не подарю ничего *avec fleches d'Amour*, а подарю вам ледяной «лунный камень». Но ты, мое дитя, не плачь и выбрось из головы, что мой жемчуг приносит слезы. Это не такой. Я тебе на другой день твоей свадьбы открою тайну этого жемчуга, и ты увидишь, что тебе никаких предрассудков бояться нечего...

Так это и успокоилось, и брата с Машенькой после Крещения перевенчали, а на следующий день мы с женою поехали навестить молодых.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мы застали их вставшими и в необыкновенно веселом расположении духа. Брат сам открыл нам двери помещения, взятого им для себя, ко дню свадьбы, в гостинице, встретил нас весь сияя и покатываясь со смеху. Мне это напомнило один старый роман, где новобрачный сошел с ума от счастья, и я это брату заметил, а он отвечает:

– А что ты думаешь, ведь со мною в самом деле произошел такой случай, что возможно своему уму не верить. Семейная жизнь моя, начавшаяся сегодняшним днем, принесла мне не только ожидаемые радости от моей милой жены, но также неожиданное благополучие от тестя.

– Что же такое еще с тобою случилось?

¹ – со стрелами Амура (франц.).

² – из пресных вод (франц.).

– А вот входите, я вам расскажу.

Жена мне шепчет:

– Верно, старый негодяй их надул.

Я отвечаю:

– Это не мое дело.

Входим, а брат подает нам открытое письмо, полученное на их имя рано по городской почте, и в письме читаем следующее: «Предрассудок насчет жемчуга ничем вам угрожать не может: этот жемчуг фальшивый».

Жена моя так и села.

– Вот, – говорит, – негодяй!

Но брат ей показал головою в ту сторону, где Машенька делала в спальне свой туалет, и говорит:

– Ты неправа: старик поступил очень честно. Я получил это письмо, прочел его и рассмеялся... Что же, мне тут печально-го? Я ведь приданого не искал и не просил, я искал одну жену, стало быть, мне никакого огорчения в том нет, что жемчуг в ожерелье не настоящий, а фальшивый. Пусть это ожерелье стоит не тридцать тысяч, а просто триста рублей, – не все ли равно для меня, лишь бы жена моя была счастлива... Одно только меня озабочивало, как это сообщить Маше? Над этим я задумался и сел, оборотясь лицом к окну, а того не заметил, что дверь забыл запереть. Через несколько минут оборачиваюсь и вдруг вижу, что у меня за спиною стоит тесть и держит что-то в руке в платочке.

«Здравствуй, – говорит, – зятюшка!»

Я вскочил, обнял его и говорю:

«Вот это мило! мы должны были к вам через час ехать, а вы сами... Это против всех обычаев... мило и дорого».

«Ну что, – отвечает, – за счеты! Мы свои. Я был у обедни, – помолился за вас и вот про- свиру вам привез».

Я его опять обнял и поцеловал.

«А ты письмо мое получил?» – спрашивает.

«Как же, – говорю, – получил».

И я сам рассмеялся.

Он смотрит.

«Чего же, – говорит, – ты смеешься?»

«А что же мне делать? Это очень забавно».

«Забавно?»

«Да как же».

«А ты подай-ка мне жемчуг».

Ожерелье лежало тут же на столе в футляре, – я его и подал.

«Есть у тебя увеличительное стекло?»

Я говорю: «Нет».

«Если так, то у меня есть. Я по старой привычке всегда его при себе имею. Изволь посмотреть на замок под собачку».

«Для чего мне смотреть?»

«Нет, ты посмотри. Ты, может быть, думаешь, что я тебя обманул».

«Вовсе не думаю».

«Нет – смотри, смотри!»

Я взял стекло и вижу – на замке, на самом скрытном месте микроскопическая надпись французскими буквами: «Бургильон».

«Убедился, – говорит, – что это действительно жемчуг фальшивый?»

«Вижу».

«И что же ты мне теперь скажешь?»

«То же самое, что и прежде. То есть: это до меня не касается, и вас только буду об одном просить...»

«Проси, проси!»

«Позвольте не говорить об этом Маше».

«Это для чего?»

«Так...»

«Нет, в каких именно целях? Ты не хочешь ее огорчить?»

«Да – это между прочим».

«А еще что?»

«А еще то, что я не хочу, чтобы в ее сердце хоть что-нибудь шевельнулось против отца».

«Против отца?»

«Да».

«Ну, для отца она теперь уже отрезанный ломоть, который к караваю не пристанет, а ей главное – муж...»

«Никогда, – говорю, – сердце не заезжий двор: в нем тесно не бывает. К отцу одна любовь, а к мужу – другая, и кроме того... муж, который желает быть счастливым, обязан заботиться, чтобы он мог уважать свою жену, а для этого он должен беречь ее любовь и почтение к родителям».

«Ага! Вот ты какой практик!»

И стал молча пальцами по табуретке

барабанить, а потом встал и говорит: «Я, любезный зять, наживал состояние своими трудами, но очень разными средствами. С высокой точки зрения они, может быть, не все очень похвальны, но такое мое время было, да я и не умел наживать иначе. В людей я не очень верю и про любовь только в романах слышал, как читают, а на деле я все видел, что все денег хотят. Двум зятям я денег не дал, и вышло верно: они на меня злы и жен своих ко мне не пускают. Не знаю, кто из нас благороднее – они или я? Я денег им не даю, а они живые сердца портят. А я им денег не дам, а вот тебе возьму да и дам! Да! И вот, даже сейчас дам!»

И вот извольте смотреть!

Брат показал нам три билета по пятидесяти тысяч рублей.

– Неужели, – говорю, – все это твоей жене?

– Нет, – отвечает, – он Маше дал пятьдесят тысяч, а я ему говорю:

«Знаете, Николай Иванович, – это будет щекотливо... Маше будет неловко, что она получит от вас приданое, а сестры ее – нет... Это непременно вызовет у сестер к ней зависть и неприязнь... Нет, Бог с ними, – оставьте у себя эти деньги и... когда-нибудь, когда благоприятный случай примирит вас с другими дочерьми, тогда вы дадите всем поровну. И вот тогда это принесет всем нам радость... А одним нам... не надо!»

Он опять встал, опять прошелся по комнате и, остановясь против двери спальни, крикнул: «Марья!». Маша уже была в пеньюаре и вышла.

«Поздравляю, – говорит, – тебя».

Она поцеловала его руку.

«А счастлива быть хочешь?»

«Конечно, хочу, папа, и... надеюсь».

«Хорошо... Ты себе, брат, хорошего мужа выбрала!»

«Я, папа, не выбирала. Мне его Бог дал».

«Хорошо, хорошо. Бог дал, а я придам: я тебе хочу прибавить счастья. – Вот три билета, все равные. Один тебе, а два твоим сестрам. Раздай им сама – скажи, что ты даришь...»

«Папа!»

Маша бросилась ему сначала на шею, а потом вдруг опустилась на землю и обняла, радостно плача, его колена. Смотрю – и он заплакал.

«Встань, встань! – говорит. – Ты нынче, по народному слову, «княгиня» – тебе неприлично в землю мне кланяться».

«Но я так счастлива... за сестер!..»

«То-то и есть... И я счастлив!.. Теперь можешь видеть, что нечего тебе было бояться жемчужного ожерелья. Я пришел тебе тайну открыть: подаренный мною тебе жем-

чуг – фальшивый, меня им давно сердечный приятель надул, да ведь какой, – не простой, а слитый из Рюриковичей и Гедиминовичей. А вот у тебя муж простой души, да истинной: такого надуть невозможно – душа не стерпит!»

– Вот вам весь мой рассказ, – заключил собеседник, – и я, право, думаю, что, несмотря на его современное происхождение и на его невымысленность, он отвечает и программе и форме традиционного святочного рассказа.

*Василий Акимович Никифоров-Волгин,
(1901-1941) русский писатель*

Светлая заутреня

Над землей догорала сегодняшняя литургийная песнь: «Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом».

Вечерняя земля затихала. Дома открывали стеклянные дверцы икон. Я спросил отца:

– Это для чего?

– Это знак того, что на Пасху дверные райские отверзаются!

До начала заутрени мы с отцом хотели выспаться, но не могли. Лежали на постели рядом, и он рассказывал, как ему мальчиком пришлось встречать Пасху в Москве.

– Московская Пасха, сынок, могучая! Кто раз повидал ее, тот до гроба помнить будет. Грохнет это в полночь первый удар колокола с Ивана Великого, так словно небо со звездами упадет на землю! А в колоколе-то, сынок, шесть тысяч

пудов, и для раскачивания языка требовалось двенадцать человек! Первый удар подгоняли к бою часов на Спасской башне...

Отец приподнимается с постели и говорит о Москве с дрожью в голосе:

– Да... часы на Спасской башне... Пробьют, – и сразу же взвывается к небу ракета... а за ней пальба из старых орудий на Тайницкой башне – сто один выстрел!..

Морем стелется по Москве Иван Великий, а остальные сорок сороков вторят ему, как реки в половодье! Такая, скажу тебе, сила плывет над первопрестольной, что ты словно не ходишь, а на волнах качаешься маленькой щепкой! Могучая ночь, грому Господню подобная! Эй, сынок, не живописать словами пасхальную Москву!

Отец умолкает и закрывает глаза.

– Ты засыпаешь?

- Нет. На Москву смотрю.
- А где она у тебя?
- Перед глазами. Как живая...
- Расскажи еще что-нибудь про Пасху!
- Довелось мне встречать также

Пасху в одном монастыре. Простотой да святолепностью была она еще лучше московской! Один монастырь-то чего стоит! Кругом – лес нехоженный, тропы звериные, а у монастырских стен – речка плещется. В нее таежные деревья глядят и церковь, сбита из крепких смолистых бревен. К Светлой заутрене собиралось сюда из окрестных деревень великое множество богомольцев. Был здесь редкостный обычай. После заутрени выходили к речке девушки со свечами, пели «Христос Воскресе», кланялись в пояс речной воде, а потом – прилепляли свечи к деревянному кругляшу и по очереди пускали их по реке.

Ты вообрази только, какое там было диво! Среди ночи сотня огней плывет по воде, а тут еще колокола трезвонят, и лес шумит!

– Хватит вам вечать-то, – перебила нас мать, – выпались бы лучше, а то будете стоять на заутрене соныгами!

Мне было не до сна. Душу охватывало предчувствие чего-то необъяснимо огромного, похожего не то на Москву, не то на сотню свечей, плывущих по лесной реке. Встал с постели, ходил из угла в угол, мешал матери стряпать и поминутно ее спрашивал:

- Скоро ли в церковь?
- Не вертись, как косое веретено! – тихо вспылила она. – Ежели не терпится, то ступай, да не балуй там!

До заутрени целых два часа, а церковная ограда уже полна ребятами.

Ночь без единой звезды, без ветра и как бы страшная в своей необычности и огромности. По темной улице плыли куличи в белых платках – только они были видны, а людей как бы и нет.

В полутемной церкви около Плащаницы стоит очередь охотников почитать

Деяния апостолов. Я тоже присоединился. Меня спросили:

- Читать умеешь?
- Умею.
- Ну, так начинай первым!

Я подошел к аналою и стал выводить по складам: «Первое убо слово сотворих о Феофиле», и никак не мог выговорить «Феофил». Растерялся, смущенно опустил голову и перестал читать. Ко мне подошли и сделали замечание:

- Куда ж ты лезешь, когда читать не умеешь?
- Попробовать хотел!..
- Ты лучше куличи пробуй, – и оттеснили меня в сторону.

В церкви не стоялось. Вышел в ограду и сел на ступеньку храма.

– Где-то сейчас Пасха? – размышлял я. – Витает ли на небе, или ходит за городом, в лесу, по болотным кочкам, сосновым остинкам, подснежникам, вересковыми и можжевельными тропинками, и какой имеет образ? Вспомнился мне чей-то рассказ, что в ночь на Светлое Христово Воскресение спускается с неба на землю лествица, и по ней сходит к нам Господь со святыми апостолами, преподобными, страстотерпцами и мучениками. Господь обходит землю; благословляет поля, леса, озера, реки, птиц, человека, зверя и все сотворенное святой Его волей, а святые поют «Христос Воскресе из мертвых...» Песня святых зернами рассыпается по земле, и от этих зерен зарождаются в лесах тонкие душистые ландыши...

Время близилось к полуночи. Ограда все гуще и полнее гудит говором. Из церковной сторожки кто-то вышел с фонарем.

- Идет, идет! – неистово закричали ребята, хлопая в ладоши.
- Кто идет?
- Звонарь Лександра! Сейчас грохнет! И он грохнул...

От первого удара колокола по земле словно большое серебряное колесо пока-

тилось, а когда прошел гуд его, покати-лось другое, а за ним третье, и ночная пасхальная тьма закружилась в серебряном гудении всех городских церквей.

Меня приметил в темноте нищий Яков.

– Светловещанный звон! – сказал он и несколько раз перекрестился.

В церкви начали служить «великую полунощницу». Пели «Волною морскою». Священники в белых ризах подняли Плащаницу и унесли в алтарь, где она будет лежать на Престоле до праздника Вознесения. Тяжелую золотую гробницу с грохотом отодвинули в сторону, на обычное свое место, и в грохоте этом тоже было значительное, пасхальное, – словно отваливали огромный камень от гроба Господня.

Я увидел отца с матерью. Подошел к ним и сказал:

– Никогда не буду обижать вас! – прижался к ним и громко воскликнул: – Весело-то как!

А радость пасхальная все ширилась, как Волга в половодье, про которое не раз отец рассказывал. Весенними деревьями на солнечном поветрии заколыхались высокие хоругви. Стали готовиться к крестному ходу вокруг церкви. Из алтаря вынесли серебряный запрестольный крест, золотое Евангелие, огромный круглый хлеб – артос, заулыбались поднятые иконы, и у всех зажглись красные пасхальные свечи.

Наступила тишина. Она была прозрачной, и такой легкой, если дунуть на нее, то заколеблется паутинкой. И среди этой тишины запели: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небеси». И под эту воскреляющую песню заструился огнями крестный ход. Мне наступили на ногу, капнули воском на голову, но я почти ничего не почувствовал и подумал: «так полагается» – Пасха! Пасха Господня! – бегали по душе солнечные зайчики. Тесно прижавшись друг к другу ночными потемками, по струям воскресной песни, осыпаемые трезвоном и обо-

греваемые огоньками свечей, мы пошли вокруг белозорной от сотни огней церкви и остановились в ожидании у крепко закрытых дверей. Смолкли колокола. Сердце затаилось. Лицо запылало жаром. Земля куда-то исчезла – стоишь не на ней, а как бы на синих небесах. А люди? Где они? Все превратилось в ликующие пасхальные свечи!

И вот, огромное, чего охватить не мог вначале, – свершилось! Запели «Христос воскрес из мертвых».

Три раза пропели «Христос Воскресе», и перед нами распахнулись створки высокой двери. Мы вошли в воскресший храм, – и перед глазами, в сиянии паникадил, больших и малых лампад, в блестках серебра, золота и драгоценных камней на иконах, в ярких бумажных цветах на куличах, – вспыхнула Пасха Господня! Священник, окутанный кадильным дымом, с заяснившимся лицом, светло и громко воскликнул: «Христос Воскресе!», и народ ответил ему грохотом спадающего с высоты тяжелого льдистого снега – «Воистину Воскресе!».

Рядом очутился Гришка. Я взял его за руки и сказал:

– Завтра я подарю тебе красное яйцо! Самое наилучшее! Христос Воскресе!

Неподалеку стоял и Федька. Ему тоже пообещал красное яйцо. Увидел дворника Давыда, подошел к нему и сказал:

– Никогда не буду называть тебя «подметалой-мучеником». Христос Воскресе!

А по церкви молниями летали слова пасхального канона. Что ни слово, то искорка веселого быстрого огня: «Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир видимый же весь и невидимый, Христос бо возста, веселие вечное...»

Сердце мое зашло от радости, – около амвона увидел девочку с белокурыми косами, которую приметил на выносе Плащаницы! Сам не свой подошел к ней и, весь зардевшись, опустив глаза, я прошептал:

– Христос Воскресе!

Она смутилась, уронила из рук свечечку, тихим пламенем потянулась ко мне, и мы похристосовались... а потом до того застыдились, что долго стояли с опущенными головами.

А в это время с амвона гремело Пасхальное Слово Иоанна Златоуста:

«Аще кто благочестив и боголюбив, да насладится сего добраго и светлаго торжества... Воскресе Христос, и жизнь жительствоет!»

Русский путь, православное мирозерцание... Иногда так непросто объяснить оппоненту, что это такое на самом деле. И тут, как нам кажется, на помощь приходит русская культура, в нашем случае живопись, взирая на которую беспристрастно, можно хоть в какой-то степени понять. А может, даже и прикоснуться к тому, что мы называем русским миром.

Ангельский реализм Александра Простева

В популярной соцсети Александр Простев предпослал своей странице короткое высказывание преподобного Серафима Саровского «Человек человеку – радость». И мы явственно видим этот посыл в произведениях художника, к коим в самом деле приложимы два определяющих слова – «свет» и «радость». Это – не суждение философа Василия Розанова «человек человеку – бревно»: у Простева речь идет о земной любви как проекции любви небесной.

Но немаловажны для понимания духовного самоопределения, контекста бытия Александра Простева цитаты другого русского мыслителя минувшего века, Ивана Ильина: «Итак, мы не призваны заимствовать духовную культуру у других народов или подражать им. Мы призваны творить свое и по-своему: русское, по-русски»; «Как бы ни были велики наши исторические несчастья и крушения, мы призваны самостоятельно быть, а не ползать перед другими; творить, а не заимствовать; обращаться к Богу, а не подражать соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы, а не ходить «в кусочки», собирая на мнимую бедность. Мы западу не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и учителя себе самим. Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру – из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом – смысл русской идеи».

Простев, отучившийся полный курс, но отказавшийся от защиты диплома в Санкт-Петербургской академии художеств им. Репина (СПбГАИЖСА), не любит говорить о своей биографии, считая это «само-

мумификацией». Но зрителю все же хочется взглянуть в глаза мастеру, создавшему волнующие полотна, приоткрыть краешек завесы, чтобы поразмышлять о непостижимом хотя бы на уровне внешних очертаний – как и почему именно в этом человеке проявляется поручение Божественной Красоты.

Потому мы и цепляемся за редкие признания Александра Евгеньевича – о том, что родился он в Брянске, где «застал еще печку, чугунные горшки, ухват», что помнит «бабушку у этой печки», которая «печет пирожки с золотистой корочкой», что, «как все дети, начал рисовать в раннем возрасте, но с тех пор так и не остановился». Глубинка для этого художника – не географическая провинция, а детство, «глубинка души» – оттуда и сочится окормляющий свет, а потому и свою серию картин «Свете Светлый», всю подсвеченную этим несказанным светом детства, любви, ностальгии, светом, соединенным с вечностью и Небом, автор называет также «Картинками из глубинки».

Красоту древнерусской иконы Простев понимает как косвенное доказательство бытия Божьего. «Было время, когда я смотрел на икону и не видел ее, – говорит он. – Со временем, когда пелена упала с глаз, я был покорен красотой древнерусской иконы – чистотой цвета, линии, гениальной простотой и всем тем, что называется «живописью исихазма». Мне всегда хотелось изображать самое главное. В иконе все это есть. Писать икону – это радость. Как при этом оказаться вне Церкви? Просто невозможно». И еще: «Любите, изучайте, проникайтесь древнерусской иконой. Это наше национальное сокровище удивительной

красоты и широчайшего диапазона – в ней есть и высокое богословие, и живопись мирового уровня, и детская чистота, и простота божественная».

Зададим несколько вопросов художнику.

– Александр Евгеньевич, Вы как-то сказали, что древнерусская икона, «живопись исихазма» – это центр, вокруг которого на орбите вращается живопись, и выше иконописи нет ничего. Скажите, на что у Вас уходит сил и жизни больше – на иконопись или живопись?

– Иконопись – это форма служения Богу, вид молитвы. Икона – это часть литургического пространства. Ничего подобного не скажешь о живописи. Но у меня не существует выбора: иконопись или живопись. В этом смысле я внутренне не разрываюсь. Хотя есть иконописцы, которые считают, что если пишешь икону, то не стоит заниматься чем-то другим. Возможно, они правы по-своему. Но мне кажется, что это очень индивидуально. Я же чувствую, что есть образы, которые можно наиболее сильно выразить именно в иконе, и никак иначе, но есть образы, которые выражать средствами иконы просто ни к чему. Например, у меня есть картина, где Сергей Радонежский штопает свою прохудившуюся ризу. Зачем пытаться впихнуть этот сюжет в иконопись, если он наиболее полно раскрывается в живописи?

Иконопись и живопись у меня дополняют друг друга как две сестры – старшая и младшая.

– Генезис некоторых Ваших полотен выводится из русского лубка, который, в свою очередь, «в каком-то смысле вырастает из иконописи». С духовными истоками, столпами и опорами понятно, а кого персонально Вы видите своими стилистическими предшественниками в русском изобразительном искусстве?

– Если упоминать русский лубок, то самый ранний, тот, в котором еще присутствовало наивное религиозно-поучительное содержание. Именно этот лубок мне больше всего нравится. Но я не могу

сказать, что лубок оказал на меня сильное влияние. Я имею в виду свои работы из моего небольшого альбома «Свете Светлый». Кто-то видит исток этих работ из лубка, кто-то даже вспоминает малых голландцев Броувера и Остаде, а кто-то вспоминает Леонида Соломаткина, русского художника конца XIX века. Это нормально, так как художник не вырастает из пустоты. Но если взять мою работу «Душа бабушки Полины» (впрочем, как и многие другие работы, подобные этой), то вы не увидите там влияния перечисленных художников.

Мои стилистические предшественники? Честно признаюсь, я просто не думаю об этом, не анализирую. Я пишу картину и чувствую огромную радость от этого. Если бы не было этой радости, я к краскам даже не притрагивался бы. Зачем? Радость творчества – единственное, как мне кажется, оправдание этого творчества. Это творческий ответ человека Творцу. И в этом ответе – радость и благодарность.

– «Это – не просто красиво...» – пишет мне взволнованный друг из Красноярска. – Это удивительно одухотворенная живопись... Такие прозрачные краски! Хочется спросить у художника: какая это техника и какого размера работы?» Ваши картины словно подсвечены изнутри каким-то белозолотым свечением, в самом деле, отсылающим к иконному письму. В чем технический секрет? Вы пишете картины на левкасе? Пользуетесь волшебными красками?

– Конечно, иконопись не могла не повлиять на мою живопись. У меня есть живописные работы, написанные на доске, на левкасе. Левкас отражает свет через краску. Но немало работ, которые я писал пастелью. При этом всякая техника должна быть подчинена замыслу. Да, левкас может отражать свет через краску, но дело даже не в этом. Есть свет, который отражается не от левкаса, а от созданного художественного образа. Это другой свет, не физического свойства. Ведь на левкасе, отражающем свет, можно написать такое, от чего повеет мраком. А размеры картин разные, от совсем маленьких до больших.

– Александр Евгеньевич, Вы выходите к публике циклами, сериями работ. Это такой тип мышления у Вас или Ваша цель изначально – именно альбом? Ведь всякий раз несколько лет работы над тем или иным циклом завершались выходом альбома.

– Это связано с тем, какая задача ставится. В иконописи есть житийные клейма, в которых иконописным языком изображается жизнь святого от рождения до блаженной кончины. Я же решил создать то же самое в живописи. Увы – живописный язык более понятен и близок современному человеку, чем иконописный. Но что есть, то есть. А я люблю живопись не меньше иконописи. Так и появились мои житийные серии в живописи. Кто-то сказал, что это новый жанр. Возможно. И, понятное дело, что собрать всю серию можно под одной обложкой, как житийные клейма в одной иконе. То есть выпустить альбом. Эти серии о житии святых я называю акафистами в красках.

– Альбомы Ваши издавались доброхотами или в этом присутствовал элемент заказа?

– Нет, никто мне таких заказов не давал. Просто очень хотелось сделать эту работу. Когда пишешь житие святого, начинаешь «присутствовать» рядом с ним, мысленно общаться. Я же живу в городе, где святая Ксения Петербургская, по историческим меркам, жила совсем недавно, ходила по той же улице, по которой и я сейчас хожу, так же в непогоду стояла на набережной, смотрела на Неву... Пять лет я работал над этим альбомом и находился «рядом» с Ксенией. Это были замечательные годы, за что я очень благодарен Ксении Петербургской. До сих пор меня переполняет чувство благодарности к ней. Какой же тут может быть элемент заказа? Такое не закажешь.

– Цикл работ «Житие прп. Сергия» создан Вами с 2001 по 2008 год, «Житие Петра и Февронии» – с 2008 по 2009 год. В 2015 году Вы закончили серию о житии блаженной Ксении Петербургской. Это очень популярные в православной среде живописные циклы. Воспоследуют ли новые «акафисты в красках»? К какому русскому святому Вы обратите в таком случае свое духовное и сердечное вни-

мание? К Илии Муромцу? Нестору Летописцу? Серафиму Саровскому? Иоасафу Белгородскому?

– Тут я вас разочарую: я просто не знаю об этом. Вообще, я живу сегодняшним днем, ничего особо не планирую. Предыдущие житийные серии я тоже заранее не планировал. Например, желание написать житие Ксении Петербургской появилось внезапно, как с неба свалилось. Это был радостный момент. Я тогда даже очень удивился, обнаружив, что художники не обращаются к этой теме. Я увидел перед собой целину, тропы, по которым почему-то никто не прошел. А сейчас я делаю роспись в недавно построенном храме блаженной Ксении Петербургской, который находится на улице, где она жила. Ну как это можно было спланировать? Меня пригласили, неожиданно для меня, вот я и работаю сейчас там.

***

В картинах Александра Простева часто увидишь ангела. Ангелы-хранители в его картинах то сопровождают-осеняют святых, то помогают пострадавшим, то вступают в бой с силами зла. Эту приверженность художника хочется назвать «ангельским реализмом». В том смысле, что ангелы являются хоть и бесплотными сущностями, однако, по глубокой уверенности художника, несомненны и представляют собой существенную составляющую, как сказал бы Достоевский, «реализма действительной жизни».

Прислушаемся к этому художнику, важному для нашего миропонимания. Всмотримся в его работы.

Станислав Минаков.

Источник: Православие и современность. 4 мая 2018 г.

Пожелаем и мы, читатели альманаха, замечательному художнику, иконописцу и просто ХОРОШЕМУ человеку, чтобы творческое вдохновение не покидало его, а светлые ангелы и дальше сопутствовали ему, и все его светлое творчество наполняло и нас светлыми мыслями и ДОБРЫМИ чувствами.

Православная семья.

Ангельская тишина.

Пристанище свв. Петра и Февронии.

Осенние листья.

Тихие беседы о.Никиты.

Деревенский ангел.

Птицы небесные.

Душа бабушки Полины.

Здравствуй, дедушка Егор!

Хлеб и звёзды.

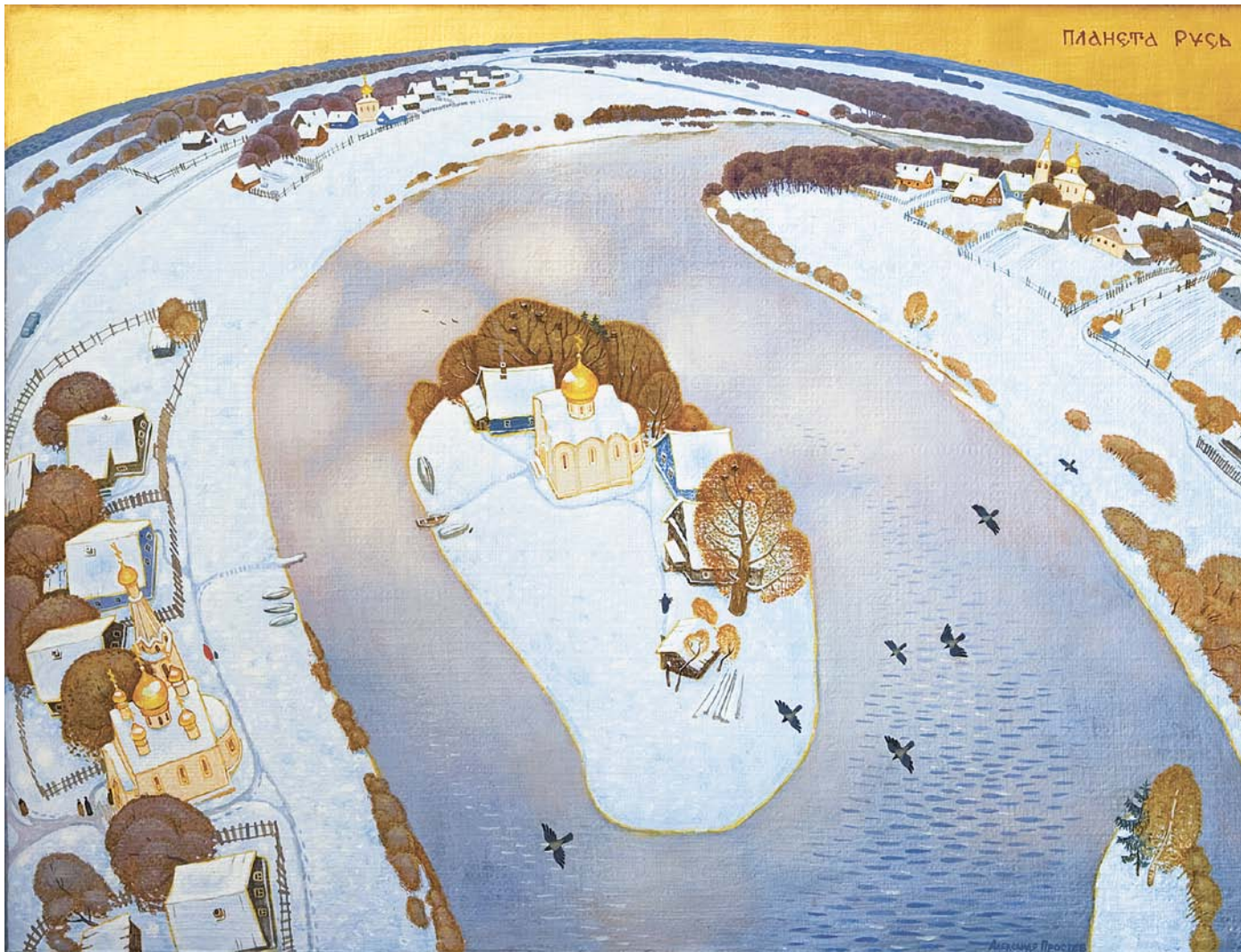
Колодезь.

Монах и птичка.

Ангел и ворона.

ПЛАНЕТА РУСЬ

Планета Русь.

*Зимним вечером.
За чтением Евангелия.*

Вербное воскресенье.

Сергиева трапеза.

Дом и дерево.

Ксения
Петербургская.

Башмаки блаженной Ксении.

Воскресшее дерево.

Отрок Варфоломей,
читающий псалмы.

Заболело сердце
у бабушки Анюты.

Сказал Господь:

«Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяносто девяти в пустыне и не пойдет за пропавшей, пока не найдет ее? А нашедши, возьмет ее на плечи свои с радостью и, пришедши домой, созовет друзей и соседей и скажет им: Порадуйтесь со мною, я нашел мою пропавшую овцу! Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяносто девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии»

(Лк.15:3–7).

Песенка

Серафим по фамилии Тяпочкин
был обычный на вид серафим.
Хоть носил он обычные тапочки,
свет нездешний струился над ним.

Проживал он в посёлке Ракитное,
возле яблоньки, в малом дому,
и невидное небо блакитное
было видно ему одному.

Приближались дали бездонные
от доселе неведанных слов,
и слетались мы, птахи бездомные,
на прокорм — к Серафиму под кров.

Кто старался у домика этого,
тот такую калитку открыл! —
в обители света всепетого,
в помаванье немислимых крыл.

Не ослабились узы нисколько
на просторе пустом и потом,
когда лёг возле храма Никольского
Серафим под дубовым крестом.

В огородиках тяпают тяпочки,
я за тяпочку тоже берусь...
И хранит серафимовы тапочки
слободская засечная Русь.

Станислав Минаков

